

«ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ»

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА:

НА РУИНАХ ПРОШЛОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Диденко

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Юля пережила заключение в психиатрической лечебнице, оказавшись единственной выжившей в страшном пожаре, поглотившем всех, в том числе и ее отца. Она пытается прийти в себя и вернуть свою жизнь в норму, но внутренние терзания и чувство вины не позволяют ей забыть прошлое. И ей практически удалось, но стали оправдываться ее самые большие опасения — монстр все еще жив и хочет вернуть над ней власть, чтобы закончить начатое. Сможет ли она выстоять, поставив на кон саму себя без остатка, или потеряет все?

Содержит нецензурную брань.

- **Максим Диденко**

- Глава 1. Похороны отца
- Глава 2. Осознание
- Глава 3. Руины
- Глава 4. Пустота внутри
- Глава 5. Помутнение
- Глава 6. Загадочная находка
- Глава 7. Беседа с Довлатовым
- Глава 8. Нелепая встреча
- Глава 9. Жуткая правда
- Глава 10. Набеги
- Глава 11. Разрыв
- Глава 12. Ва-банк
- Глава 13. Любовь всей жизни
- Глава 14. Встречное предложение
- Глава 15. Раскопки
- Глава 16. Долгожданная встреча
- Глава 17. Дело принципа
- Глава 18. Разведка
- Глава 19. Все тайное становится явным
- Глава 20. Новое амплуа
- Глава 21. Цена жизни
- Глава 22. Освобождение
- Глава 23. Консилиум

Максим Диденко

**Психиатрическая лечебница: На
руинах прошлого**

Глава 1. Похороны отца

Послеобеденный пасмурный день, словно имитируя мотивы какого-то фильма, затянул все небо грозными тучами, оплакивая мужчину вместе со всеми присутствующими и роняя слезы на гладкую, до блеска отполированную дубовую крышку, закрывающую гроб — последнее пристанище усопшего.

К небывалому удивлению Юли, на кладбище собралось достаточно много людей, учитывая тот факт, что ни близких друзей, ни даже тех, кто мог назвать Игоря Николаевича приятным соседом среди них не было. Каждый, кто знал его или кому просто доводилось пересекаться с ним в повседневной жизни, встречал в его лице либо самодовольного и чрезмерно самоуверенного, либо же молчаливого и замкнутого человека, всецело заиклированного на своих собственных мыслях и делах, для которого ровным счетом ничего не значило окружающее общество, кроме, конечно же, собственной семьи, ее оставшихся членов, на коих он и заострил все свое внимание. Наверное, помни они его до того происшествия, унесшего жизнь его столь горячо любимой жены около десяти лет назад, мнение о нем в целом было бы иным. Но это событие перевернуло его жизнь с ног на голову, отчего его поглотила мысль о создании серьезной финансовой безопасности и благополучии для двух своих тогда еще совсем юных дочерей. Неизвестно, почему именно финансовой, но ничего другого он со своей специальностью главного инженера-строителя в фирме, которую сам же и основал, предоставить им не мог; единственная постройка для семьи, а не для прочих горожан — двухэтажная вилла, возведенная его собственными руками и по личной разработке, — не смогла никак ни повлиять, ни уберечь от смерти и в итоге обесценивания всего, кроме важности самих денег, открывающих множество дорог как к созданию той самой безопасности, так и прочим не менее важным и необходимым прелестям обитания на этом жестоком вращающемся шаре, именуемым нашим домом. По крайней мере, именно в этом он был убежден до конца своей сознательной жизни. Возможно, все эти смотрящие на гроб хмурым и опечаленным взглядом люди по-прежнему помнили его еще в светлые для него времена, и понимали, почему стремительно стареющий годом на три мужчина ведет себя настолько пренебрежительно к остальным. У него была цель, а потому как жизнь неудержимо утекает сквозь пальцы, считал очень важным не терять времени на пустословие и ненужные взаимоотношения, пускай и обычные соседские. И, возможно,

понимая, что его злоба на мир была напускной, именно сейчас, в последний раз, провожая в последний путь, все они стояли здесь, на центральном канорском кладбище плотными группками по три-пять человек со скорбными эмоциями на лицах.

Юля, ощущая руку Артема на своей талии и влажное от слез лицо Никиты сквозь легкую блузу, прижатое к ней, стояла и смотрела вперед на закрытый гроб своего папы с сухими и полными непонимания глазами. Почему все произошло именно так? Где она ошиблась? Была ли она виновата в том, что закончилось все настолько плохо? Но в глубине души на все эти вопросы у нее уже были ответы. Вину во всем этом она именно себя. Если бы только она могла предвидеть, чем обернется ее геройская выходка по вызволению отца самостоятельно, то таких тяжелых и непоправимых последствий можно было бы избежать.

«Почему я просто не позвонила в полицию, чтобы те сами решили вопрос неправомерного удержания человека в лечебнице? — думала она». Но уже ничего нельзя было вернуть. Ей оставалось лишь проститься с дорогим ее сердцу человеком самым бесполезным из возможных способов — пустым взглядом за закрытую крышку гроба.

При оформлении бумаг на захоронение не возникло никаких вопросов по поводу закрытого варианта, потому как тело Игоря Николаевича после того, как его достали из-под обломков упавшего на него перекрытия второго этажа пылающей лечебницы, пришлось собирать буквально по кусочкам. И пусть Юле не пришлось подписывать все самостоятельно — за нее все эти морально сложные формальности уладил Артем, — она прекрасно понимала причину, по которой не может хотя бы подойти и поцеловать папу на прощание. И это разрывало ее душу на части.

Аня, находясь в метре от сестры и ее семьи, выглядела совсем одинокой и безутешной. Закрыв лицо обеими руками, плакала так, словно ушедший человек имел для нее небывалое значение, словно с ним ушла и частичка ее души. Но для Тани, пришедшей поддержать подругу и видящей всю эту картину со стороны, но все же державшейся особняком из-за своего не переносящего кладбищенского духа парня, поведение младшей Юлиной сестры выглядело ничем иным как наигранностью. Простейшим лицемерием и наигранностью, вторившей одну простую истину на протяжении всего ее беззаботного существования: ей жизненно необходимо привлекать к себе внимание, и даже похороны родного отца не обошлись без высокомерного изображения жертвы ради жалости и сочувствия.

Аня даже упала в грязь на колени в тот момент, когда гроб

стали опускать вниз на широких и тонких ремнях. Истерика ее не осталась незамеченной прочими присутствующими. Некоторые бросились поднимать и утешать девушку, пытаясь вытереть налипшую на черные колготы глину и растекшуюся по щекам тушь. Только Юля стояла недвижимо, по-прежнему глядя вперед в ту пустоту, за которой уже скрылся в яме блестящий дубовый ящик.

Таня с отвращением смотрела на нелепые попытки Ани обратить на себя внимание, что совсем забыла, для чего сюда пришла. Но поймав себя на этой мысли, попросила парня вернуться в машину, а сама помчалась к подруге. Она больше всех остальных сейчас нуждалась в поддержке и понимании.

Когда она подходила к подруге, прочие присутствующие уже стали потихоньку разбредаться к разным выходам из кладбища, словно муравьи, бегущие по своим делам. Она заметила, что некоторые даже бросали цветы в яму, и едва ли находила это правильным. Прежде она всего однажды была на похоронах, потому правил поведения на подобных мероприятиях не знала.

— Милая моя... — только и смогла произнести Таня, обнимая подругу, хотя за эти долгие секунды, пока шла к ней навстречу, планировала сказать гораздо больше ободряющих слов в духе «он в лучшем мире», или «теперь твой папа больше не страдает». Но не смогла. Навернувшиеся на глаза слезы, тугим воротом сковавшие горло, не позволили произнести больше ни слова. Настолько жаль ей было несчастную девушку.

— Ты пришла, — все, что смогла ответить ей Юля. А большего ей и не нужно было.

Артем, неизменно держа зонт над головой жены, прижимал к себе сына и ждал, не проронив ни слова с того момента, когда они покинули квартиру и приехали на кладбище. Ему, безусловно, было жаль старика, и того, что с ним произошло, и хоть он не питал к нему каких-либо родственных чувств и в целом особой приязни, поддерживал Юлю, потому что в первую очередь переживал о ее моральном состоянии и душевном благополучии. Большого он себе позволить не мог: человек ушел, а вместе с ним и проблемы, и ссоры, и переживания, связанные с необходимостью его постоянной опеки, так или иначе мешавшие ему наслаждаться жизнью с женой и подрастающим сынишкой. Его хладнокровное отношение ко всему этому определялось его личным ранним уходом из-под родительского крыла, а потому считал, что всем людям, достигшим зрелости, просто необходимо как можно скорее избавляться от надоедливых и вечно зудящих предков со своими поучениями и наставлениями о том, как следует жить.

Дождь все громче стучал по зонтам, заглушая все остальные звуки вокруг. А когда на общем фоне всего происходящего появилась Таня, все вообще забыли про вторую дочку умершего, которая тут же подбежала к ним, бесцеремонно растолкала подруг в стороны и повисла у сестры на шее, продолжая безутешно рыдать и сбивчиво говорить, захлебываясь слезами:

— Ты говорила мне, Юля... Вы... вы все мне говорили, а я не... прости, теперь он... Я не знала, что все так может обернуться. Это я виновата. Прости меня, прости за мою глупость.

Юля через плечо младшей сестры вперила холодный взгляд в Таню, показывая, насколько ей безразличны сейчас все эти причитания и мольбы.

Тане стало не по себе. Издали все это выглядело как в немом кино, но теперь ей почему-то стало искренне жаль девушку, ведь она, какой бы непутевой дочерью не являлась, все же тоже потеряла отца, а это не может не причинять боли. Кто-то любит своих родителей больше, кто-то меньше, но в любом случае это утрата, которую ничем не восполнить, пусть и понимание этого может прийти гораздо позднее, нежели должно было.

Она прикоснулась к плечу рыдающей на Юлиной груди девушки, но та резко одернула ее руку, попросив не трогать ее. На этом моменте даже Юля сдала позиции и, сменив на лице равнодушие и непроницаемость состраданием, то ли все же восприняв ее боль как настоящую, то ли выступив в защиту подруги, постаралась успокоить сестру:

— Анют, не надо так. Сделанного не вернуть, а ошиблись мы обе.

— Ты-то где...?

— Ань...

После этих слов девушку будто бы подменили. Она получила порцию утешения, к тому же вину, по ее мнению, возложенную на нее, только что поделили надвое, отчего, видимо, ей резко стало гораздо легче.

— А знаешь, я ведь изменюсь, я займусь собой, правда. Обещаю тебе!

Она теперь по-соловьиному заглядывала сестре в глаза, выжидая позитивной оценки ее словам. И Юля не преминула посмотреть в ответ, выискивая привычные оттенки обмана, которыми она всегда наполняла свои подобные громкие выражения. Но в этот раз ее взгляд не казался ни хитрым, ни лукавым. Неужто правду говорит, подумала она, хотя сказала совсем другое, будто бы ситуации для обсуждения этой темы больше никогда и не представится:

— И с чего планируешь начать? Что-то...

— Пилатес! — с веселым восторгом пропела Аня, словно вовсе никакого траурного настроения и не было минуту назад. — И Диму я бросила уже. Сказала ему, что он отравлял мне жизнь, что из-за него я стала такой. А он... знаешь, как он отреагировал? Он послал меня, сел в машину и уехал, прикинь! Так ему и надо, козел!

— Что ж, — произнесла Юля, слабо искривив губы в подобии улыбки и пропустив мимо ушей все, что было после слова «пилатес», — удачи тебе в этом.

Только сейчас Аня заметила, с каким вниманием на нее смотрят три пары глаз, не считая сестринских: Таня, Артем и Никита молча и недвижимо, будто бы их здесь и не было, наблюдали за всем происходящим, чем и смутили ее, отчего она нелепо начала озираться по сторонам и искать возможности обойти образовавшуюся рядом с ними большую рыжую лужу.

— Я позвоню тебе, ладно? — Махнув рукой, она выпрыгнула на скользкий дерн и убежала, не дожидаясь ответа сестры. А Юля и не собиралась отвечать.

Глава 2. Осознание

Следующие дни после похорон отца Юля пыталась прийти в себя, молчаливо и упорно стараясь вернуться в привычное жизненное русло: пускай и одной рукой, но не менее хорошо заботиться о своих любимых, готовя им разнообразные и вкусные обеды, наводить порядок и облагораживать квартиру, устраивать приятные атмосферные вечера за просмотром добрых семейных фильмов и поеданием мороженого или попкорна в шоколадной стружке. Но все это давалось ей крайне тяжело. Она еще задолго до всех этих событий хорошо понимала, что тот самый день однажды настанет, хотела быть к нему готовой, думала, что уже готова. Но потеря последнего родителя, как бы человек четко не осознавал приближение этого, всегда выбивает почву из-под ног. Точно представить и предугадать все свои возможные ощущения, предвидеть последствия для себя, что влекут за собой трудности для близкого окружения, имея в виду мужа и сына, подругу, возвращение на работу и прочее — невозможно. Всегда что-то будет напоминать, больно колоть, а то и ударять, отражаясь на существующих взаимоотношениях. Да, все это можно понять, можно попытаться забыть, отвлечься на что-то другое, но нельзя полностью изжить и вытеснить из воспоминаний, особенно если они тесно переплетены с виной за случившееся, ведь как мать, так и отец даются всего один раз, и каждый из них безгранично дорог и любим по-своему, пусть и в некоторых случаях эта любовь где-то глубоко в сердце и не имеет возможности или желания выйти наружу.

Именно эти мысли кружились в ее голове этим, четвертым после траурной даты утром, цифры которой не нарочно врезались и отпечатались в памяти, оставив рваный шрам как от тупого ножа: 11.08.21. Теперь по непонятным ей причинам все происходящее в ее жизни имело отсчет конкретно с этого дня.

Но надо жить дальше.

Плечо еще достаточно сильно ныло, в особенности если приходилось поднимать что-то тяжелее бутылки с водой, из которой она поливала горшки с заказанными доставкой на дом комнатными белыми и розовыми гортензиями — единственными цветами, способными ей доставлять хоть какое-то эстетическое наслаждение; если не считать сирени, упорно отказывающейся жить на балконе, пускай и в таком же большом, похожем на настоящую клумбу горшке, длиной и шириной занимавшему практически весь подоконник. К тому же, она отцвела еще в середине июня. Не вся, а именно тот сорт сирени, что нравится ей

больше всего — Белль де Ненси, — французский крупноцветковый сорт с яркой лилово-розовой окраской.

Вот в чем было бы истинное наслаждение, мечтательно задумалась она, держа над цветком бутылку с продырявленной пробкой, но вспомнила, где находится, когда услышала разбивающиеся о пол капли воды, когда места для нее в горшке уже не осталось.

— Вот же черт, — громко выругалась она, тут же схватившись за тряпку, чтобы не позволить воде растечься по всему линолеуму. — Витаю в облаках. Да и кто вообще будет пытаться растить сирень прямо в квартире? Вот же дура...

— Непривычно немного, — глухо послышался голос Артема с прихожей после пары щелчков замка во входной двери.

Юля с балкона заглянула в квартиру, переспрашивая:

— Чего говоришь? Что непривычно?

— А-а, это я так, насчет перестановки и всех этих... — он обвел гостиную быстрым взглядом. — Просто мысли вслух. И я, кстати, ненадолго. Батарейка в пульте разрядилась, не срабатывает центральный замок.

— Центральный что? — сделав вид, будто бы ничего не поняла, переспросила Юля.

— С «Жука» твоего, в брелоке.

— Его уже привезли?

— Еще вчера после обеда. Я же говорил тебе. — Артем подошел и поцеловал Юлю, смягчая смысл сказанного, чтобы к общему количеству ее неудовлетворенностей собой не прибавилась еще и дырявая память. — Ты тогда как раз думала о всех этих «диванных движениях».

— Точно, извини. Так ты решил его починить?

— Да-а, — протянул он, — приведу его в норму, насколько это возможно в моих силах. Там не так уж много работы, как мне кажется. Бампер заказал новый, фару одну придется заменить, а вторую только подпаять немного. Еще попросил стапель у Вадика, чтобы лонжерон правый вытянуть. Да, и тяги рулевые нужно будет заменить. Я вообще не знаю, как ты на нем смогла так далеко...

— Лонжерон, говоришь, — Юля отвлеченно повторила незнакомое ей слово, поглаживая пальцами мелкие розовые лепестки их нового жильца.

— Ну, эти... В общем, не нужны тебе все эти названия. А мне как раз будет чем заняться, пока в отпуске. А заодно и на рихтовщике сэкономлю. Если ты, конечно же, не против.

Юля взглянула на него, хотя лицо ее по-прежнему было обращено к гортензиям.

— Ну что ты так смотришь на меня, милая? Это «да, не против», или же «нет, оставь ее гнить в гараже до скончания веков»? — проговорил он смешным голосом, имитируя суровость, после чего они оба рассмеялись.

— Ты хоть бы поел чего-нибудь, трудяга мой! Разогреть тебе обед?

— Нет, спасибо. Некогда. К тому же, — говорил он, почесывая затылок, — там Вадик со своим мелким шашлык жарят...

— Все с тобой ясно. — Юля засмеялась и ткнула ему указательным пальцем в грудь. — Приятное с полезным совмещаешь.

— Я же благим делом занят, а оно должно вознаграждаться!.. — игриво проговорил Артем, то ли намекая на что-то, то ли выкручиваясь из ситуации.

В целом он старался не приставать к жене, чтобы в безрассудном порыве страсти не причинить боль еще не зажившему плечу, хотя и был не против придаться с ней любовным утехам. С другой стороны, он не настолько хотел именно ее, как секса в самой сути этого слова. Но его останавливала некоторая неуверенность в ее психическом состоянии после случившегося. Он не успел до конца разобраться во всех своих чувствах по этому поводу, потому и не налегал на обсуждение этой темы, и уж тем более к переходу от слов к делу.

— ... если только ты не собираешься собственноручно выдать мне награду за мои труды?

Не дожидаясь ее ответа, Артем коснулся указательным пальцем ее носа и, взяв из ящика в шкафу мизинчиковую батарейку, сделал глоток воды со стакана на столе и захлопнул за собой входную дверь, оставляя Юлю смотреть ему вслед и в очередной раз оценивать перестроенный ею интерьер квартиры. Ни о чем другом она думать и не могла. Или не хотела.

Теперь, как ей казалось, она замечает гораздо больше мелких деталей, нежели ранее, потому считает, то оставить все как есть нельзя ни в коем случае. Оттого и перемены: два новых пуфика, сервант на полметра левее, книжную полку ниже, чтобы Никита мог доставать с нее то, что хочет почитать, диван на сорок пять градусов по часовой стрелке — всем этим она доставала Артема последние два дня, пытаясь придать квартире какого-то видоизменения. После третьей перестановки он спросил про цветы, которых в тот же вечер стало на шесть особей больше благодаря доброму доставщику, решившему, что такой объемный заказ может выполнить даже после закрытия магазина.

Вазоны и горшки переставлять с места на место гораздо легче, чем двигать мебель, говорил Артем, вытирая пот со лба.

Особями их назвал тоже он, когда Юля чуть ли не обнимая их, стала с ними разговаривать, словно с живыми. Если бы они только могли...

Никита со школы пришел в половине четвертого вечера. К этому времени Юля уже успела приготовить грибной суп и плов с тушеными овощами. От первого он наотрез отказался, как и от третьего блюда, но тарелку плова почти доел, хотя и оставил всего пару ложек, как обычно делает. Почти никогда не съедает все, что б ни находилось в его тарелке, кроме мяса — сочную куриную ножку он всегда обглаживает до косточки, а иногда и добавки просит. Либо он никогда не бывает достаточно голоден, либо же я чрезмерно стараюсь, делая его порции больше, чем ребенок способен съесть, думала Юля про себя в ответ на благодарность сына за обед.

Она смотрела на него влюбленным взглядом, пока тот не скрылся из виду в своей комнате, и все крутила в голове: «Хороший парень растет, и манерный и сам из себя красавец. Девки небось уже бегают за ним в школе. Я б и сама в такого втрескалась по уши!» Ярко-голубыми глазами он похож на маму, а вот остальными чертами лица, как и цветом волос — весь в отца. Такое вот прекрасное сочетание двух взрослых людей в одном маленьком.

— На здоровье, сынок.

— Что? — выглянул тот из комнаты. — Не услышал.

Юля не стала повторять, а решила спросить совсем другое:

— Ты уроки делать собрался?

— Не-а, нам не задали ничего на завтра.

— Ну как всегда, — ответила она, уже переставая удивляться подобной отговорке, которую слышала точно два раза в неделю. — Тебя послушай, так вам прям никогда ничего не задают. Что-то ты темнишь, парень.

— Правду говорю, мам. Хочешь, я тебе дневник покажу? — он хитро улыбнулся.

— Вот сейчас возьму и проверю, будешь знать! — А через секунду добавила: — Ладно, на этот раз поверю.

— В таком случае, — радостно запел Никита, — я пойду поиграю с ребятами на площадке.

Это был даже не вопрос. Выглядело так, будто бы возражений он не принимает и просто ставит перед фактом.

— Ну что ж, молодой человек, бегите по своим важным делам. Но завтра вы уже так просто от меня не отделаетесь! Ты ничего не забыл? — вдогонку спросила она.

— То-очно, — засмеялся мальчик, подбежал к матери и чмокнул в щеку. — И не опаздывать к ужину, помню, мам.

Юля провожала сына взглядом. И когда он выбежал из квартиры и закрыл за собой дверь, с теплотой в душе и улыбкой на губах повернулась к горе немытой посуды, допивая свой свежавыжатый апельсиновый сок из стакана — вместо обеда. Есть ей не особо хотелось последнее время. Даже приятные ароматы, наполнявшие всю квартиру, когда она готовила очередное вкусное блюдо по рецептам из «Ютуба», не пробуждали в ней особого аппетита. А ведь раньше всегда во время готовки могла так напробоаваться всего, что в итоге за столом только и оставалось пить сок и наблюдать за тем, с каким упоением поглощают пищу ее мужчины. Теперь еда вызывала у нее даже некоторое отвращение, пусть и получалась достаточно вкусной, по мнению сына и мужа, конечно же...

Первые несколько раз Юле казалось, что это всего лишь мигрень, потому как настолько сильных ударов, в отличие от того, что был сейчас, она прежде не ощущала. Но та вспышка, застигнувшая ее врасплох несколькими секундами позднее, заставила ее не на шутку перепугаться. Она открыла кран, чтобы начать мыть посуду, но вспомнила о полупустой тарелке с пловом, оставленной сыном на столе. Едва она успела сделать к нему лишь один шаг, как ее сознание пронзила резкая боль, вспышками света врывающаяся в голову и вытесняющая все прочие мысли громким металлическим скрежетом, словно кто-то, старательно выцарапывая на листе металла кривые буквы ржавым гвоздем, а по ощущениям — на самом мозге, пытался донести до нее все те же слова, что и в машине мужа на пути домой из больницы: «Ты вернешься домой».

Юля упала на колени и, сама того не осознавая, выронила из рук стакан с соком, который вдребезги разбился, рассыпавшись по кухне на сотни мелких осколков. Боль прошла так же внезапно, как и появилась. Она знала, что в квартире никого не было в этот момент, но все равно нервно поглядывала в сторону входной двери и по сторонам, убеждаясь, что никто не слышал ее крика. Сама себя Юля в момент приступа не слышала, но охрипший голос, которым она пыталась произнести проклятия, свидетельствовал о том, что кричала она эти несколько секунд достаточно громко.

Пытаясь дрожащими от непонимания и нахлынувшего на нее страха руками собрать мелкие осколки стекла, она глубоко поранилась. Одергивая руку, мелкие темно-красные капельки прерывистой линией высыпали сначала по плитке, а потом и по ее любимым штанам. Сжав кулак и наблюдая за выступающей между складками пальцев кровью, девушка беззвучно плакала, осознавая, что ни на миллиметр не приблизилась к получению

ответов на вопросы: почему прошлое все никак не может ее отпустить и что ей нужно сделать, чтобы прошлое наконец стало прошлым и забытым?

Конечно же, к тому времени, когда Артем вернулся из гаража, а Никита со спортивной площадки, на кухне уже был полный порядок, да и сама Юля привела себя в норму: промыла и перебинтовала рану на пальце, выпила почти полный бокал любимого красного вина и, уложив под попу маленькую подушку, сидела на подоконнике на балконе, вдыхая аромат цветов и в очередной раз читая «Унесенные ветром» — тот самый роман, который она готова перечитывать десятками раз и от которого никогда не устает. Никто и представить не мог, каких усилий стоило ей собрать себя в кучу и сделать вид, будто бы ничего не произошло. Как хорошо, что люди догадались создать вино, думала она, переворачивая страницу книги и вчитываясь в такие знакомые слова, которые так нужны были ей именно сейчас, пусть она и знала их практически наизусть. Смысл всех строк, пронесившихся перед ее глазами, как никогда подходил к ее нынешнему состоянию, именно от них ей и становилось легче — Скарлетт, выражая свои мысли, точно так же переживала о состоянии здоровья своего отца, как и Юля, а это как минимум говорит о наличии если и слабого, но очень доброго сердца:

«...Не стану думать ни о чем: ни о маме, ни обо всех этих ужасах сейчас. Не стану думать пока... Пока я еще не в силах этого выдержать. Столько есть всего, о чем надо подумать. Зачем забивать себе голову тем, чего уже не вернешь, — надо думать о том, что еще можно изменить».

Глава 3. Руины

Очередное утро выходного дня — для Юли все дни были выходными, но суббота освобождает от школьных занятий и Никиту, потому выходной у всех — начинается с привычных ритуалов: овсяная каша с сахаром и кусочками сушеных фруктов и ягод для Артема, и яичница с бужениной и ломтиками пармезана — для Юли, и, конечно же, крепкий кофе из свежемолотых зерен арабики для них обоих. Сын же по субботам всегда любил валяться в постели чуть ли не до обеда. Ребенку нужно хоть иногда хорошенько отсыпаться, ведь в любом случае никаких домашних обязанностей, которые необходимо было бы выполнить в срочном порядке именно с утра, на его плечи никто не возлагал. Убраться в комнате и почитать хорошую книгу — как мама и работница библиотеки по призванию, Юля не могла не следить также и за уровнем ментального развития своего сынишки, — все это легко можно перенести на послеобеденное время, к тому же предварительно отдохнув, заниматься этим он будет с гораздо большим желанием.

«Если бы меня, — думала Юля, — в детстве не поднимали в пять-шесть утра каждый день, чтобы заниматься домашним скотом и прочими прелестями жизни в захолустном поселке, независимо от того, в котором часу я легла спать, то сейчас я вряд ли понимала бы, насколько важен здоровый сон для молодого и растущего организма. Жаль, что этого не понимала моя бабушка. А может и понимала, но не упускала возможности при любом удобном случае заняться воспитанием внучки, следуя канонам своей молодости, мол, не пристало девушке спать до обеда, а потому, как минимум необходимо ранним утром показываться перед соседями в добром свете — ответственную и хозяйственную девушку обязательно заметит какой-нибудь статный парень и возьмет в жены».

После завтрака Артем, как и каждым из предшествующих этому дней, переоделся в робу и направился в гараж, чтобы продолжить работу над «Жуком». Ближе к обеду проснулся Никита. Перехватив гренок с маслом и чашкой чая с бергамотом, он собрал рюкзак, в который вложил бутсы и литровую бутылку воды, и, чмокнув маму в щеку, пошел на спортивную площадку — сегодня как раз тот день, когда практически все дети его возраста, кто не был поглощен видеоиграми и прочими домашними бесполезными делами, выходили гулять во двор.

Молодость — прекрасная пора, мысленно проговаривала Юля, глядя вслед сыну, переворачивая очередную страницу своей

любимой книги, сидя на диванчике в гостиной за чашкой крепкого кофе.

Редкие головные боли по-прежнему донимали вспышками... нет, уже не непонятного происхождения. Подозрения о том, что их насылает О'Шемира у нее практически не осталось, хотя всего каких-то три-четыре дня назад она была всецело убеждена, что он погиб вместе со всеми жертвами того большого пожара в лечебнице. Хотя и очень слабо в это верила.

Очередной «флешбек» настиг ее спустя полчаса после ухода сына, но благодаря тому, что она сидела на диване, перенесла она его гораздо проще, чем в прошлый раз. Сейчас это была всего лишь вспышка воспоминаний, связанная с некоторыми событиями времени, проведенного ею в стенах того учреждения. Очень болезненная вспышка, но достаточно короткая и практически полностью контролируемая.

Придя в себя, Юлия отложила книгу и говорила уже вслух, не желая сдерживаться:

— Значит, ты все-таки жив, ублюдок чертов! Смеем предположить, что ты жив из-за или же благодаря мне, правильно? И что тебе от меня нужно? О да, мне понятно, чего ты хочешь!

Она не знала, слышит он ее, или же просто посылает свои сигналы ей в голову, а может это происходит и вовсе не по его воле, а слышит и ощущает она его лишь потому, что она, вкусив его соки, была тесно связана с ним и не могла разорвать этой связи, которую нельзя объяснить никакими научными или физическими терминами, известными миру. Или все же можно?

Единственное, что она четко поняла, было то, что ей просто необходимо вернуться туда, в то место, где все началось, чтобы иметь шанс вернуть свою жизнь.

— Я не принадлежу тебе, сукин ты сын! Моя жизнь только моя, понял?! И если ты еще не сдох, то сдохнешь, и именно я положу конец твоему никчемному и зависящему от душ несчастных людей существованию, слышишь?

Юлия выглянула в окно по направлению гаражей, где трудился Артем. На часах уже была половина второго пополудни, ему давно пора было вернуться на обед, но он все не возвращался. Оно и не удивительно — если он взялся за дело, то занимается до победного, либо же до тех пор, пока полностью не выбьется из сил. Вряд ли второй день подряд соседи будут жарить шашлыки. Дело вовсе не в этом.

Она сделала несколько сытных бутербродов с поджаренными тостами, куриной грудкой, огурцами, зеленью и корицей — все, как любит Артем, хотя и довольно странное сочетание — корица

и мясом, — и решила отнести ему, не теряя из виду мыслей о посещении руин лечебницы. Только так, по собственным ощущениям, она могла избавиться от преследуемой ее навязчивой идеи.

— Вы решили спуститься к нам, в низшие слои общества? — спросил Артем, вытирая стекавший по лицу пот испачканными мазутом руками. — Приятная неожиданность.

Юля рассмеялась, прикрывая рот рукой. Ей понравилось хорошее настроение мужа, несмотря на то, что он был всецело погружен в работу.

— И давно у нас такое официальное общение? Я просто решила, что, раз уж ты не идешь на обед, то обед идет к тебе! — Она развернула перед ним сверток бумаги из которого вкусно пахло. Юля даже услышала, как заурчало у Артема в желудке.

— Моя ж ты хорошая, — проговорил он, уже облизываясь, но желая перед обедом расцеловать жену за проявленную заботу. — Не представляю, что бы я без тебя делал. Я правда голоден. И, знаешь, именно этого я и хотел. Как ты угадала?

— Достаточно хорошо тебя знаю, — произнесла Юля, аккуратно чмокнув его в губы, чтобы самой об него не перепачкаться.

Пока Артем с аппетитом наминал бутерброды, Юля обдумывала свои следующие слова. Ей не хотелось, чтобы он переживал о ее состоянии, но и продолжать сидеть в четырех стенах, занимаясь домашними делами, пока ее мысли полностью захватывает нетерпение выяснить причину странных и неподдающихся нормальному объяснению явлений, она не могла.

Она рассматривала свою машину, закрепленную на стапеле: смятые крылья, потрескавшийся пластиковый бампер, цепи, растекающиеся в разные стороны словно натянутые струны — работа была в самом разгаре.

— Я... Слушай, я хочу прогуляться.

Артем пообедал и внимательно слушал Юлю, понимающе кивая головой.

— Не думаю, что должна отчитываться тебе перед каждым своим шагом, но, думаю, ты хотел бы знать: чтобы вытеснить все те роящиеся в моей голове мысли, мне просто необходимо заполнить голову чем-то новым. Посмотреть на прохожих, подумать... не знаю. Я хотела бы...

— Почему тебе кажется, что я могу быть против, Юль? — прервал он ее рассуждения. — Я очень даже «за»! Я понимаю, что худшим решением было бы запереть тебя в квартире и верить, что ты каким-то... — Он все еще пережевывал бутерброд. — Что ты каким-то чудесным образом избавишься от всех преследуемых

тебя мыслей и кошмаров и придешь в себя. Иди конечно! Ведь для меня нет ничего важнее, чем ты.

Юля лизнула палец и вытерла им нос Артема, после чего чмокнула туда же, развернулась и ушла.

— До встречи, мой автомеханик! — крикнула она через плечо, демонстрируя беззаботную и влюбленную улыбку.

Все многоэтажные здания в их районе стоят довольно тесно друг к другу, потому, чтобы благодаря возможным слухам случайных прохожих не быть пойманной на обмане, отходит подальше, и только тогда ловит такси и указывает водителю адрес бывшей Вирнаковской психиатрической лечебницы. Точнее, даже не адрес, а просто точку на карте.

Это место знают все, но далеко не каждый старожил как Канорска, так и прочих прилежащих к этому городку людей, захотел бы поехать по указанному адресу. Многие знали его историю и вопреки пониманию, что там давно находится обычная психушка — хотя и этот факт сам по себе малоприятен, — по-прежнему испытывали к нему какую-то чрезвычайно большую неприязнь. Они все знали, но предпочитали молчать. Молчать об этом и просто отказывать в поездках туда.

— Добрый день! — обратилась она к водителю через опущенное стекло. — Мне за Вирнаково, к лечебнице. Довезете?

За рулем сидел мужчина на вид лет сорока с небольшим. На переднем пассажирском сиденье было несколько пустых картонных коробочек от гамбургеров и большой пластиковый стакан из-под колы с трубочкой по центру. На домашний обед он вряд ли ездил, подумала Юля, а день был достаточно тягучий и не принес ничего, кроме разочарования от потраченного времени. В его взгляде сперва промелькнула радость и надежда, которая тут же сменилась сомнениями, стоило ему услышать пункт назначения, потому Юля добавила, уже зная, чем конкретно может заинтересовать его:

— И меня там нужно будет подождать немножко. Может, где-то часик. За простой плачу в два счетчика!

— Запрыгивайте, — сказал он после некоторого промедления, но больше кивком головы, нежели словом, хотя губами все же слегка шевелил.

— Тяжелый день? — мягко спросила Юля, но не потому, что хотела поговорить, а лишь для того, чтобы хоть как-то развеять сжатую в салоне атмосферу уныния — ехать в глухомань с раздраженным мужчиной средних лет было как минимум опасно для здоровья.

— Слишком легкий! — фыркнул он. — Работы никакой. Только топливо сжигаю. Давно хотел найти свое место, чтобы

стоять себе спокойно и ждать клиентов, а не кататься по городу и ждать, пока кто-нибудь тормознет. А жена мне знаете что толдычит изо дня в день?

Он бросил взгляд в зеркало заднего вида и встретился с глазами Юли. В них он то ли прочитал, что ей на самом деле начхать на его проблемы, а задала вопрос она только из вежливости, то ли сам понял, что нечего трепаться кому попало о своих заботах, но тут же решил заткнуться и даже извиниться за эту сиюминутную слабость. В ответ она лишь слабо улыбнулась и отвернулась к окну, проехав практически весь маршрут с безучастным видом.

Она всю дорогу размышляла о своей первой поездке в то место, как была переполнена чувством сожаления, что за своими личными проблемами и делами не смогла уследить за родным отцом. Кто она такая, если не последняя дура, абсолютно неблагодарная и самовлюбленная дура? Эгоистка! Она перебирала в голове свои мотивы и цели: кому и что она пыталась доказать, строя из себя сыщика? Себе или отцу? Полезть ночью в подвал частного лечебного учреждения и пытаться самой докопаться до правды. Да какой нормальный человек вообще станет такое вытворять? Насколько человек должен быть слеп в своей вере, чтобы рассчитывать, что со всем способен справиться самостоятельно, игнорируя все вопиющие крики здравого смысла?

А с другой стороны, как можно заподозрить что-то неладное, если это, быть может, и не самый обычный случай, когда дети привозят своих родителей в подобные места, но достаточно распространенный. Все должно было выйти совсем иначе, а нам просто не повезло, думала она.

А сейчас? Что мною движет сейчас? Очередная глупость, которую нельзя не совершить.

— Вы меня, конечно, извините, — начал мужчина, глядя на руины пострадавшего при пожаре некогда всем известного учреждения, — но я ближе чем на двадцать метров к ограде не подъеду. Я вас здесь подожду, если вы не против.

Юле именно это и было нужно, потому как она совсем не хотела, чтобы кто-либо знал, чем она здесь будет заниматься. Хотя она и сама пока что не понимала, для чего приехала. Даже если бы кто угодно задал ей этот вопрос, ответа на него она дать бы не смогла. По крайней мере такого, за который ее не приняли бы за сумасшедшую.

И сейчас искать объясняющих ответов тоже не стала:

— Двойной счетчик, хорошо?

— И никаких вопросов, понял, — ответил он, предварительно

нажав несколько кнопок на таксометре. Следом вытащил из-под солнцезащитного козырька темные очки, надел их, сложил руки на груди и откинулся в кресле.

Юля с некоторой опаской смотрела в ту точку, в которой, обняв колени руками, сидела в ожидании приближающихся сирен тем самым днем, днем большого пожара. Вспоминала свои ощущения. То уныние и бесконечное чувство утраты. Ее вдруг пробрал мороз, кожа стала будто бы гусиной, хотя на дворе был еще солнечный и достаточно жаркий день. Усилием воли она отбросила мысли в сторону и думала, как пробраться внутрь.

Тем же путем, что и прежде, войти точно не получится. Створки ворот, что прежде — не считая неприятных дней — всегда были если не распахнуты настежь, то хотя бы приоткрыты, теперь были заперты на толстенную цепь и тяжелый навесной замок. Сделать это могла только полиция, иначе кому потребовалось бы закрывать территорию? Брать там больше было нечего, так как все дотла выгорело. Разве что в следственных целях, чтобы никто не затоптал какие-нибудь улики, если вдруг кто-то захочет покопаться среди груд камней и обугленных досок в поисках доказательств жестокого обращения с пациентами. Но и это было сомнительно. Обычно просто ленточка вешается с надписью «не входить, ведется следствие», насколько ей было известно; по крайней мере, в детективных фильмах и сериалах поступают именно так.

Она последний раз бросила взгляд на дремавшего таксиста и направилась к прорехе в ограждении. Вряд ли о ней кто-нибудь знал, потому она точно оставалась открыта.

Брешь достаточно сильно заросла кустами и травой, хотя прошло всего-то недели три с того раза, когда она проходила здесь.

— Все идет своим чередом и время не стоит на месте, — на выдохе произнесла вслух Юля и, раздвинув густые ветки, переступила через поперечный прут, оказавшись уже внутри.

Снова холодок прошелся по ее коже. Снова мысли, воспоминания о первой встрече с О'Шемирой, далекое ощущение саднящего от ударов лица, чувство безысходности, койка, ремни, страх и холод. Все это одним большим скопом накатило на нее, заставляя закрыть глаза и обнять себя обеими руками.

— Это место... Оно по-прежнему живет.

Несколько неуверенных шагов и она уже стояла у кирпичной стены, протягивая руку вперед и желая прикоснуться к ней. Этот момент почему-то казался ей чем-то серьезным, он пугал ее. Все, что было до него — пустяк. Она должна прикоснуться. Еще несколько сантиметров, всего одно движение и... Момент

прикосновения.

— Сука, твою ж мать. — Вспышка боли пронзила ее разум насквозь, заставив отпрянуть от стены с громкими криками. — Какого хера я вообще сюда приперлась? Тупая овца! А-а, чтоб тебя!

Когда боль унялась — вспышки всегда были очень короткими, но объемными, словно с ней пытались говорить, — она дала себе слово, что больше никогда не вернется сюда, решив, что это была большая ошибка и ничто не заставит ее нарушить данное обещание. Со злостью на саму себя, она вернулась в машину, разбудив водителя хлопком двери, и попросила поскорее увезти ее отсюда.

В ту же минуту они уже ехали обратно в Канорск, только не домой. Мужчина по просьбе высадил ее у центрального парка, что всего в трех кварталах от ее дома. Юля рассчиталась по двойному счетчику, как и договаривались, и пошла по аллее, выискивая глазами что-то, что может напомнить ей о настоящих ценностях этой жизни. И таких примеров было немало. Она наблюдала за прохожими, что, время от времени поглядывая на часы, куда-то торопились; за детьми, беззаботно играющими в траве с игрушками; за влюбленными парами, которые нежно и с трепетной заботой друг о друге переплетались душами, обсуждая что-то на расстоянии едва разомкнутых губ. Все это выглядело настолько красиво, настолько живо и естественно, что заставляло хотеть жить, и хотеть не назло, а вопреки всем невзгодам! Заставляло верить, что выбраться оттуда живой — величайшее счастье, которое она могла получить.

Глядя на все это, по ее щекам текли слезы. Именно в этот миг она поняла, что даже не жалеет о том, что была узницей психопата. Все пережитое — полезный опыт. Ее переполняло счастье оттого, что она выжила, что у нее есть к кому и куда вернуться: любящая семья, которая на все ради нее готова. Поняла, что нет ничего лучше и важнее этих ценностей — все то, ради чего стоит жить.

Глава 4. Пустота внутри

Весь следующий день прошел на добром позитиве. Размышления о прошлом и ценностях нынешнего принесли свои плоды в виде какого-никакого морального равновесия. Даже те несколько вспышки головной боли не смогли испортить ей настроение, хотя дважды приходилось принимать обезболивающее. Не из-за «тяги», а просто потому, что хмурилось небо, а от этого часто побаливает голова, наряду со слабостью и желанием спать. Но и все это тоже достаточно просто устранялось двойной порцией крепкого кофе, потому как выполнение домашних обязанностей всегда приносит больше удовлетворения, чем попытки убедить себя, что некоторые дела можно отложить на потом — такое себе обезболивающее и антидепрессант обширного действия в одном флаконе. Так всегда происходит, если стараться для любимых людей.

Выходить на работу в библиотеку Юля не торопится и большую часть времени проводит дома, если не считать нечастых вылазок в супермаркет за продуктами и по дороге домой в цветочный магазин. Просто не может пройти мимо, каждый раз присматривая, что еще можно было бы докупить для полной гармоничности всего интерьера в квартире, будто бы того десятка новых вазонов еще недостаточно для полного счастья. Когда это цветов было слишком много? Такого не бывает!

За одно раннее утро воскресенья и несколько спокойных дополуденных часов понедельника она в очередной раз дочитала свою любимую книгу и уже практически успела заскучать, как раздался звонок у входной двери.

Юля, не спеша входя в прихожую, думала, кого этого могло принести, и так как никого конкретно не ждала, достаточно сильно удивилась, увидев на пороге свою подругу Таню:

— Вот так сюрприз! Ты каким ветром? — произнесла она таким голосом, будто бы не виделась с ней не несколько дней, а целые месяцы. — Входи, я только собралась кофе пить.

— Прости, что я без предупреждения. Я и правда хотела сделать сюрприз. Не знаю, насколько он уместен. Я, кстати, взяла твои любимые «Шарлизки».

— Танюха, ты просто не представляешь, как я хотела сейчас чего-нибудь сладенького! Моя ж ты спасительница. Давай куртку повешу. Проходи.

— Вот так новости! — пропела Таня, наклонившись над гортензиями и полной грудью вдыхая воздух, пытаясь уловить их аромат, но даже глаза закрыв, ничего не ощутила — гортензии не

пахнут. В квартире витал запах прочих цветов, которых было тоже немало. — Откуда столько красоты?

За окном толком еще не распогодилось, потому куртку пришлось отряхнуть от капель дождя, насколько смогла одной рукой, и повесить на сушилку.

— Добрый доставщик приволок пару дней назад. Хотя им сейчас хорошо в такую погоду. Эти красотки не любят жару, а что на балконе, что здесь — солнце шпарит целыми днями. Сумасшедшее лето.

— Да-а, в такую погоду гулять бы на улице, кружась под дождем, как в детстве, помнишь?

— Тогда еще не было смартфонов, — достаточно сухо отвечала Юля, бросая на стол мобильник и усаживаясь на диванчик в гостиной, куда жестом пригласила присесть и подругу, — а сейчас так не погуляешь... Разве что денег много лишних завалилось, если не жалко промочить все.

— Ну ты и зануда. А могли бы и повспоминать, как оно было. Я вот скучаю по тому времени, немного... Кстати, насчет «скучаю», ты лучше расскажи, как ты справляешься здесь? Не скучаешь по работе?

Юля несколько секунд смотрит на подругу, и, казалось бы, уже набирает в легкие воздух, чтобы заговорить, хотя и видно, что эта тема почему-то не совсем ей по духу, но подрывается места, словно булавкой уколота в мягкое место, и бежит к столу.

— Совсем забыла про бисквиты! Не отвлекай меня от сладкого!

О десерте она, конечно же, не забыла. Просто нужно было как-то сменить обстановку и подготовиться к предстоящей беседе, не нарываясь на все эти испещренные жалостью взгляды. Она видит, к чему ведет тему разговора ее подруга. Немудрено, что следом за вопросами о работе, о домашнем быте и о взаимоотношениях пойдут вопросы психическом состоянии, о тревогах, переживаниях и всем том, что может беспокоить человека, несшего на своих плечах весь груз пережитого за столь короткий промежуток времени. Ей совсем не хотелось в очередной раз пережевывать свои собственные мысли, которые она все никак не может проглотить, потому что и сама еще со всем этим не разобралась. Одни трудности уже нельзя разрешить, а для того, чтобы справиться с остальными, сперва нужно понять их суть. И понять все это нужно самой. В этом деле никак не поможет совет даже лучшей подруги.

Пока Юля отошла, Таня пытается как-то скрыть свою неловкость, выискивая удобное положение на пуфе. Но все безуспешно. Ей и без того было сложно начать задавать вопросы,

постоянно думая о том, что, возможно, лезет совсем не в свое дело, что подруге сейчас абсолютно нет никакого интереса к работе, ведь на нее столько всего навалилось за последние несколько недель.

Когда Юля поставила на стол поднос с нарезанным бисквитным рулетом, Таня, понимая, что та уже не станет возвращаться к ее первому вопросу, прочистила горло и снова попыталась спросить, но решила зайти издалека:

— Сейчас бы в баре посидеть, скажи? Музыка, атмосфера — все как мы любим. Я бы хотела... Но подумала, что тебе может быть некомфортно с... — Таня указала взглядом на повязку и безвольно висевшую на ней руку. — Сильно болит?

— Не болит, если не делать резких движений. Все в порядке. — Юля показательно пошевелила запястьем.

— А когда снимать? — робко спросила Таня, но встретила совсем не ту реакцию, которую ожидала — ее подруга слишком пронизательная личность:

— Слушай, ну хватит тебе уже, а? Я же по глазам вижу, к чему ты клонишь! Хочешь спросить о том, что за каша у меня в голове, то так и спроси. Нечего ходить вокруг да около!

— Мне не хоч...

— Я же знаю, что ты хочешь знать все, что произошло со мной, ну вижу же. Как там надо мной издевались, били, кормили непонятно чем, обкалывали. Тебе нужно знать...

— Мне не хочется ничего этого знать! — прервала ее начинающуюся истерику Таня. — Не нужно мне все это, если ты сама не хочешь об этом говорить! Не пойму, с чего ты вообще это взяла? Я пришла сюда, чтобы поддержать тебя, узнать, как твои дела, как ты справляешься дома, может, помощь какая-нибудь нужна тебе, а ты... Зачем ты так?

Зачастую метод обоюдной истерии для успокоения работает достаточно хорошо, хотя никто из девушек не планировал ничего такого. Тане действительно стало очень неприятно, что ее самая близкая подруга настолько плохого о ней мнения, потому не смогла сдержать эмоций и сорвалась, вызвав у Юли обратную реакцию, совершенно противоположную той, что была минуту назад.

Юля зажала рот рукой, понимая, что все-таки все ее спокойствие, которую она себе придумала, было лишь маской, но на самом деле ее обуревали все те же мысли о прошлом и о том, почему все произошло именно таким образом, и почему именно с ней.

— Прости меня, пожалуйста, Та-ань, я дура... — Юля встала с дивана и нависла над подругой, прижимая ее лицо к своей

кофте. — Ты права, да, полностью права: меня мучает все это. Я не знаю, как мне дальше быть, что мне делать. Какого черта это все так тяжело-о, а?

К счастью для них обеих, на их лицах в этот день не было стандартной тонны макияжа, как любят выражаться мужчины, и всего того, что здорово растеклось бы по всему лицу и обязательно размазалось по одежде от, казалось бы, бесконечного потока слез. Еще несколько минут девушки успокаивали друг друга словами, пока не было принято решение перейти к более серьезному способу тонизирования.

— Ты уже никуда не торопишься сегодня, верно? — спросила Юля, намекая на продолжение дня, плавно перетекающего в вечер.

— Не-а, я вся твоя сегодня! — соврала она, хотя даже и рассчитывала на недолгие посиделки. Но именно на недолгие. — Кстати, забыла тебе сказать, что взяла на стажировку свою племянку. Она с Валиком сегодня присматривает за библиотекой. Точнее, за лавкой. Все остальное я закрыла на всякий случай. Все равно они пока ничего там толком не знают, но хоть клиентов не будут отпугивать и смогут принять какие-нибудь заказы, с которыми я уже завтра разберусь. Если ты не против, конечно. Не против же?

— Ты за бокалами, а я за бутылкой красного! — сказала Юля, только поцелуем в волосы соглашаясь со всем услышанным насчет библиотеки. Но уже будучи за дверью кладовой, все же решила спросить:

— Ты правда думаешь, что они там без нас... без тебя справятся? Эти, влюбленные твои?

Таня достала из шкафа два «Бордо» бокала, звонко цокнула ими, прислушиваясь к разливающемуся по комнате пению стекла, и наконец ответила:

— Не, ну а чего им там сложного-то? Чисто для вида будут, чтобы не вешать табличку «закрыто». Я же здесь. И да, я прекрасно понимаю, что они скорее всего все-таки закроются и будут полдня целоваться под прилавком. Но это уже совсем другое дело.

— И то правда, — прозвучало у нее над ухом так неожиданно, что Таня чуть было не выронила бокалы.

— Еще тише ходить можешь? Я тут замечталась, вспомнила свои шестнадцать, а ты...

Вскоре вернулся Артем. В том же виде, что и всю последнюю неделю: перепачканная мазутом футболка, синие спортивные штаны с дыркой на коленке и домашних тапочках — не надевать же чистое, пока возишься с машиной.

— О, у нас гости, — удивился он. — Привет, Тань. Как ты? Вижу, вы уже неплохо тут посидели.

— Привет Тем, да, сидим вот, о своем треплемся, о женском. Присоединишься?

Он взглянул на часы и не останавливаясь промчался мимо них сначала в спальню, а следом в ванную, оправдываясь тем, что ему нужно торопиться, хотя, в любом случае, сидеть с девчонками и обсуждать такие же девичьи вопросы не хотел:

— Я бы с удовольствием, но уже опаздываю. Надо Ника забрать со школы...

— Точно, блин, Никита, — спохватилась Юля, совсем потеряв из виду время, когда тот уже должен был вернуться домой.

— Расслабься, он ждет меня на площадке. Завезу его к маме сегодня, а сам поеду к Косте. Там какой-то вопрос у него назрел, надо помочь разобраться.

— Что-то серьезное? — встревоженно спросила Юля, зная дела, над которыми обычно работает его старый друг-гаишник.

Таня тихонько сидела рядом с подругой и потягивала вино, ощущая себя третьей лишней.

— Не думаю, — отвечал Артем, и перед тем, как скрыться в ванной, добавил: — Просто проконсультироваться, как мне кажется. Кто же, если не я?

Значит, сегодня весь вечер в нашем распоряжении, — прошептала Юля, подмигивая подруге. — Я за второй...?

— Я, наверное, пойду уже... — виновато проговорила Таня, поглядывая на дверь, за которой только что скрылся Артем.

— Да ла-адно тебе, ну? Такая возможность посидеть и поболтать. Останься, пожалуйста.

— Не могу, — вновь солгала Таня, потому как уходить ей было вовсе не обязательно. — Я все-таки хочу заехать в лавку, проверить, все ли у малых в порядке. Видишь, сижу тут вся как на иголках. У тебя там, кстати, муж в ванной, и совсем один! А ты под винишком.

Она подмигнула подруге, слегка приобняла, поблагодарила за вечер и, пользуясь моментом повисшей в воздухе тишины, сняла с сушилki куртку и улизнула, неслышно закрыв за собой дверь.

В кладовую за второй бутылкой вина Юля все же сходила. Глупо надеясь на какое-нибудь продолжение, сразу откупорила ее и оставила подышать.

Когда Артем выглянул из ванной, чтобы разведать обстановку в квартире и узнать, может ли выйти, завернувшись в одно лишь полотенце, его встретила пьяненькая жена, растягивая губы в игровой улыбке.

— Мне тут кое-что посоветовали, знаешь ли, — начала Юля томным голосом, переходящим на шепот, между делом забираясь рукой под полотенце и нежно поглаживая его член. Ее губы уже были на его губах, но продолжали говорить: — А я люблю дельные советы. Особенно, когда они связаны с удовольствием.

Артему не очень понравился от нее запах вина, как минимум потому что сам ничего не пил, но решил выразиться мягче, хотя и ласки любимых рук доставляли ему немало приятных ощущений:

— Извини, Юль, мне нужно... — не без усилий произнес он на выдохе, закрывая глаза, — я тороплюсь. Никита ждет, помнишь?

— Да, прости, — ответила Юля, немного потупившись и опустив голову.

Артем прошел мимо нее так, словно только что совсем ничего не происходило. Вошел в спальню, закрыл за собой дверь и, выйдя через несколько минут уже одетый, молча вышел из квартиры.

— Да, и я тебя тоже люблю, дорогой, — с иронией в голосе проговорила Юля, убирая волосы с лица и наливая себе полный бокал вина, половину которого выпивает одним большим глотком. Следом выливает в бокал остатки второй бутылки и бредет с ним в комнату. Поднятые вверх руки, немой танец с полужакрытыми глазами, испорченное настроение и весь вечер в ее распоряжении.

Большая порция вина, пританцовывание с закрытыми глазами и неудачная попытка отбросить в сторону все мысли тяжелым молотом ударили в голову, отчего пришлось поймать руками ближайшую стену, чтобы не упасть. Но останавливаться Юля не собиралась.

— Да, — говорила она высветившейся фотографии Артема на экране входа в систему, открыв крышку ноутбука, — вот такая я дура, что уж тут поделаешь. Конечно, нужно забрать сына, чтоб не сидел там в одиночестве, ожидая, пока кто-нибудь из родителей вспомнит о бедном ребенке и придет за ним. А мне посидеть одной — самое то, да? Подумать о своем поведении, о приставаниях в самый неподходящий момент, о высказывании всяких грубостей лучшей подруге в ответ на ее заботу... Да, это я могу. Накажите меня, если я... — Она сделала еще один большой глоток вина. — Если считаете, что меня жизнь еще недостаточно наказала.

Тем временем на столе в прихожей жалобно жужжит ее мобильник: Аня решила спросить сестру, как у нее дела, написав короткое сообщение, но, не дождавшись ответа, решила позвонить — ей не терпелось рассказать о своих успехах в

просветлении при помощи раскрытия чакр, о глубоком самопознании и о том, как встала на путь духовного совершенствования. Звонка Юля также не услышала из-за своего оживленного монолога. Когда телефон снова завибрировал, Юля уже молчала, в очередной раз прикладывая губами к бокалу, потому догадалась о происхождении противного дребезжания и шатаясь побрела за телефоном. К ее облегчению, он уже замолчал. Говорить с кем бы то ни было она сейчас не собиралась. Тем более в таком состоянии.

— Да, сестрица, и тебе привет, — проговорила она, но решила ничего не отписывать ей. — Да чтоб тебя, малая! — выругалась она, когда едва успела засунуть телефон в карман, как тот снова зажуужжал.

Аня не унималась, настолько сильно ей хотелось поделиться с сестрой своими успехами: пилатес, йога, дыхательные упражнения. Она сплошным текстом перечисляла все, чему ее учат в медицинском оздоровительном центре на окраине Канорска. Следом от нее приходит еще одно сообщение, в котором она снова извиняется за то, как глупо вела себя все эти годы и просит разрешения все же присутствовать в ее жизни хотя бы теперь. Просит забыть все старые обиды и начать заново. И даже несколько фотографий присылает. Под одной из фотографий вставлен текст, которым Аня приглашает ее присоединиться к занятиям, видимо, совсем забыв, что сестре сейчас из-за перелома никак нельзя даже бутылку с водой поднимать, не то чтобы переносить на руках свой собственный вес, выполняя упражнения акробатического характера.

— Ага, пиздато придумала, сестричка, — заплетающимся языком фыркнула она в экран мобильного, заприметив на столе бутылку и уже протягивая к ней руку. Вполне возможно, ей показалось, что она это произнесла — переизбыток алкоголя в крови не позволял ни логически размышлять, ни связно говорить. — Ты прямо-таки Шерлок в плане смекалки! Мне теперь только и остается, что прыгать и скакать от счастья. Прости, конечно, но мне насрать, чем ты там занимаешься. У меня сейчас есть дела поважнее. Или нет...

Последние ее слова были сказаны с явными нотками разочарования в голосе, потому что бутылка из-под вина на столе была давно пустая. И знай она, что где-то в квартире еще есть хоть капля алкоголя, не считая остатков на дне бокала в спальне, то пила бы дальше, о чем утром наверняка очень пожалела.

Прикончив вино последним глотком, Юля не раздеваясь легла лицом на подушку и практически сразу уснула.

Проснувшись утром в нижнем белье и ножной рубашке в

пустой постели ей стало стыдно за свое поведение. Хотя ее реального вчерашнего состояния никто не видел, она испытывала дискомфорт. Она знала, что Артем был ночью дома, и, возможно, даже спал рядом с ней на кровати, потому как именно он, судя по его успокаивающему голосу, снимал с нее одежду и мягко отчитывал за избыток алкоголя посреди недели. Он также говорил что-то о решении отвезти Никиту к своим родителям, и о том, что предвидел подобное стечение обстоятельств — что несчастная мать решит этим вечером здорово надраться. Но практически ничего из сказанного им Юля не запомнила.

День, за исключением одного момента — одиночества, начался с привычных и достаточно ленивых утренних ритуалов: пописать, накинуть халат, умыться, выпить кофе и ждать, пока последний сделает свое дело, прогоняя с лица и из головы остатки сна.

Глава 5. Помутнение

Одинокое утро в пустой квартире всегда дается нелегко, если за всю супружескую жизнь привыкаешь к обратному — всегда наливать две чашки кофе, готовить две порции завтрака, а с появлением сына — три порции, и пускай прием пищи ребенка выглядел совершенно иначе, сути это не меняло. Но это утро в корне было иным.

На часах уже было почти девять, солнце упрямо смотрело в окна, разогревая квартиру, и как бы Юле ни хотелось ощутить его тепло, форточки она все же решила закрыть, следом плотно задернув шторы. Странное ощущение одиночества, хотя ничего и не произошло, заставляло ее прятаться от окружающего мира. Мысли, мысли, мысли... Они злым роем пчел крутились в голове, больно ударяясь о стенки сознания. И вместе с ними извечный вопрос «почему?» не давал покоя. О'Шемира, ты жив или мертв? — думала она, убирая волосы с лица и запрокидывая голову назад, теперь уже зачем-то рассматривая потолок. Состояние если не депрессии, то полного уныния и разочарования. Разочарования в первую очередь в себе из-за неумения контролировать собственные мысли и желания. Им всегда приходится потакать.

Поток ее размышлений прервал неожиданный стук в дверь.

— Приве-ет! — звонко пропела Таня, едва Юля открыла дверь. — Прости, что без предупреждения. Я не то чтобы сюрприз сделать хотела, хотя и это тоже, просто по дороге на работу подумала, что тебе было бы приятно получить к завтраку вот это. — Она протянула подруге коробку конфет, перевязанную фиолетовой ленточкой. А под лентой маленькая открытка с их совместной фотографией десятилетней давности. — Ну и извиниться хотела за свой вчерашний внезапный уход. Ты, наверное, рассчитывала на более долгий вечер. Я не хотела...

— Да, неожиданно, — крайне сухо ответила Юля, даже забыв поздороваться. — Спасибо, Тань. Правда, не стоило, но мне очень приятно. Ты решила меня откормить? Так и хочешь, чтоб я стала толстой и не пролазила в двери? Вот же даешь! Проходи.

Юля совсем не обратила внимания на извинения и прочие слова. Она говорила так, словно думала в этот момент совсем о другом, но ситуация вынуждала реагировать на происходящее именно в эту секунду. Она лишь надеялась, что подруге это не так заметно.

— Не-не, я зашла только на секундочку, чтобы отдать тебе это. Не переживай. Увидимся позже, и, — она бросила беглый

взгляд вниз, видимо, указывая на фотографию, и сжала кулак в показательном жесте поддержки, в то же время поджимая губы. — Мы справимся со всем, ладно? Не унывай.

Юля не знала, как реагировать на подобное проявление чувств, потому остоленело стояла следующие несколько секунд, а Таня прижалась к ее щеке своей, задержавшись лишь на секунду, потом отстранилась, кивнула головой и ушла.

Еще около минуты Юля смотрела на то место, где только-что стояла ее подруга, потом закрыла дверь и собралась отнести коробку на кухню. Но не успела. Ее настиг очередной приступ головной боли и «флешбеки» с яркими картинками, сопровождающимися полным набором реальных ощущений: первая встреча с зеленым существом, шок и падение на пол, следом ее накрыло ощущение сильного кулака, заехавшего по лицу, от которого в глазах потемнело, а челюсть свело так, будто она вылетела из суставов. Лязг цепей, мужские голоса, звон в ушах...

Юля пришла в себя в изогнутом пополам положении, упиравшись руками в колени. Ей казалось, что ее сейчас вывернет наизнанку, но обошлось. На полу перед собой она видела очертания коробки с конфетами и белый прямоугольник фотоснимка рядом с ней, теперь уже перевернутого обратной стороной, на котором что-то написано от руки. В глазах все еще было мутно, потому прочитать написанное она смогла только через несколько секунд, когда зрение восстановилось и удалось сфокусироваться на словах. На карточке было написано: «Я всегда с тобой. Была и буду. Всегда! Твоя Т».

И несмотря на всю только что перенесенную боль и последовавшее за ним полубморочное состояние, Юля могла бы хоть немного обрадоваться, а, быть может, и воспрянуть духом от поддержки подруги, но нет. Она почему-то прокручивала в голове свои же слова, к которым мысленно дорисовывала отличный от настоящего смысл: «откормить», «толстая», «вкусно питаться», «кормиться».

— Кормиться, — проговорила она вслух, машинально подняв с пола конфеты и фотокарточку и бросив их на стол в гостиной. — Именно так и называется то, что делает О'Шемира. Он кормится мной, потому и появляются все эти...

Ее мыслями завладело желание сейчас же найти способ избавиться от призрачной власти над собой этого чудовища. Она понимала, что медицинским путем этой цели не достичь, но и сидеть сложа руки не собиралась.

Она вернулась в спальню, открыла ноутбук и стала перебирать возможные максимально логичные, на ее взгляд,

поисковые запросы, которые смогли бы дать хоть какие-то ответы на мучившие ее вопросы. Но все было безуспешно.

В кармане халата завибрировал телефон. Смотреть, кто и что от нее хочет она не стала, потому как само слово «телефон» натолкнуло ее на правильные мысли. Она вспомнила, как тогда в лечебнице стащила телефон санитары. И книгу, некоторые страницы которой ей краем глаза удалось рассмотреть.

— Эврика, — вырывается у нее слово на выдохе.

Клик по закладке в браузере, несколько щелчков по клавиатуре для входа на страничку под рабочим аккаунтом, и вот она уже видит перед глазами знакомый интерфейс сайта их библиотеки.

— Как же ты называешься? Вот же история, — задумчиво произносит она, неосознанно грызя ноготь на освободившейся руке. Несколько минут безуспешно пытаюсь вспомнить подходящее слово, потому как категории, к которой относилось данное издание, она не помнила, потирает пальцами закрытые веки и вспоминает: — История! Точно же, история поиска!

Любое производимое пользователем действие всегда сохраняется в отдельной вкладке, доступной только администрации сайта, а так как она тогда входила на сайт не под маской гостя, а как авторизованный пользователь, то сможет и отследить книгу, которую открывала.

Сделать это оказалось не так просто, как виделось изначально. Библиотека работает, сайт тоже, а значит, и строка действий клиентов во вкладке «история» с каждым днем неумолимо растет, раз за разом все дальше отодвигая желаемую строчку.

Чтобы найти нужную информацию Юле потребовалось около получаса. Чашка кофе, принесенная ею в комнату, опустела еще на середине процесса, но отыскать нужную дату и соответствующую ее ожиданиям строку с ведущей на книгу ссылкой ей в конце концов удалось. Она находит то самое издание. Электронный вариант именно той книги, что, судя по отметке в углу страницы, по-прежнему лежит на полке ее же библиотеки. Внимательно рассматривая обложку, Юлия машинально стала поглаживать старинный кожаный переплет курсором мышки, словно нашла нечто сокровенное, то, что потеряла и так долго искала. В каком-то смысле так и есть. Поймав себя на этом действии, она резко отстранилась от компьютера, но уже через пару секунд интерес взял свое и она продолжила начатое: открыла страницу с заголовком и попыталась найти в списке что-то знакомое. Не читать же всю книгу ради одной статьи.

Прочитав все заголовки, открыв по порядку почти каждый из них, она не нашла ничего нового, кроме той же главы, что видела той ночью в палате лечебницы. Разница лишь в одном: теперь она может читать без каких-либо помех сети и спешки из-за разряженного аккумулятора столько, сколько посчитает нужным.

В одной из последних глав она нашла ту же статью о массовых самоубийствах в одном из африканских поселений. Несколько сотен человек сожгли себя заживо в своих домах по приказу хозяина. Конкретно какого именно хозяина нигде тоже не указывалось, а лишь вскользь упоминался тот самый О'Тул да Рьях ме Схаа Шемира, насколько достоверно смогли прочесть с наскальных рисунков, принадлежащих территории того поселения. Никаких особых подробностей не было по причине того, что власти местной газеты запретили публиковать историю очевидца тех событий, посчитав их экстремистскими. К тому же церковь полностью опровергла эти данные, назвав их фиктивными. «Никто и ничто сверхъестественное не смогло бы заставить людей произвести подобную экзекуцию над собой и своими родными, если бы они сами того не решили и не пожелали», — говорил первосвященник одной из главенствующих церквей области. Никто разбираться в инциденте не стал, упомянув лишь, что это не их дело, а статья имеет лишь ознакомительных характер. Мол, кто имеет особое желание, разберется во всех деталях самостоятельно, проведя отдельное частное расследование.

Юля добралась до момента, где говорится о прародителях О'Шемиры. Именно эту часть интернет-страницы прочитать она тогда не смогла, потому как аккумулятор на телефоне санитара полностью разрядился и телефон выключился. Его еще более длинное имя, нежели у «сына», если можно так назвать, читать не стала, но заметила абзац о его вероятном происхождении. В этом отрывке говорилось, что это какой-то древний демон-воитель, о котором в своих произведениях неоднократно упоминал Говард Филлипс Лавкрафт. «Достоверность информации, — подумала Юля, — явно оставляет желать лучшего, но, пусть даже доверия написанные строки у меня не вызвали, рассмотреть все иллюстрации, приложенные к главе, мне больше ничего не мешает».

Изображение хорошо известного ей монстра на одной из них и вовсе заставило поверить, что тот самый фантаст, заработавший себе имя настолько реалистичными, ужасающими и поражающими здоровый рассудок тварями, рассказывал миру вовсе не вымышленные истории, а абсолютно реальные, хотя ему и пришлось выдать их за фантазии, ведь иначе его самого сочли

бы психом или же и того хуже. Хотя, что может быть хуже... Но и все это тоже слова одного из исследователей, чьего имени даже не удалось рассмотреть в множество раз загнутом и затертом углу отсканированной страницы книги.

— Кто же ты такой, таинственный исследователь? — вслух проговаривает Юля, потирая уголки глазниц, предварительно остановив курсор мышки около надписи «один экземпляр в наличии». — А если ты знаешь больше, чем написал?

Она достает из кармана телефон и, не обращая внимания на сообщение от мужа, открывает список последних контактов и листает до имени подруги, но не жмет на кнопку «позвонить».

«Незачем еще и тебя впутывать в это дело, — думает она, — чтобы не напрашиваться на дополнительные вопросы, которыми каждый из вас так и норовит меня забросать, если я и сама могу съездить за этой долбаной книгой».

Юля смотрит на несколько оставшихся капель кофе в чашке, и, забыв закрыть вкладку в браузере компьютера, наспех переодевается и торопливо выходит из квартиры, чуть не сбив с ног появившегося на пороге Артема.

— Хей, — восклицает он, — полегче! Куда так несешься?

Хотя ей и не особо хотелось рассказывать даже вскользь о своих намерениях, но его неожиданное появление невольно меняет ход ее мыслей. Юля моментально придумывает наполовину правдивую ложь, и говорит:

— Скучно дома сидеть. Нашла в интернете интересную книжку. Свой уже поднадоели... А эта... эта есть у меня в библиотеке. Вот и подумала, чего бы не съездить за ней, да и проветрить мозги заодно!

— Вот как, — задумчиво, но без каких-либо подозрений произносит Артем. — Не рановато ли? А хотя... Не обращай внимания. Только будь осторожна, ладно? Кстати, я тебе писал...

— Прости, телефон на беззвучном, даже не видела. — Она показательно достает мобильный и водит пальцем по экрану.

— Ничего столь важного. Не переживай.

— Ты ж мой хороший, — сладко протягивает Юля, растекаясь в нежностях и на секунду припадая щекой к груди мужа.

В сообщении он спрашивал, не нужно ли чего купить в магазине, потому как чтобы не подниматься домой из-за жажды, решил сходить в магазин по соседству и взять там бутылку газировки.

Артем мягко поцеловал ее в макушку и с улыбкой сказал:

— Ну все, беги, а то опоздаешь.

— Шутишь все, да? — посмеявшись, ответила Юля. — Не скучай, скоро буду.

Вильнув перед глазами мужа попой, она выходит из дома, идет к стоянке таксистов и, сядя в ближайшую к ней машину с желтой шашкой, называет водителю адрес.

«Вот же Танюха удивится, увидев меня на пороге библиотеки, — с улыбкой на лице думает она. — Может, нужно было и ей какую-то открытку купить. Не такая уж я и бедная, чтобы только и принимать всю заботу. Нужно бы что-то и отдавать!»

Но ее мысли так и остались лишь мыслями.

Подъехав к знакомой вывеске с названием лавки, она попросила таксиста подождать ее немного не выключая счетчик. Тот без лишних вопросов согласился.

— ...только через недели две. Заказ непростой, понимаете ли, потому... — говорила Таня очередному клиенту, но зависла от удивления, увидев подругу на пороге. — Извините, пожалуйста, я сейчас.

— Нет-нет, — губами проговорила Юлия, показывая жестом, что той не стоит отвлекаться, потому как она пришла на минуту и сама со всем справится.

Она прошла мимо стойки, лишь коснувшись рукой плеча подруги и шепотом поблагодарив за фотографию с теплыми словами, и направилась к своему кабинету за ключами от архива старых изданий.

Дверь кабинета почему-то оказалась заперта на толстую цепь, с двух концов которая смыкалась на тяжелый навесной замок.

Юлия в недоумении замерла, пытаясь понять, как такое вообще может быть, ведь это ее дверь, дверь в кабинет. Это невозможно! И кому вообще могло прийти в голову сделать такое... Но проморгавшись, она видит теперь уже совсем иную картину: она стоит перед теми же воротами, что отделяют ее от бывшей психиатрической лечебницы.

— Какого черта? — только и смогла произнести она, будучи в полнейшем замешательстве. — Что за херня? Почему я... Как?

Она обернулась и увидела водителя такси, наблюдавшего через ветровое стекло за странным поведением ошарашенной девушки. По его виду Юлия поняла, что он задается теми же вопросами, что и она, хотя и не задавал лишних вопросов. Он, по всей видимости, понимал, что задерживаться надолго его пассажирка в безжизненном месте не станет, а потому и молчал.

«Ну хоть с этим мне повезло, — окончательно расстроившись, подумала она, все еще пытаясь осмыслить случившееся. — Помутнение? Разве такое вообще бывает?»

Юлия не понимала, насколько зависима от этого места, когда давала себе самой себе слово никогда больше сюда не

возвращаться. Это оказалось выше ее сил, потому даже не заметила, как, судя по всему, назвала водителю совершенно не тот адрес, который изначально хотела.

Она закрыла рот рукой, понимая то, что вполне вероятно и в библиотеке она сегодня не появлялась, и Таню не видела. Все это был лишь плод ее воображения, безумной фантазии, навеванной навязчивой идеей или же самим О'Шемирой.

«А что же было правдой? — подумала она. — Артем, я общалась с Артемом утром. Или не общалась на самом деле? Твою ж мать... Что творится у меня в голове? Какого черта происходит со мной?!»

Она побоялась произнести какой-либо звук, чтобы не привлечь внимания мужчины за рулем экипажа апельсинового цвета, тем самым выложить все свои эмоции на обозрение, но всем нутром пыталась понять, не в действительности ли она сходит с ума? Очень уж на это похоже.

Девушка, обнимая себя обеими руками, стояла между двух огней и думала: вернуться в машину и уехать прочь, забыв все это, словно какой-то кошмарный сон, или же попытаться разобраться, почему ее собственный разум, пусть даже и подстегнуло его на это то самое чудовище, привел ее именно сюда?

Решение было принято однозначно: «Раз уж я сама себя привела сюда снова, значит, так и должно было произойти».

Глава 6. Загадочная находка

Путь, которым можно пробраться на территорию больницы, ей хорошо известен, потому она делает вид, что все идет по ее заранее продуманному плану, чтобы не вызывать подозрений у таксиста, и направляется к той же прорехе в ограждении.

Внутри ничего не изменилось. Лето подходило к своему апогею, но осень все еще наступила. Хотя именно здесь, как нигде больше, деревья уже начали сбрасывать листья, покрывая золотом большую часть территории. «Сейчас? Только ведь конец лета!»

Такое любому показалось бы странным, если б сюда хоть кто-то заходил. Но даже следствие решили вести исключительно по документации, так как огонь пожрал все. Архивы тоже не сохранилось. Также и все прочие улики были уничтожены пожаром; может, и не все, но местная полиция этого маленького городка не кипела желанием копаться в грудах обгорелых досок и мусоре ради попытки выяснить, кому все же захотелось сжечь эту лечебницу, как и причины, по которым данный акт был совершен. Потому и соваться сюда больше никто не хотел — никакого смысла такая кампания не возымела бы. Это место предоставлено самому себе.

Здесь давно не было ни одной живой души, хотя ощущения кричат обратное. Словно кто-то невидимый из прошлого продолжает управлять своими владениями. Этот кто-то пристальным взглядом рассматривает вошедшего человека, оценивает его самого и возможную угрозу, которую тот может представлять. Камни за стальной решеткой забора, независимо от всего остального мира, неуловимо для наблюдателя извне, продолжают вести свой привычный образ жизни, постепенно выстраиваясь в новые стены. Листья на деревьях, перевалившиеся за прутья ограды, пожухли, отдав всю энергию на восстановление былого величия, а теперь ничком падают на потускневшую траву и раздуваются ветром по всей территории.

Конечно, все это не могло быть правдой. Но атмосфера в этом месте навеивает именно такие мысли.

Листьями была устлана вся тропинка, по которой Юле предстояло пройти, чтобы добраться до заднего двора бывшей лечебницы. Именно туда почему-то тянуло ее больше всего. Быть может, ответ достаточно прост: только в эту сторону, будучи заключенной здесь, она могла смотреть, выглядывая в широкое окно. Из своей палаты — второго и последнего окна, в которое удавалось выглянуть, — рассмотреть ничего было нельзя.

«Почему сюда?» — мысленно проговорила она.

Плечо по-прежнему неприятно ныло, видимо, так проходит процесс срастания костей, но Юля попыталась не обращать на это внимания и двигаться дальше.

Близился вечер. Из-за густых крон деревьев, перекрывающих остатки солнечного света, под ногами мало что можно было разглядеть случайно. Лишь когда ее кроссовка провалилась в какое-то углубление, под опавшими листьями она увидела колею от колес, которой раньше не замечала, ведь именно по этому пути она той ночью пробиравась к заброшенному крылу лечебницы. Колею от колес ее «Жука» — другие машины здесь точно не ездили, как успела заметить Юля.

Она шла вдоль канавок. Вот еще несколько метров и она приблизится к тому самому месту, где той злосчастной ночью допустила роковую ошибку, спустившись в подвал. Теперь на этом участке земли под стеной зияла дыра. Доски выгорели и осталась лишь кирпичная арка, ведущая в глубину полуразрушенного здания. Если бы не каркас из красного кирпича, то вряд ли здесь можно было бы найти прежний вход в здание. Все это навевает ей так много мыслей о недавнем прошлом. Она бы назвала это даже тоской, не будь это слово здесь слишком противоречивым. Но тоска эта не по событиям, произошедшим в этих стенах, а по тому чувству полной уверенности в своих силах, чего сейчас ей очень не хватает. Теперь же она готова сию секунду сорваться с места и унести ноги как можно дальше отсюда, лишь услышав малейший хруст ветки или какого-либо шуршания рядом с собой. Немалых усилий ей стоит сейчас двигаться вперед. Желание разобраться в проблеме перекрывает все возможные страхи.

Пройдя по канавкам от колес вглубь пустующей площадки позади руин, Юля увидела вытопанную траву под деревьями, куда уходила колея, ближе к левой части ограды. Но туда не пошла. Ее заинтересовала именно задняя часть двора — большая пустая площадь, незастроенная территория. Идя по густой, высокой траве, следуя за неясными ощущениями, она внезапно спотыкается и падает на какой-то заостренный выступ, ощутив резкую боль в плече от неожиданного напряжения — упав, ей пришлось взять упор на левую, здоровую руку. Слегка поранив ладонь, которая приняла удар от падения на себя, она увидела проглядывающую из-под травы бетонную глыбу. Рядом еще одну. И еще. «Фундамент? — подумала она. — Фундамент чего?»

Осторожно поднявшись на ноги, она оглянулась, думая, не слышал ли кто ее выкрика, стараясь не смотреть на руины. Вокруг по-прежнему царил мертвецкая тишина, если не считать шелеста трясущихся листьев, бурно вздымавшихся и грозящих вот-вот

сорваться с пышных веток и пуститься в пляс над высокими болиголовами, полынью и лопухами.

Дальше она ступала гораздо аккуратнее и осмотрительнее, понимая, что в таком месте могут быть не только камни, но и ямы. Не хватало еще провалиться в одну из них и вдобавок сломать ногу.

Вдоль выступающих камней она отследила большой прямоугольник, указывающий, что здесь ранее было еще какое-то здание, но его снесли, и достаточно давно.

Странно, что здесь вообще свистел ветер и было ощутимо прохладнее, чем за воротами, будто бы это место было на добрых два месяца старше всего окружавшего его мира. В какой-то момент Юле показалось, будто бы ее кто-то окликнул и она обернулась, несколько секунд всматриваясь между развалинами старой лечебницы и вслушиваясь в пустоту. А когда только на секунду ослабила свое внимание, услышала едва различимый сдавленный шепот, среди которого были лишь два слова: «Ты дома». Источника звука она не увидела, но даже сквозь испуг, инстинктивно пошла вперед, нервно поглядывая за каждый уголок и груды камней, некогда бывшей кирпичной кладкой стен. Она поймала себя на мысли, что впервые смотрит на в этом направлении с такого ракурса.

Почему-то ей захотелось задать ответный вопрос:

— Мой дом? — спросила она достаточно громко, чтобы ее голос разнесся по всей территории. Но ответа не последовало даже спустя две минуты ее молчаливого ожидания.

Подумывая, что тот голос ей просто послышался и она начинает сходить с ума, пытаясь еще и в ответ что-то спрашивать. Она склонила голову и закрыла руками лицо, успокаивая свои разбушевавшиеся нервы. Простояв так еще несколько минут, пока полностью не пришла в себя, она в сердцах сплюнула на траву.

— Ну ладно, — процедила она сквозь зубы, будто бы зная, что ее слышат и ждут, просто не отзываются.

Поддавшись раздражению от непонимания своего же состояния, но уже без его внешних проявлений, она пошла вперед, переступая обломки опаленных досок и обугленных алюминиевых проводов, грубо оборванных падающими стенами.

Если бы не остатки памяти и круг в центре комнаты, почти полностью засыпанный строительным мусором, она бы и не узнала, что уже находится в том же зале, в который их всех выводили из палат в дневное время. А черное пятно справа — след от того самого дивана. На нем она познакомилась с Михаилом. Вспомнив о нем впервые после тех событий, ей стало невыносимо грустно, что этот поистине добрый и

самоотверженный мужчина вот так погиб вместе со всеми, не оставив после себя ничего и никого, кто бы мог думать о нем с теплом, которого он заслуживал. Никого, кроме нее.

В ее памяти возник и образ доктора Высокова, когда тот в последний миг, то ли во плоти, но еще будучи нетронутым огнем, то ли уже в виде призрака предстал перед ней в окне догорающей лечебницы, к которому всепожирающее пламя добралось в самую последнюю очередь. То единственное окно комнаты, располагавшееся дальше всего от подвала — очага возгорания.

«Почему он?» — думала Юля, рассматривая все вокруг. Все то, что не так давно было настоящим и живым, пусть и ужасным в своем естестве, теперь приходилось по кусочкам вырывать из памяти и вкладывать в руины, восполняя утраченные фрагменты реальности в попытках восстановить былой интерьер. Только так можно найти ответ хотя бы на один из тех многих интересующих ее вопросов: действительно ли то явление доктора было ее воображением, связывающим его с добродушным стариком? Или же это лишь стечение обстоятельств, вновь и вновь возвращающие ее в это место, но на самом деле не являющиеся ничем иным, как плодом ее больной фантазии? Но ответ на вопрос, который волновал ее больше всего, а именно: действительно ли доктор хотел ей что-то показать перед тем, как окончательно отдаться яростной стихии? — был намного ближе, чем кажется. Так всегда бывает: ответы на самые сложные вопросы порой мало того, что кроются в мелочах, но и зачастую всегда настолько близки, от чего так и остаются незамеченными людьми.

— Ну да, конечно, — говорила она сама с собой, прокручивая все эти вопросы в голове и перешагивая очередную доску с угрожающе торчащими из нее гвоздями, — разве узнаешь это, когда даже комнаты той не осталось, что была на третьем этаже, а что говорить о деталях.

Но она все же направилась к тому месту. Именно тому, где, по ее достаточно изменчивой памяти, находилась та комната, из которой в последний раз виднелся доктор, только на два этажа ниже; полтора, если быть точным — высоту половины первого этажа занял мусор из недогоревших конструкций, обгорелых досок, штукатурки и расплавленного рубероида.

Погрузившись в свои размышления, Юля даже не заметила, как ее тревожнения и беспокойства сменились расслаблением и умиротворением, обволакивающим ее словно пледом. Такого спокойствия у нее не было уже очень давно. Со дня выписки из больницы. Возможно, она задалась бы и этим вопросом, обрати она свое внимание на такую деталь, но кто же задумывается о наличии хорошего, пока оно не исчезнет?

Теперь она стоит будто бы высоко над всем этим и вдыхает все еще насквозь пропитанный горечью воздух от недавнего пожара, невольно продолжая поднимать из памяти мелкие события и интерьер лечебницы до происшествия. Только ничего не выходит, потому как это был даже не кабинет Высокова. И это снова начало выводить ее из себя.

Кабинет главного врача располагался на первом этаже — диагонально слева от нее. А в той комнате, в которую направлено все ее воображение, она никогда не бывала. Физически она находится сейчас в главном холле, правой его части от входа, всеми силами стараясь сделать невозможное и мысленно перенестись на третий этаж, в тот самый день и помещение, в котором видела доктора в последний раз.

«Что же ты хотел мне показать?» — сперва проговорила она мысленно, но потом голос пробился сквозь пелену тишины, начинаясь с едва различимого шепота, а уже через пару секунд окрепшего голоса, срывающегося чуть ли не в крик:

— Что? Что?! Что ты хотел мне показать? — требовала она у пустоты. — С чего ты вообще взял, что я способна понять твои чертовы предсмертные намеки?

Она гневно пнула ногой угловатую доску перед собой, тем самым отбросив ее в сторону. На том месте, где лежала доска и прочий мусор, Юля заметила что-то коричневое, густо засыпанное пылью и сажей. Она притихла и оглянулась по сторонам, будто бы ребенок, что украл шоколадку в супермаркете и теперь боится быть обнаруженным и пойманным с поличным. Убедившись, что по-прежнему одна, она неторопливо наклонилась, брезгливо стряхнула наст пепла и обнаружила толстую книгу в кожаном переплете.

— Сукин ты сын! — сорвалось с ее губ.

Она осторожно подняла книгу и покрутила в руке: обложка сильно потрескалась, края замялись и потемнели, видимо, от температуры; на лицевой стороне из-под грязи проглядывался какой-то рисунок, похожий на узор, которыми воины прошлых веков украшали щиты и рукоятки топоров. «Достаточно тяжелая, — смирившая она книгу в руке, пытаясь помочь себе удержать ее второй, пока еще слабой рукой. — И пережила такой пожар? Невероятно».

Юля сгорала от нетерпения открыть книгу и узнать, кто же ее автор, если страницы и вовсе не окажутся пустыми, потому не стала отказывать себе в этом удовольствии и одним быстрым движением перелистнула все листы от корки до корки. Края их изрядно подгорели, но текст вполне читабелен — содержимое страниц практически нетронуто огнем, что неслабо удивило

девушку. Она ожидала увидеть если не выгоревшие до пепла остатки бумаги, то как минимум растекшиеся от высокой температуры чернила. Но нет. Кроме весьма неразборчивого почерка, не было ничего, что могло бы воспрепятствовать ей прочесть книгу полностью. Только не сейчас. Единственное, что она поспешила выяснить — авторство рукописи. Вчитываться в текст первой страницы Юля не стала, а лишь бегло прошлась взглядом по строкам и остановилась на подписи — Димитрий Высший.

— Кто бы сомневался... — протянула она, — что твоя фамилия на самом деле не является фамилией, а лишь прозвищем. Высший. Ты роста немалого был, да. И стал ты Димитрием, значит. Или был, а для того, чтобы имя не так сильно бросалось в глаза, изменил его на «Дмитрий». Умно. Но почему не Руслан? На бедже ведь было написано «Руслан Дмитриевич Высоков».

Снова погрузившись в свои мысли, которыми овладела ее находка, она совсем забылась. Встрепенувшись, она настороженно огляделась по сторонам, убеждаясь, что ни ее, ни найденную ею книгу никто, кроме ее самой, не видел.

Выглянув в опаленный проем, где когда-то было окно, Юля увидела машину такси, по-прежнему стоявшую недалеко от ворот, и слабое движение в салоне.

«С такого расстояния он видеть нас не мог, как и слышать, надеюсь, тоже», — подумала она, не осмеливаясь снова заговорить вслух.

В следующие секунды, словно убегая от погони, она поторопилась спуститься с руин на землю и вернулась к машине, скомандовав водителю везти ее домой. Тот потянулся, буркнул что-то не совсем разборчивое, до чего, впрочем, девушке дела вовсе не было, и откинулась в сиденье, крепко прижимая к себе книгу. Водитель не стал повторять свои слова, лишь бросил на нее подозрительный взгляд через зеркало заднего вида и запустил двигатель.

Они отъехали от места всего на несколько метров, после чего Юля попросила водителя остановить машину, торопливо и озираясь по сторонам вылезла из салона и вбежала в лесополосу. Там она надежно спрятала книгу под стволом старого дерева, забрасывая его ветками и травой, все так же не переставая параноидально оглядываться на предмет посторонних глаз. После чего уже вернулась в машину и отправилась домой, оплатив водителю нескромно большую сумму за простой и поглаживая разнывшееся плечо.

Глава 7. Беседа с Довлатовым

По возвращению Юли домой в квартире никого не оказалось. Никита, бросив не разобранный рюкзак на кровати, а в мойке немытую посуду, ушел гулять — это она поняла по отсутствующим бутсам на обувной полке. Артем же, по всей видимости, снова ушел по своим делам, в суть которых посвящать жену в последнее время не утруждался. Впрочем, все это, как и почти всегда, оставалось тайной, если она сама не начинала выпрашивать о его планах на день или о том, куда он так торопится. Работал ли он сейчас в гараже или же снова уехал вручать кого-нибудь советами — она тоже не знала.

Судя по его недавним словам, он взял отпуск именно ради того, чтобы проводить больше времени дома, помогая ей прийти в себя после пережитого и поскорее вернуться в привычную струю жизни. Говорил, что так у него будет больше свободного времени на оказание для нее как моральной, так и физической поддержки. На самом же деле все обстояло совсем иначе: большую часть времени он где-то пропадал, ища различные очень важные и безоговорочные причины не задерживаться в квартире дольше часа-получаса, исчезая при первом удобном случае. Оно и к лучшему.

Хорошо, что она перед уходом не забыла захватить с собой ключи от входной двери, иначе бы сейчас пришлось идти искать мужа, а заодно и оправдываться насчет причин, почему так надолго задержалась, а возможно, даже выдумывать какую-нибудь ложь по поводу книги, которую так и не привезла домой. Хотя первоначальная ее цель заключалась именно в этом. Подобной дотошностью и придирчивостью Артем никогда не отличался, но специально нарываться на подобные вопросы ей совсем не хотелось.

«Может, стоило ее все же привезти с собой? — спрашивала она саму себя, доедая остатки уже засохшего рулета и запивая его остывшим кофе. — Не пришлось бы сейчас терзаться догадками, о чем же все-таки там писал Высоков. То есть Высший... А вдруг ее дождь намочит? Твою ж мать, ну и дура! Зачем оставила?»

Юля заметалась по комнате, выглядывая в окна на предмет грозовых туч, начав переживать о сохранности книги. Уже чуть было не решила вернуться за ней прямо сейчас, но вспомнила, что та пролежала несколько недель под открытым небом, до этого пережив страшный пожар, и осталась невредима. Какой-нибудь денек-другой еще потерпит непогоду, лежа в рыхлой земле и будучи присыпанной сырой травой.

Артем вернулся домой как всегда веселый и жизнерадостный. Его дни, видимо, были наполнены разнообразием, в котором либо же вообще не было никакого негатива, способного выровнять губы, изогнутые в лучезарной улыбке, либо он умело маскировал трудности и их влияние на моральное состояние. Третьего варианта, в котором он выглядел радостным и счастливым только показательно для нее, тем самым раздражая ее, Юля не рассматривала, хотя мысль такая все же закралась ей в голову.

— Привет, милая! — пролепетал он, появившись в гостиной при полном параде: брюки, белая рубашка, галстук. Только туфли успел снять, а пиджак повесить в шкаф в прихожей. — Как ты? Давно вернулась?

Юля, глядя на мужа, застыла с открытым ртом и поднесенной к губам чашкой.

— Мапочки, — только и вырвалось у нее. — Давно я тебя не видела «с иголки»! Ты чего, на свидание ходил? Познакомишь меня со своей пассией?

Артем искренне рассмеялся.

— Как-нибудь потом, хорошо? Иди ко мне, моя шутница. — Отшутившись, он мягко поцеловал ее в уголок губ. — Пришлось заехать в суд по тому вопросу, о котором я тебе рассказывал, ну, с Костей.

Артем хоть и понимал, что Юля только лишь шутила насчет свидания, но почему-то посчитал правильным объяснить насчет своего внешнего вида. К тому же, дополнительная минутка простого, теплого общения никогда не будет лишней. По правде говоря, он в последнее время вообще не находил радости в жене как в собеседнице. Он видел, что улыбки ее зачастую были отрепетированы заранее, шутки — притянуты за уши, а смех, вместе с сумбурными и ничего не означающими вопросами, и вовсе существовал будто бы только для замыливания глаз — все игра. Жена отстранилась от него, замкнулась, а желания раскрывать ее у него, по какой-то непонятной для него причине, предательски не находилось. Оставалось лишь подыгрывать ей такими же лишенными искренности эмоциями, чтобы не создавать лишнего напряжения.

— Тебе разогреть чего-нибудь покушать? — мягко спросила Юля.

Артем ответил не сразу, а лишь спустя несколько секунд, уже зайдя в спальню, чтобы переодеться. На секунду выглянул и сказал, что пока не голоден и что хотел бы на свежую голову составить отчет, пока ничего не выветрилось из памяти, после чего захлопнул за собой дверь.

Юля почему-то нервничала, будто бы натворила что-то

нехорошее. С облегчением выдохнуть она смогла только когда Артем скрылся за дверью. Облокотившись на столешницу, она тихонько потягивала уже новую порцию кофе и радовалась, что вопрос о книге все же не прозвучал.

«Что я за человек такой? — думала она. — Я радуюсь тому, что мой муж абсолютно невнимателен ко мне... Где такое видано, вообще? Если бы он действительно переживал из-за меня, думал обо мне, то наверняка помнил бы и о книге, за которой я с таким воодушевлением выбежала из дома. Уж эти эмоции можно было запомнить, разве нет? Если бы я была ему интересна, то точно бы поинтересовался! Но нет... А мне что? А мне оттого и легче — не пришлось выкладывать все, придумывать. Или же он просто забегался и забыл? Такое ведь тоже бывает. Вон как его дергают даже в отпуске...»

Противоречивые мысли в ее голове, среди которых были и обвинения мужа, и оправдание его поступкам, спорили друг с другом, а на лице выражалось нечто двоякое: облегчение и непонимание вкупе.

Бурный поток ее мыслей прервал скромный стук в дверь.

— Есть же звонок... — прошептала машинально Юля, поставила чашку на стол и подошла к глазку.

Она никого не ждала, потому решила предварительно увидеть незваного гостя. Им оказался следователь Довлатов. Выругавшись про себя, она натянула дежурную улыбку на лицо и открыла дверь.

— Здравствуйте! — нарочито весело пропела Юля. — А я уж думала, когда же вы объявитесь...

— День добрый, гражданочка. — Он в духе настоящего детектива коснулся своей кепки-восьмиклинки с узким козырьком. — Разрешите войти?

Юля не рассчитывала на более интимную обстановку, чем разговор у порога. Сперва она с глазами полными надежды бросила взгляд в сторону комнаты, где находился Артем, глубоко выдохнула, прощаясь с напускной непоколебимостью, и произнесла, стараясь избегать зрительного контакта с мужчиной:

— Да, конечно. Входите. Кофе или чай будете?

— Чай, пожалуйста, — бесчувственным голосом ответил следователь и прошел в квартиру.

Пока Юля наливала воду в чайник, мужчина сам выбрал себе удобное место на диване, не дождавшись приглашения присесть, и закинул ногу на ногу в ожидании удобного момента начать разговор.

Две минуты прошли в полной тишине. Наливая воду в чашку с пакетиком для следователя и доливая кофе в свою, Юля

слышала, как тот прочищает горло. Тревожный звоночек в голове или же интуиция, но что-то дало ей понять, что пришел он не ради того, чтобы сообщить новости по поводу подвижек в расследовании дела о жестоком обращении с пациентами психиатрической лечебницы. Артем подал его, пока жена лежала в больнице. Она не была уверена насчет цели визита следователя, пока тот не начал говорить, но уже и не могла оставаться спокойной. Он пришел с явным обвинением, пока что безосновательным, только все никак не осмеливался начать говорить ввиду того, что не сталкивался на своем карьерном веку с подобного рода преступлениями. Но долг службы обязывает сделать это.

— Сахар кладите по вкусу, — слегка дрожащим голосом произнесла Юля, ставя перед ним на стол чашку с широким блюдцем. — Черный, правильно? Я забыла уточнить... но большинство...

— Юлия, — перебил ее мужчина, размеренно укладывая в чашку четыре кубика сахара и усердно расколачивая их чайной ложкой, — скажите, пожалуйста, как вы себя чувствуете сейчас? Вам уже лучше?

Юля оценила его внешний вид, все так же стараясь не встречаться с ним глазами: начищенные туфли — снимать он их почему-то не стал, хотя должен был, чем и немного смутил девушку, — наглаженные брюки, пиджак на два размера больше, из которого так и просились наружу складки жира, натягивая единственную маленькую пуговку, синяя рубашка с широким воротником и расстегнутой верхней пуговицей, около которой безвольно свисал узелок галстука глиняного цвета, совсем не вписывающегося в образ делового человека. Где-то он явно просчитался. Или это жена ему решила насолить, предложив надеть единственный чистый галстук, цвет которого полностью соответствовал цвету биологических отходов жизнедеятельности человека? Если она это сделала именно с идеей сравнения, то все верно. Человек этот был явно не из тех, чьему примеру доброты и самоотверженности, как подобает народному служителю, стоит подражать. Юля чувствовала это всеми порами кожи.

Она изо всех сил старалась не выказывать своего отвращения к мужчине. Лишь теперь, оценив, какой он обрюзглый и мерзкий во внешности, ответила, показательно двигая повисшей на повязке кистью руки:

— Лучше. Мечтаю уже избавиться от этого... — она подбородком указала на эластичное кольцо вокруг шеи и запястья. — Но вы ведь не для того пришли, чтобы о моем самочувствии справиться?

— Верно. Стараюсь быть тактичным.

В его голосе дрожала едва уловимая неловкость, которую не заметил бы никто другой, если бы не ожидал того, чего ожидает от него Юля. Ей показалось, что он снова сейчас замолчит на несколько минут, делая вид, что наслаждается чаем и вовсе не по делу пришел, а просто погостить. Но он шумно отхлебнул переслащенный напиток и перешел в наступление:

— Я должен был вызвать вас в участок, но не стал. Решил, что говорить вам будет гораздо комфортнее у вас дома, нежели в допросной.

«Ты ж мой герой» — подумала она и приподняла бровь. А дослушав, односложно спросила:

— Допросной?

— Где находились вы, когда в здании лечебницы начался пожар?

Юля хоть и ожидала подобного вопроса, но все равно искренне удивилась, широко открыв глаза и уставившись на мужчину, впервые заглянув в его свинячьи глазки, в которых тут же замелькала мысль в духе «а тот ли вопрос я задал вообще?»

Совсем не задумываясь над ответом, она резко выпалила:

— В палате своей я была! Ну, в той, куда меня определили. Где же, по-вашему, еще я могла быть?

— Я не знаю. Потому и спрашиваю. — Следователь на секунду отвел взгляд в сторону. — Значит, вы не знаете, с чего начался пожар, как и того, кто был поджигателем?

— С чего бы мне это знать? — Юля изобразила непонимающее и в то же время возмущенное выражение лица. — К чему вы клоните?

— В деле о поджоге у нас осталось множество неясностей, в которых...

— Дело о поджоге? — перейдя на повышенный тон, воскликнула девушка. — Вы сейчас это все серьезно? Меня похитили, морили голодом, избивали, мучили и чуть не убили, а вы мне говорите, что все это теперь не так важно, как необходимость выяснить, из-за чего случился пожар? Вы в своем, на хрен, уме, Довлатов, как вас там?

Глазки следователя быстро забежали, но спустя пару секунд он решительно собрался ответить девушке, следуя букве закона, но не успел. Из спальни вышел Артем, который внимательно слушал последние две минуты достаточно оживленного диалога и ждал момента, когда будет неспособен сдерживаться. До точки кипения он дошел, когда услышал фразу «знаете ли, гражданочка», исходящую из уст Довлатова.

Мужчина в странном галстуке в миг растерял все остатки

уверенности, которые, казалось, собирал в себе с того момента, когда только готовился переступить порог этой квартиры. Увидев разъяренный взгляд Артема, еще не успевшего ничего сказать, он тут же притих и замешкался, поправляя костюм и сдувая несуществующие пылинки со своих плеч — он явно не ожидал, что муж Юли будет дома, и уж тем более, что тот услышит его слова.

— Ох, Артем... эм... Витальевич, — заметно дрожащим голосом произнес следователь. — Вы дома...

Совсем не ясно, что именно вывело его из равновесия. Ему никто не угрожал, если не считать той короткой, но значительной фразы Артема в участке насчет задействования связей, когда они занимались поиском Юли. Еще тогда он понял, что это дело выходит далеко за рамки его привычной работы с бумажками, потому, видимо, придя к выводу, что ноша непомерно тяжела, а решать вопрос все-таки нужно, сам себе выдумал какую-то угрозу. Теперь же, когда, наконец, произнес то, что произнести его обязывал закон, он ощутил страх за свою шкуру.

— Ты пришел в мой дом с претензией и обвинением моей жены в поджоге? — стальным тоном проговорил Артем, глядя в наполняющиеся страхом глаза следователя Довлатова.

— Я бы попросил вас выражаться более... — успел произнести он в ответ, но Артем уже завелся и не собирался останавливаться.

— Ты говоришь, что моя жена из жертвы внезапно превратилась в подозреваемую? Что ты несешь?

— А-артем Вит-альевич, — еще сильнее заикаясь, начал он, — дело о похищении уже закрыто, потому как выживших в пожаре, кроме вашей жены, которую, собственно, мы и искали вместе с вами, не оказалось. Обвинения по поводу неправомерного удержания... — он бросил короткий взгляд на Юлю, метавшуюся глазами то на следователя, то на мужа, — предъявлять некому. Никто даже не знал, что вообще творится в той лечебнице. А вот дело о...

— Дело о чем? — нетерпеливо спросил Артем, разделяя процедурой слова сквозь зубы.

— Дело о возгорании или поджоге они были вынуждены возбудить, так как...

— Кто — они?

— Область. Вы думаете, что это все нужно лично мне?.. Извините. — Следователь взял чашку с чаем и дрожащими губами припал к кромке, допивая остатки. — Лечебница хоть и являлась частной, она изрядно на шумела в округе. Вопросами о ней теперь задаются областные власти. А оказать существенную помощь в

этом деле может только Юлия, так как она находилась внутри в момент, когда все началось. Она может поведать историю внутренней атмосферы и возможных причин, если...

— О, я тебя умоляю... — произнес Артем, закатив глаза и снова прервав мужчину, словно ему совсем не важны его слова.

На самом деле так и есть. Все чего он ждет, это небрежно брошенное слово, за которое можно зацепиться, чтобы грубо вышвырнуть из дома этого, как всегда в своих мыслях говорил Артем — жирного, тупого борова. Он давно проникся к нему отвращением, которое теперь нисколько не стыдился проявлять в той форме, в которой оно просится наружу.

— ...если? Что если?

Следователь Довлатов, потупив взгляд, монотонно ответил:

— Если она сама не стала причиной этого возгорания.

Юля сидела молча, стараясь не выдавать своего волнения. Она была безгранично рада появлению мужа, совершенно не представляя, как бы без него отвечала на такие вопросы. Даже говори она чистую правду, тремор рук и бегающие из стороны в сторону глазки смогли бы поселить большое сомнение насчет ее слов в сознание опытного следователя. К счастью, этого не то чтобы опытным, а даже достаточно компетентным с большим трудом можно назвать. Это облегчает задачу. В любом случае, такого сценария она не продумывала, хотя и предполагала, что подобные вопросы все же могут возникнуть в ходе расследования.

Артем, найдя за что зацепиться, незаметно сам для себя, снизил обороты и стал выражаться четко и по сути, и даже вернул своим обращениям толику уважительного тона, пускай и наигранного. Он быстро закончил разговор, оперируя теми же словами, которыми выражался сидящий на их диване мужчина:

— Обвинения выдвигать некому, вы сами это сказали, так как выживших не обнаружено, но это не совсем так. Выжила моя жена и ей пришлось, и все еще приходится очень несладко. Потому, будьте так добры, — эту фразу Артем проговорил с особой выразительностью, — не засыпать ее глупыми вопросами до тех пор, пока она полностью не придет в норму. И будьте готовы, что это может наступить не так скоро, как вам бы этого хотелось. Она отца похоронила всего несколько дней назад. — Он немного помедлил, ловя изменения эмоций на лице следователя, в которых просматривалось явное облегчение ввиду изменения тона его собеседника, а потом добавил: — Потому что, если ее состояние ухудшится из-за ваших допросов, тогда уже у меня появится прецедент выдвинуть обвинения в ее защиту. Надеюсь, мы правильно поняли друг друга?

Следователь быстро захлопал ресницами в попытке усвоить

услышанную информацию, после чего встал, уважительно извинился за доставленные неудобства, не зная в чей адрес стоит их обращаться, поочередно глядя на них обоих, и поднялся с дивана.

— Я сам найду выход, — угрюмо проговорил он и поспешил уйти, предварительно поблагодарив Юлю за чай.

Только после его ухода Юля смогла выдохнуть, сняв маску невинной жертвы, и расплакалась. Она была вообще не готова к такому повороту событий. Ее ни в чем не уличили, но ощущение, что за расправу над всеми «жителями» лечебницы ее уже взяли с поличным и вынесли приговор, уже взяло верх над разумом. Она с самого начала знала, что призналась бы во всем, стоит лишь слегка надавить и сказать, что правду, какой бы она ни была, скрыть нельзя. Уже ощутила на своих руках звон тюремных кандалов и гомон других заключенных людей за тяжкие преступления в соседствующих камерах.

Забившись крупной дрожью, она плакала, склонив голову над недопитой чашкой кофе. Нервы. Переизбыток кофеина или все вместе, но затряслась она достаточно сильно.

Артем, конечно же, не понимал, в чем истинная причина ее слез, как и не знал, чего именно она так испугалась. Он подошел и стал успокаивать жену, приговаривая, что все обойдется, все будет в порядке и что в обиду он ее не даст никому из этих тупоголовых стервятников, желающих закрыть дело любыми способами, несмотря на сопутствующие травмы и потери.

— Спасибо тебе, — с трудом проговорила Юля, немного успокоившись. — Я не представляю, что бы было, не появись ты так вовремя. И зачем я вообще его впустила в квартиру... Дура...

— Ну, не надо так. Я всегда рядом. Никто тебя у меня не заберет.

Он обнимал и гладил ее по голове говоря, что не позволит им ее докапывать расспросами, как минимум сейчас. А если у них появятся какие-либо причины начать делать это, то все будет происходить лишь в присутствии хорошего адвоката, которого он самолично подберет для нее. Говорил, что у них нет ни единого шанса разрушить их жизнь, как и права на то, чтобы в нее вмешиваться. И Юля ему доверилась.

Глава 8. Нелепая встреча

Неужели он и правда может о чем-то догадываться? Есть ли хоть малейший шанс, что кто-то действительно сможет обставить все не в ее пользу? И с какими последствиями ей придется столкнуться, если вся правда о поджоге всплывет на поверхность? — Всеми этими вопросами задавалась Юля, пока пыталась прийти в себя после неожиданного визита следователя Довлатова в их квартиру.

Стоя у плиты, время от времени вытирая стекающие по лицу слезы, стараясь не быть на этом замеченной, Юля готовила ужин для своих проголодавшихся мужчин, на котором присутствовать не хотела и не планировала: деревянной ложечкой она помешивала макароны по-флотски в сковороде, нарезала салат из купленных вчера овощей и зелени, и одним глазком посматривала за бурлящей в кастрюле на плите лилово-розовой жидкостью с поднимавшимися со дна ягодами красной смородины и малины. Вполне обычный ужин для вполне обычной семьи, если не считать крайне негативного эмоционального фона, каждый раз повисающего в воздухе, стоило Артему с Юлей оказаться наедине. Он, ничего не спрашивая, пытался понять, как можно облегчить ее состояние, а она — разобраться в себе, чтобы ее поведение как можно меньше влияло на погоду в доме. Больше всего она переживала о сыне, который едва не лишился матери несколькими неделями ранее, а теперь думает, что все обошлось. Ей очень не хотелось, чтобы он думал иначе или хотя бы что-то подозревал. А сделать это было очень непросто ввиду того, что парень не по годам смышлен.

Пусть она внешне и не казалась взвинченной, но нервное состояние преследовало ее еще около полутора часов. Закончив с ужином, она накрыла на стол на две персоны и сказала Артему, что хочет пойти прогуляться.

Он понимал ее желание, или думал, что понимает, потому не стал отговаривать, хотя и очень хотел привести этому веские аргументы. Мог бы заставить ее думать о Никите и его постоянных вопросах о том, куда его мама периодически исчезает, а теперь еще решила пойти якобы погулять на ночь глядя. Но после слов жены «чтобы взять себя в руки, мне нужно проветрить мозги, а то так и с ума сойти не долго» он, в знак отсутствия возражений, поднял ладони кверху, говоря, чтобы она поступала как считает нужным. Именно на такую реакцию мужа и рассчитывала Юля. Она ушла бы в любом случае, просто не хотела накалять обстановку еще больше. И без всех этих ссор на

почве ее состояния было тошно.

— Я скоро вернусь, — сказала Юля сыну и поцеловала его в макушку, когда тот уселся за стол, выкрикивая искреннее восхищение изобилием вкуснятины на столе. — Нужно кое-что купить на вечер. Не скучайте, мальчики.

Никита сразу же набросился на макароны, не обращая никакого внимания на салат — разве детей заставишь кушать зелень? Артем же молча провожал жену взглядом до тех пор, пока она не скрылась за входной дверью, накинув на плечи легкую ветровку. За окном уже вечерело. Без куртки наверняка было бы достаточно прохладно. Но основная причина, по которой она взяла с собой куртку, было не это. Если бы она хотела выйти на пять минут, только чтобы подышать свежим воздухом, то и не стала бы думать о погоде на улице. Он понял, что Юля ушла надолго.

На этот раз она действительно решила просто прогуляться, хотя мысли ее были поглощены не столько заявлением Довлатова, сколько той находкой — книгой, что она откопала в руинах бывшей лечебницы. Выйдя в свет придорожных фонарей, она сама не заметила, как сменила причину своих тревог. Она даже подумала, что это четыре стены квартиры так дурно влияют на нее, ведь стоит лишь покинуть квартиру, как все сознание приобретает абсолютно иные оттенки и направления мыслей.

Сейчас она больше всего жалела, что не поторопилась, не дала себе времени полистать книгу именно там, утром, в тот самый момент, когда была такая возможность. По сути, спешить было некуда. Артем сам освободил ее от обязанностей собирать и провожать их сына в школу, как и от приготовления завтраков, говоря, что поджарить тосты, намазав их маслом, и заварить чай он сможет и сам. Да и в целом сделает все, чтобы его жена максимально быстро оправилась от пережитых событий, забрав на себя большую часть ее домашних обязанностей. И хоть она пыталась ему сказать, что ей гораздо легче, когда может чем-то заниматься по дому и заботиться о них с сыном, Артем отговорок слушать не хотел. Это казалось ему правильным.

Ввиду всего этого, Юля только сейчас поняла, что лучше всего было бы остаться и прочесть хотя бы часть книги. В таком случае, сейчас бы ей не пришлось изводиться от нетерпения узнать, о чем писал в ней доктор Высоков, или Дмитрий Высший, коим именовал он сам себя.

Она могла бы узнать мотив, идею книги — для чего она вообще писалась, кому была предназначена? Быть может, это всего лишь что-то вроде судебного журнала, в который вносятся все важные детали и подробности событий, происходивших в

стенах лечебницы. Но даже если и так, неужели это не интересно? И не просто интересно, а может приоткрыть завесу между тем, что ей удалось узнать от Михаила, тем, что сама смогла выяснить, и тем, о чем никто из людей еще не знает. Только в том случае, конечно же, если эта книга в процессе написания или по ее завершению не была обнародована, в чем Юлия очень сомневалась. Больно затертой она выглядела, очень старой и не выдавшей излишнего дневного света.

Все эти мысли съедали ее изнутри, но второй раз в день ехать туда она не собиралась. Как минимум из-за того, что день уже близился к концу, а если задержаться там, не уследив за временем, то таксист может и отказаться ждать, оставив ее одну среди руин, а из Вирнаково никто просто не приедет в ту глушь. Даже в светлое время суток мало кто проявлял желание ехать по адресу психиатрической лечебницы, бывшей на слуху у каждого старожила города, а ночью — точно никто не приедет. В таком случае ей снова пришлось бы ночевать там, где ночевать совсем не хочется. Ко всему прочему, в очередной раз проверять на прочность нервы семьи было бы глупо и неуважительно с ее стороны.

Она размышляла обо всем этом, детально прокручивая в голове каждый возможный исход. Что было бы, поддайся она своей слабости именно сейчас? Она неторопливо шагала по тротуарам вокруг своего квартала, даже не замечая, насколько приятен и свеж вечерний воздух. Кажется, он уже наполнен запахом капель дождя, еще не успевших долететь до земли, единственная цель которых — шумно разбиться об асфальт и умереть, чтобы переродиться паром и днем вернуться в яркое голубое небо. Так же, видимо, следуя стандартной для себя привычке, она не заметила, как вошла в супермаркет и уже несколько минут бесцельно бродила между рядами с продуктами и холодильниками с замороженной рыбой и курицей. Она бывает в этом месте практически каждый день. Заходит сюда за покупками практически на автомате, зачастую думая о чем-то совсем другом. Так произошло и сейчас.

Придя в себя, Юлия обнаружила, что зачем-то читает состав маринованных грибов на этикетке жестяной банки, хотя покупать она совсем ничего не планировала, тем более грибы.

— Хотя... — протянула она вполголоса, — почему бы и не взять.

Внезапно осознав, что, глядя со стороны, ведет себя очень странно, застыв глазами в одной точке на неизвестно сколько времени, она стала бросать осторожные взгляды позади себя и вперед по ряду, выискивая тех, кто мог заметить ее в таком

состоянии. В начале ряда, у прилавка со специями, она замечает девушку, что почти так же, как и минуту назад делала сама — стоит и читает что-то на маленьком цветастом пакетики и время от времени встревоженно поглядывает в ее сторону. Издалека не совсем понятно, куда именно смотрит девушка, но периодический пристальный взгляд знакомого лица лишает Юлю всех сомнений — текст на пакетики ей совсем не интересен, и смотрит девушка именно на нее.

Когда их взгляды встретились, эта девушка, стоявшая в нескольких метрах, поняла, что ее заметили и, помахав рукой, заулыбалась.

После этой улыбки Юля, конечно же, узнала старую подругу университетской поры, с которой она, не сойдясь во мнениях насчет ближайшего будущего, перестала общаться сразу после защиты диплома.

— Только тебя мне сейчас не хватало, — едва шевеля губами проговорила Юля, уже натягивая очередную маску довольной жизнью девушки в надежде на то, что подруга не наслышана о ее недавних «веселых приключениях» в лечебнице.

Но она поняла свою ошибку уже спустя две минуты после того, как девушка подошла и заговорила.

— Юля, ты, что ли? — спросила она, якобы убеждаясь, что не обозналась.

Ей ничего не оставалось, кроме как развести руками и кивнуть:

— Я...

— Ну, ты видела, я долго смотрела на тебя, пытаюсь понять, не показалось ли мне. Не ожидала тебя здесь встретить. Как ты? Где обитаешь? Я, вообще, думала, что ты уехала из Канорска, завела семью... — Она бросила взгляд на ее правую руку и увидела обручальное кольцо. — Ой, ты и правда замужем! Здорово!

— Да, здесь я и живу, никуда не уехала, — еле слышно отвечала Юля, опуская взгляд на банку грибов в руке, — рядом. Зашла вот за... за продуктами к ужину. Все хорошо. А ты?

— Ты что, не узнала меня? Юлька, ну? — продолжала радостно голосить девушка, но по ее взгляду было видно — она поняла, что изображать поддельное веселье вовсе ни к чему: — У тебя нелегкий период в жизни, да?

— Нелегкий, — сухо ответила Юля, еще больше потупив взгляд, но потом резко подняла глаза и спросила: — Ты что-то знаешь об этом? Или об этом уже все знают?

Следующими словами старая подруга разбила всю иллюзию неожиданной встречи, рассказав, что наслышана о нашумевшем

пожаре за Вирнаково, и о том, что всем известно, кто был последним заключенным сумасшедшего доктора, никогда не покидающего стены лечебницы. Если не в лицо, то по имени уж точно каждый знал бедняжку Юлию Неводную. Взгляд девушки был каким-то чрезмерно снисходительным и жалеющим, от которого Юле захотелось резко прервать разговор, бросив ей в лицо какой-то грубой и колкой фразой. Но не нашлась что сказать, потому ответила лишь «случаются несчастья».

— Слушай, — еще более жалобно сказала девушка, — мне жаль, что так случилось с твоим отцом... и с тобой. Правда. — Она едва коснулась ее плеча, поджала губы, в последний раз пытаясь заглянуть в глаза Юли, и ушла в другой ряд, оставляя после себя неприятный осадок.

«Нужна мне твоя жалость? Ты об этом подумала? — говорила про себя Юля, а на ресницах уже собралась капелька предательски выступивших слез. — Может, мне совсем не это нужно... Хотя бы кто-нибудь спросил, что мне нужно на самом-то деле!»

Спустя минуту, она глубоко вдохнула и решила отправиться домой, понимая, что хотя бы там не будет видеть тех лиц, которых видеть совсем не хочет. Она взяла с собой банку маринованных грибочков, что крутила в руке все это время, килограммовую пачку их любимого пломбира и направилась на кассу.

Вечер Юля провела в кругу семьи за поеданием мороженого, громким смехом и просмотром детской комедии, выбранной Никитой. Никто был не против доброго фильма без переизбытка лжи, ненависти, убийств и прочих вещей, которыми до краев наполнены практически все современные фильмы. Именно этой наивной доброты и взаимопонимания им сейчас и не хватало для ощущения благополучия.

И все казалось хорошо. Даже лишние мысли не могли сейчас пробиться через ту идиллию добра и любви, ту атмосферу, что царила в их квартире. Ей хотелось, чтобы этот вечер никогда не заканчивался, чтобы можно было ощущать все это бесконечно долго, а закрывая глаза, видеть лишь безоблачное небо, или хотя бы не видеть никаких призраков прошлого. Но продлилось это состояние не так долго, как хотелось бы.

С наступлением ночи они уложили сына спать, хотя он и сам замечательно с этим справляется уже больше пяти лет — выиграла родительская любовь и нежность, которую не отнять. Они поочередно поцеловали его, укрыли и чуть было не принялись рассказывать сказку перед сном — такими преисполненными чувств они были этим вечером, — но Никита

во время их остановил. Дети в его возрасте уже не любят материнских лобзаний, особенно привселюдных.

Выйдя из его комнаты, они и сами стали собираться укладываться спать. Артем практически сразу забрался в постель, а Юлия пошла в ванную комнату, приняла душ, почистила зубы. Закончив процедуры, она остановилась у зеркала, рассматривая себя, как ее кожа почти полностью вернула прежний лоск и упругость, вернула внешний вид скул, волосы вновь переливались на свету. Ей нравилось видеть себя такой и очень не хотелось допускать даже мысли о том, что подобное состояние, пришедшее к ней под властью монстра, может вернуться. Кроме видений и головных болей, которые вполне могли быть, как думала она, обычным посттравматическим синдромом, а не реальной зависимостью, ничего не было. Но уверенности в этом с каждым днем становилось почему-то все меньше.

Когда она вернулась в комнату, Артем уже крепко спал на боку, сжимая в руке уголок одеяла и тихо посапывая. Она легла на край кровати настолько бесшумно, насколько могла, чтобы вдруг не разбудить мужа, и долго смотрела в черноту полотна, по которому лишь изредка пробегали неровные тени, отбрасываемые светом фар проезжающих мимо машин. Яркие лучи резались о верхушки деревьев, свисающие плафоны фонарей у дороги и линию электропередачи, создавая на потолке интересные силуэты, похожие на мелких животных, быстро бегущих куда-то в угол комнаты, или сложенные в определенную форму руки человека, как делали некоторые мастера шоу такого рода. Но иногда по потолку проносились и настолько пугающие очертания, от которых ей хотелось сильно зажмуриться и поскорее спрятаться под одеялом, хотя она и понимала, что это всего лишь безобидная игра света.

Этой ночью она долго не могла уснуть. Сперва и не пыталась, но, когда глаза устали и сами стали закрываться, в голову начали приходить мысли настолько ужасные, что им место никак не в человеческом разуме, если только этот человек не какой-нибудь писатель-мистик.

Но она все же уснула, сама того не заметив.

Ночью ей снилось, как она говорит с Высоковым. Точнее он с ней говорит, а у нее не было возможности что-либо сказать, будто бы ее губы были намертво склеены. Она пыталась возразить, сказать, что совсем ни при чем, что ее не касаются проблемы этого места, этой лечебницы и всех, кто в ней находится, кроме ее отца. Но не могла. Вместо слов от нее исходили только непонятные мычания. А он все говорил и говорил. Мягко, но уверенно. Говорил, что она должна выполнить то, для чего

находится здесь, что иного выхода нет. Что все зависит от нее и от ее выбора, который должен быть только таковым. Сама ситуация выглядела не настолько пугающей, насколько ощущение безысходности и отсутствия возможности решать самостоятельно. Ей оставалось лишь принять свой рок, пусть и со слезами, которые мешали дышать. Она начала задыхаться. Понимая, что воздуха больше нет, стала извиваться в попытках высвободиться, но заметила, что также связана по рукам и ногам. Абсолютно бессильна и находится в безраздельной власти ужасного человека. Или он не человек вовсе?

Кошмарный сон длился бесконечно долго. В его следующем акте лицо доктора Высокова внезапно стало приобретать совсем иные очертания и вид. Его глазницы стали пустыми, а широко открытый рот, вместе с гулками, утопающими в бесконечном эхо словами, стал изрыгать чернь и пустоту, заполняющую все помещение, плотно лежащую на ее оголенные ноги и подбирающуюся все ближе и ближе к ее лицу, карабкаясь словно змея по гладкой коже жертвы. Эта дыра демонстрировала всю глубину бездны, словно самого жуткого и глубокого озера в темной ночи. Доктор, или то, во что он превратился, подходил все ближе и утробно говорил на другом языке, умоляя выполнить порученное ей задание. Звук его голоса проникал в ее сознание с болью, разлетаясь по венам раскаленным ядом, заставляя мучиться в невыносимой агонии без единого шанса все это остановить. Голос, буквы, слова... В какой-то момент Юлия поняла, что слышит суть каждого слова, хотя до этого ей казалось, что ничего из услышанного ею не имеет никакого смысла, кроме причинения боли. Но она понимала настолько четко, будто бы тьма впиталась в ее тело и она стала единым целым с говорившим, с этим звуком, с самим доктором. Когда тьма слилась с ней полностью, все звуки стали вырываться будто бы не из пасти, некогда принадлежащей доктору, а откуда-то из глубин. Из нее самой.

На пике этого сна, когда за окном едва занялась заря, она проснулась. Резко поднявшись с постели, она чувствовала струйки холодного пота, стекавшие по ее лицу и груди. Ее дыхание было частым и прерывистым. В комнате уже было достаточно светло и все тени рассеялись. Вместе за ними уходили и фрагменты первой части сна, увиденного ею впервые с того дня, когда она в последний раз спала в палате лечебницы. Все ощущения второй, более жуткой части сна, обволакивали ее даже в состоянии бодрствования. Это чувство безысходности и невыносимого душевного страдания осталось неизменным, лишь покрылось тонкой пленкой реальности начала нового дня.

Глава 9. Жуткая правда

Спала Юля, по всей видимости, не крепко, иначе вряд ли проснулась бы в такую рань даже несмотря на страшный сон. Она поднялась с постели так же тихо, как и ложилась вчера. Убедившись, что не разбудила мужа, тихонько пошла в ванную комнату, сняла взмокшую от пота ночную рубашку, сразу бросив ее в корзину, и приняла холодный душ. Под освежающими струями воды она то и дело вздрагивала, но едва ли от холода; он заботил ее гораздо меньше, чем фрагменты сна, застывшие в памяти и ударявшие в сознание всякий раз, когда приходилось зажиматься, пряча глаза от холодных потоков из распылителя на стене. Но кошмар постепенно рассеялся. К ней вернулась бодрость и свежие мысли, пускай и во вчерашнем облиии.

К счастью, кофемашина, по стандарту будничных дней и предварительно заданным параметрам автоматизации, приготовила свежую порцию кофе к шести утра и ласково запищала, когда девушка проходила через кухню в спальню. Любимый горячий напиток после холодного бодрящего душа — самое то для старта в ежедневной гонке на выживание, в которой хочется если не выиграть, то хотя бы не свихнуться по пути.

Сделав несколько достаточно жадных, обжигающих язык глотков кофе, Юля, стараясь не разбудить Артема, пробралась в комнату, выудила из шкафа свежее нижнее белье, футболку, кофту с джинсами и оделась. Наблюдая за спящим мужем, она подумала, но не хорошо вот так без объяснений в очередной раз исчезать, в особенности, если накануне этого засыпала у него под боком в их общей постели. Решила написать записку, что не очень хорошо себя чувствует и вышла на прогулку, подышать прохладным воздухом и настроиться на предстоящий день. Хотя реальной ее целью является сейчас же вернуться за книгой и начать читать. Ее переполняет желание узнать, для чего и о чем главврач психиатрической лечебницы мог написать книгу, наверняка до самой своей смерти пряча ее от посторонних глаз. Ей безумно хотелось это выяснить. Только не до конца понятно, лишь ее это желание, или навеянное кем-то или чем-то иным. По ощущениям, как нередко подмечала сама Юля, словно некая невидимая сила влечет ее к себе, заставляя снова и снова приходить туда, находя все новые смыслы и причины подчинить девушку своей воле.

Квартиру она покинула в начале седьмого часа поутру. Редкие дворники уже начали свою работу, размахивая метлами у тротуаров. К счастью, таксисты также были на своих местах.

Молодой парень, щуплый, светловолосый, лет двадцати двух с виду, стоял около машины и, упершись локтями в крышу, неторопливо крутил в руке провод от шашки с черным рисунком кубиков, расположенных в шахматном порядке. Юля остановилась в нескольких метрах от него и наблюдала, пытаясь понять, хочет ли ехать именно с этим человеком. Хотя ее выбор уже давно был сделан — другого, более подходящего водителя, на свой взгляд и из соображений собственной безопасности, она не присмотрела. Парень, закончив свои дела, неприкрыто зевнул, достал через опущенное стекло бумажный стаканчик, видимо, с кофе, и стал лениво потягивать уже остывший напиток, озираясь по сторонам в ожидании первого пассажира. Тут-то он и заметил приближающуюся к нему девушку. Они встретились взглядами. Все еще угрюмого и зевающего, хмурающегося в лучах восходящего солнца, лицо молодого человека выглядело гораздо более старшим, чем было на самом деле.

— Доброе утро, — первой начала Юля.

— И вам добрейшего, — ответил парень, видя, как она подходит к нему. — Куда поедем?

— К... — только и произнесла она, громко выдохнув.

Эти несколько секунд после вопроса ей показались вечностью из-за создавшейся неловкой ситуации. Со стороны выглядело, будто бы девушка забыла, куда направляется. Она знала, что снова придется называть тот же адрес и готовилась к этому, несколько раз мысленно проговаривая нужные слова, но почему-то произнести их вслух вышло не с первого раза. Их подавил ком в горле. «Странно, — подумала она, — и так нелепо...»

— К Вирнаковской бывшей психиатрической, — со второй попытки ей удалось произнести адрес.

— Вас там... ждут? — недоверчиво спросил парень, будто бы этот вопрос его взбодрил.

— Да. То есть нет, — проямлила Юля. Но, понимая, что наговорила бессмыслицы, следом попыталась исправить ситуацию, собравшись с мыслями и повесив на лицо легкую улыбку: — В смысле, меня там нужно будет подождать немного. В общем, если хотите, у вас будет время, чтобы чуточку поспать.

Она видела, каким взглядом парень посмотрел на нее. Раннее утро. Девушка с взлохмаченными волосами и свисающей на пояске рукой около груди. На плечи небрежно накинута легкая куртка. Нет, она не выглядит неопрятно, и водитель задается не вопросом о том, есть ли у нее деньги на проезд. Он думает, не попадет ли в беду, отвезя сомнительного внешнего вида девушку в не менее сомнительное место, затерянное в глуши.

По его оценивающему, озадаченному взгляду и приоткрытому

рту она поняла — он подбирает слова, чтобы что-то ответить и наверняка отказать. Но ей нужно поехать. Именно сейчас. Больше нельзя терять время. Она оборвала его на полуслове, используя свой единственный, пусть и достаточно слабый, но все еще действенный козырь, дополняя вышесказанное:

— За простой я, конечно же, заплачу по двойному счетчику.

— Вы рискуете стать моим любимым клиентом! — после секундной заминки ответил парень, тут же переменившись в лице. Он расплылся в улыбке и открыл перед ней дверцу пассажирского сиденья. — Если это не последняя ваша поездка в таком духе...

Юля села в салон автомобиля ничего не ответив. Она услышала веселый смешок парня перед тем, как тот запрыгнул в машину и провернул ключ в замке зажигания. Спустя несколько мгновений двигатель зарычал и экипаж тронулся с места...

Снова этот путь. Эти улицы. Эта лечебница.

В очередной раз поддавшись этой уловке разума и вернувшись к месту своего недавнего заточения, Юля ощущала, будто бы зашла в густой крапивник: каждое ее движение больно жжется, но цель, находящаяся на вершине этого поросшего жгучей травой холма, уже настолько близка, что вернуться назад по тому же пути, претерпевая новую боль, было бы самой что ни на есть глупостью. Расстояние до цели равно обратному пути, по которому она смогла бы выйти из этих зарослей, потому, чтобы все было не напрасно, ей остается лишь сцепить зубы и идти вперед, а там будь что будет. Именно этими мыслями она руководствовалась как в начале всей этой своей затеи, так и сейчас.

Попросив остановить машину напротив того места, где спрятана книга, она вышла из машины и торопливо забралась вглубь лесной чащи, где разгребла траву, набросанную на потертую кожаную обложку. Вновь увидев ее, она несколько минут не осмеливалась протянуть к ней руку, словно сомневалась, стоит ли вообще к ней прикасаться снова. Снова зачем-то взвешивая все «за» и «против», хотя решение давно принято. «Это переломный момент, — мысленно произнесла она. — Я должна. Мне нужно».

— Вы пишете книгу, а сюда приезжаете, чтобы вдохновляться руинами и бывальыми историями о мистических событиях, связанных с этим местом? — видя, как девушка выходит на дорогу с толстой книгой на сгибе локтя, спросил парень, опуская боковое стекло.

Юля бросила на него быстрый взгляд и молча прошла мимо, но потом остановилась.

— Вы что-то знаете о событиях, происходивших здесь?

— Конечно знаю! — отвечал он. — О них все уроженцы Вирнаково знают, а у меня здесь бабушка живет. Она рассказывала мне еще в детстве о том, что было еще до возведения психушки на этом месте. Точнее, что именно там было никто и не знал, но что происходило из-за них в поселке...

Юля опустила взгляд на книгу, покрепче прижала ее к себе и, решив подыграть, сказала:

— Да, я как раз об этом пишу. Расскажите поподробнее все, что знаете об этом месте?

— Я так понимаю, что мне все же поспать, пока жду вашего возвращения, не удастся.

Парень все так же оценивающе смотрел на девушку, стоявшую перед ним посреди глуши ранним утром. Этот взгляд немного испугал Юлю, но не настолько, чтобы прекратить начатое и отказаться от своей просьбы. К тому же, парень слишком молод и кажется достаточно разумным и адекватным для того, чтобы захотеть воспользоваться девушкой старше него и с, по-видимому, сломанной рукой — на ней он останавливал свой взгляд чаще всего, — пускай и в таких идеальных условиях, где никто и ничто не помешает ему сделать с бедолагой все, что заблагорассудится.

— Уж простите, но мне действительно это очень важно! Пожалуйста... — повысив тональность голоса, вновь попросила Юля. А помедлив пару секунд, встретившись с понимающими глазами таксиста и понимая, что тот после таких слов точно не откажет ей в добротной истории на реальных событиях, добавила: — Правда, мне именно этого и не хватает сейчас для полноты картины, чтобы заполнить сюжетные дыры. И я так рада, что мне попался знающий человек! Никто не хочет рассказывать эту историю. Все чего-то боятся...

Она даже не пыталась называть его на «ты», хотя и видела, что парень на несколько лет младше ее самой. Ей не очень хотелось сблизиться. В этом случае наверняка пришлось бы говорить свое имя, которое и без того у всех на слуху. «Единственная девушка, выжившая в пожаре столетия!» Хотя бы в лицо ее еще не каждый второй узнает, и на этом спасибо!

Его тяжелый вздох и тихое отбивание костяшками пальцев неизвестного ей ритма по дверце машины говорили о согласии, но ему, прежде чем начать, потребовалось какое-то время, чтобы собраться с мыслями. Юля села на траву напротив него, подперев голову ладонью, и приготовилась внимательно слушать.

Парень как на духу выложил ей большую часть того, о чем около четырнадцати лет назад говорила ему бабушка в ответ на

просьбы рассказать сказку на ночь, пусть и в достаточно сжатой форме:

— Раньше поселок назывался иначе. Не знаю, связано это было с плодородием земли или с чем-то другим, но его называли «Колоски». Не было тогда даже официальной документации, в которой названия городов утверждали бы и вписывали как таковые. Было... Знаете, чем славится место, так его и называют.

— Да-да, — тихонько подтвердила Юля, соглашаясь со словами парня.

— Вот. Видимо, уже потом, отождествляя надежду и веру жителей на возвращение их родных домой, поселок назвали Вирнаково.

Юля не думала, что настолько заинтересуется его историей, хотя он только начал и настроился, вероятно, рассказать все в мелких деталях. Он захватил все ее внимание. Она в последний раз задала вопрос «на возвращение?», выказывая свою вовлеченность, и больше до конца истории не проронила ни слова, кроме тихих «ох» и «ничего себе».

Парень продолжил:

— Бабушка рассказывала, что к ним регулярно приезжали мужчины отсюда и забирали по одному человеку. Не объясняли, для чего и почему. Просто выбирали одного и увозили. И больше о их судьбе никто ничего не слышал. Но было несколько очень странных и не поддающихся логике и какому-либо объяснению случаев. Спустя год или два, среди тех людей, в очередной раз приезжавших за очередным несчастным, местные жители узнавали своих близких, но выглядевших совсем иначе. Помолодевшими, крепкими, но какими-то бездушными... Словно пустая оболочка, лишенная доброты, любви, сострадания, привязанности и всего того, что зовется человечностью.

Парень замолчал. На какое-то время повисла гнетущая тишина. Только ветер шумел вокруг. Ни пения птиц, ни игры сверчков не было слышно вокруг, будто бы окружающая их природа замерла, тоже слушая историю.

— Что было дальше? — нетерпеливо спросила Юля.

Парень тяжело вздохнул.

— Знаете, мне ведь тогда было всего шесть лет, когда я услышал эту историю впервые. Мне она казалась обычной страшилкой для детей. Страшной не словами, а сутью. Все нутро она пронизывала, стоило только задуматься, каково это было. И сейчас... — Он замолчал, устремляя взгляд куда-то вдаль, далеко через стальную ограду бывшей лечебницы. — Сейчас все только наполовину кажется правдой. Но... Как знать. Тогда еще не было лечебницы, но люди знали, что по ту сторону леса есть кто-то,

кому нужны... Не знаю, они не называли ни причины, ни конкретных критерий, по которым отбирали тех, кого хотели забрать. Жертвы были будто бы случайными, понимаете? И пожаловаться на такое самоуправство они никому не могли, потому как те говорили, что оказывают им услугу, избавляя их от бесполезных ни на что не годных... Да, они потом стали забирать стариков. Не трогали молодых, а только стариков... Говорили, что вполне могли бы забирать и молодых, даже детей, но понимают, насколько жаль расставаться с родными... Да что они могли понимать, сволочи! Простым людям, не имея возможности дать отпор, приходилось с этим мириться. Сперва они приходили неожиданно, но со временем эти набеги стали систематическими. Вроде бы, насколько я помню со слов бабушки, они приходили каждые двадцать девять дней. Это даже связывали с полнолунием. Стали заранее говорить, кого будут забирать, или договаривались на следующий раз, давая людям возможность попрощаться с родными, которых больше никогда не увидят. Точно уже не помню. Никто не знает, что там с ними происходило, и те, кто ушел, больше никогда не возвращались домой. Но те лица... Я уже говорил. Не знаю, правда это или вымысел — никто не знает, — но, если верить словам, потом стали приходить те, кого ранее забирали, чтобы брать новых. Кошмар какой-то...

— Как интересно и одновременно жутко! — тихим голосом проговорила Юлия. — Неужели все действительно могло быть именно так? Ужас какой! — Хотя изначально она собиралась очень нелестно выразиться по поводу всего этого, решила все же ответить с ноткой сугубо познавательного интереса, так как позиционировала себя в глазах этого парня именно как писатель, собирающий информацию и легенды этой местности.

— Да, и правда жутко. Даже не представляю... Кстати, а почему вы не записываете? — спросил парень между делом.

— Ой, — не ожидая вопроса в лоб, смутилась Юлия, но все же нашла способ выкрутиться из ситуации: — Я заслушалась, да и вообще, просто поражена этой историей! А так-то я запоминаю, чтобы потом изложить все своими словами. Авторский стиль и все такое, понимаете ли...

Парень пожал плечами и спустя полминуты тишины продолжил, рассказывая о времени, когда набеги прекратились, плавно подводя повествование к началу двухтысячных годов.

— ...а знаете, — воодушевленно, практически пропел он, — я не возьму с вас денег за простой!

— Ну что вы, я же отняла у вас столько времени...

— Я очень рад помочь. Сначала, скажу честно, вы мне

показались немного чужаковатой, но теперь вы мне даже нравитесь! Честно вам говорю, мне просто приятно помочь. Денег ведь накапало здесь немало, пока я тут лялякаю, а вам еще ведь нужно все это по свежей памяти записать. Честно, я просто не посмею столько... — Он взглянул на счетчик. — Нет, вам лучше и не знать той суммы, что он насчитал за это время. Мне в удовольствие. Отдыхаю. Так что, вы идите, занимайтесь своим очень важным делом, а я займусь своим — посплю часок-другой. Вам ведь хватит этого времени, чтобы все красиво оформить? — спросил он, не требуя ответа. — Я в любом случае сделал бы это. А после я отвезу вас домой. Договорились?

Юля от радости подскочила с места словно на пружинах, и чуть было не бросилась на парня, чтобы расцеловать, переполняясь очень странной и неожиданной добротой к обычному постороннему и совсем незнакомому ей человеку — настолько редко ей встречались отзывчивые и бескорыстные люди на своем жизненном пути, — но сдержала свои эмоции. Решила все-таки не разжигать его уже, по всей видимости, разогретые к ней мужские чувства; мало ли, что ему в голову стукнет. Она с теплой улыбкой на лице поблагодарила парня и, все так же крепко сжимая тяжелую рукопись в своих объятиях, помчалась к прорехе в ограждении, ведущей на территорию лечебницы.

Глава 10. Набеги

Изначально Юля не планировала забираться слишком далеко, чтобы читать книгу. Она лишь хотела спрятаться подальше от посторонних глаз, в частности глаз этого паренька-таксиста. Он думает, что она пишет, а не читает. И правду ему знать вовсе не обязательно.

Заходя в заросли, за которыми выломаны два прута в ограждении, она обернулась, убеждаясь, что скрылась из поля зрения, и, постелив куртку на траву, уселась на нее. Она горела желанием открыть книгу еще в тот момент, откапывая ее из-под влажной, холодной травы, покрытой росой, и едва удержалась, чтобы не сделать этого. Но сейчас, держа ее в руках, удобно расположившись на земле, Юле что-то мешало. Морально. Почему-то ей захотелось быть еще ближе к месту событий, о которых, по ее ощущениям или ожиданиям, начнется повествование с самых первых страниц рукописи.

Это желание, находясь уже так близко, пересилить не удалось, потому она все же забралась внутрь, обошла руины и села под остатки стены, упершись спиной в еще холодные после прохладной предосенней ночи кирпичи.

— Вот теперь то что надо! — довольно проговорила Юля и перевернула переплетную крышку книги.

На первой странице она увидела старые письма, написанные чернилами от руки очень размашистым почерком. «Точно врачебный почерк, — подумала она — Что тогда, что сейчас — ничего в этом мире не меняется». В самом низу страницы, в углу, притаилось имя автора — Димитрий «Высший». Написано не менее амбициозно и резко, к тому же дважды обведено для придания линиям толщины.

— О чем же ты думал, уважаемый Димитрий Высший? — шепотом проговорила Юля, не заметив, как с губ сорвалось слово, которое, она была уверена, никогда в жизни не произнесет в здравом уме.

Она пыталась представить, как он сидит за столом в полумраке — в свете лампы или свечи — перед развернутым фолиантом и заполняет пустые страницы. Как он думает о содержании книги. Будущем содержании. Для чего он ее пишет, какому читателю адресует эти строки? Какой посыл для мира она будет нести? И ответы на большинство этих вопросов находятся на этой странице. Первой странице.

Ее переполняет интерес, будто бы она находится не на заброшенной территории, где недавно произошел страшный

пожар, унесший добрую сотню жизней, а в читальном зале своей родной библиотеки в центре Канорска. Странное окрыляющее чувство обволокло ее, накрыло с головой.

«Я, Димитрий «Высший», говорю с тобой — читателем — от лица всего, что наполняет мой мир. Лица всего, что наполнит и твой мир. Я пишу историю. Я создаю историю руками своего хозяина, властелина, вершителя судеб, дающего жизнь и отбирающего ее по своей воле, ибо воля его велика. И вопреки всем несогласным, страждущим да насытят его дух и восстанут из небытия, из мира забвения, ради служения и восхваления, возвышая своего владыку над слабым миром живых и мертвых».

Рядом с именем, более мелко значилась дата написания этого текста. Август тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года.

«Твою ж мать! — сорвалось ругательство с губ девушки, когда она увидела дату и сложила в голове временную шкалу жизни доктора Высокова. Того, кем он был, и того, кем он стал сквозь года. Высокого, крепко сложенного мужчину с седоватой бородой и странноватой прической. Его манеру говорить, одеваться и все прочее. — Каких же ты метаморфоз претерпел, доктор? Нет, ну правда, такое бывает?»

В ответ ей только ветер мягко лизал листья на деревьях, создавая шуршание, словно она посреди леса в дикой природе. Да и какого ответа она могла ожидать? И не видя того, что успела повидать, конечно же, никогда не поверила бы в достоверность написанного, приняв его за вымысел сумасшедшего. Но такова реальность, и Юлия хорошо это понимала.

Солнце уже достаточно высоко поднялось над линией горизонта, которой теперь были деревья. Ничего другого, если оглядеться, в поле зрения не попадало. День в полном разгаре. В пору было бы задуматься, включая здравый смысл: «Что я здесь вообще делаю? Не нашлось более подходящего места для чтения старинной рукописи?» Но желание читать дальше пересилило все голоса разума. И она перевернула страницу.

«Мой хозяин говорит со мной на своем языке, которого не поймет ни один смертный, если не присягнет ему на верность до конца своих дней, счету которым не будет. Перенести его слова на бумагу невозможно. Я слышу его внутри себя. Потому и говорить в этих писаниях я буду о его деяниях моими руками, но своим языком. Я верю, что письма мои станут путеводителем, начиная со времен зарождения его правления и заканчивая его коронацией, сулящей конец этому миру и становлению нового, совершенного мира. Верю, что мой владыка в скором времени станет лучшим, единственным и полноправным хозяином этого мира, подчинив себе все королевства. Я во главе с ним обуздаю всех непокорных и

вознесу хозяина на его заслуженный престол, дабы править землями и государствами. Все, до чего дотянется моя рука, будет принадлежать ему. Каждый преклонит колени и ощутит силу хозяина, а он за преданность воздаст им сполна, преподнеся бессмертие в знак благодарности и силу в знак сплоченности. Не останется никого, кто не познает его величия и правоты его правления.

О'Тул да Рьях ме Схаа Шемира, ты моя вечность. Ты непоколебим и твоя сила неисчерпаема!

Да зародится династия бессмертных, и я проведу ее в вечность рядом с тобой!»

На следующей странице мысли были уже более современного человека. Не слишком, но все же ей воспринимать их было намного легче. Оно и не удивительно, так как подпись «ДВ 1928» говорила о большом скачке во времени — свыше шестидесяти лет. Если бы не сила О'Шемиры, дарующая бессмертие, во что по-прежнему поверить было невероятно сложно, то Высоков должен был быть уже сгорбившимся стариком, едва способным на то, чтобы держать в руке перо. В том случае, конечно же, если начал писать эту книгу уже будучи зрелым, взрослым мужчиной. Но почерк, полностью совпадавший в том, что был на первой странице рукописи, несомненно доказывал — написал все это один и тот же человек, причем крепкой, не дрожащей рукой.

Дальше все описывалось не менее интересно, хотя и достаточно устрашающе, осознавая всю реальность изложенных событий. Несмотря на немалый временной промежуток между началом написания книги и второй страницей, в ней четко прослеживалась хронология и последовательность событий, но с некоторыми упущениями и большими интервалами. Видимо, доктор, пускай тогда еще он еще не являлся таковым, записывал только самые знаменательные времена, дающие ощутимые толчки в продвижении их совместной с его хозяином кампании по порабощению Земли.

Юля ухмылялась, прокручивая в голове все эти мысли. Ей — человеку, знающему, что у известного ей мира никогда еще не было одного единственного правителя, — сложно было осознать масштабы и амбиции существа, которого она видела в подвале лечебницы. Ей крайне сложно было вообразить возможным то, о чем говорил доктор. Она не оскорбляла, не ругала его за подобный образ жизни. Наверное, все дело в том, что не до конца воспринимала его письма как опус реального. Какая-то часть ее сознания все равно рассматривала данное творение из чернил и бумаги как нечто художественное и почему-то не относящееся к реальному миру. Такова была именно ее правда, потому принять

иную казалось практически невозможным. Вот только продолжение истории, плавно увлекая ее в судьбы вершителей того, давно ушедшего мира, заставляло ее с каждой новой страницей все больше вникать и доверяться правдивости написанных строк.

Не приходилось ей визуализировать в воображении все прочитанное, с большим трудом вычитывая смысл среди размашистых линий, написанных жутко неразборчивым почерком, она успела бы прочесть намного больше. А сейчас она переворачивала лист с обозначением пятой и шестой страниц книги, вновь погружаясь в глубину повествования.

«Я горд, что по истечении лет мой хозяин не отдал своего предпочтения кому-либо другому, оставляя для меня важнейшую миссию по увеличению численности его подданных.

Его знания человечества были довольно скупы, в отличие от моих. Ввиду этого способы решения главной задачи были возложены на мои плечи. Я рассказывал ему как о всех подвигах, совершаемых мною при поиске последователей, так и о неудачах, постигаемых меня в этом нелегком деле.

Когда я рассказал ему о поселении, расположившемся неподалеку его владений, он поставил передо мной задачу прийти туда и изъять из него столько людей, сколько я со своими сподручными смогу увезти на лошадях.

Я смотрел на этих людей. Видел, кто они. Замечал их ценности. Они все были разными: разные желания, стремления, сила духа и, что самое главное — разный возраст. Люди преклонного возраста более рьяно защищали свои интересы, нежели молодые и дети. Детей было много. Все они жили семьями, сплоченно. Я выискивал то, что мне нужно, брал это и не стыдился своих решений во имя владыки. Но столкнулся с сопротивлением. Местные жители воспротивились, не захотели отдавать своих людей. Мне пришлось погубить немало жизней, чтобы забрать лишь нескольких. Большого труда стоило мне и самому уйти живым, но задача была выполнена.

Поведав о сложившейся ситуации О'Шемире, рассказав ему о жертвах, о всех погибших той лунной ночью, я был наказан болью. Он истязал меня своей силой и внушал, что в случившемся лишь моя вина. Все, кто умер, должны были стать его пищей или его наследием. А теперь, из-за моей оплошности, их не стало. Я с ним согласен. Но он проявил милосердие, позволив мне исправить положение. Нет, утраченного не вернуть, но теперь я должен был привести ему больше людей, а права на подобную ошибку у меня больше не имелось.

Владыка не понимает. Я не виню его за то, что он не знает

сущности людей, не понимает их привязанности к своим близким. Он не видывал их воинственности, когда кто-либо пытается отнять у них родного человека. Я был вынужден сменить подход. Мне нужно было действовать иначе. Заставить людей отдавать. Отдавать самих вместо того, чтобы приходить и силой отнимать.

Я долго размышлял над этим. Вскоре я пришел к хозяину и рассказал о своем плане, способном изменить все в своей сути. Я нашел тот самый способ, при помощи которого можно заставить обернуть смерть в глазах тех отчаявшихся в созидание. Я вернулся к нему с хорошими новостями и серьезными намерениями исправить свою ошибку.

— Владыка, — обратился к нему я, — есть решение. Я отыскал способ подчинить их твоей воле.

— Говори, — ответил мне он голосом, отразившимся в моей голове.

Никто, кроме меня самого, не слышал его голоса. Я слышал его лишь в сознании.

— Люди любят своих людей. Они способны на все, только бы уберечь себя и близких от любой напасти. Я знаю это и понимаю только потому, что сам некогда был обычным человеком, Владыка. Твоя сила, которой ты меня наделил, изменила меня, но не лишила понимания.

— Говори, — еще более гулким, пронизывающим мой разум насквозь голосом, вторил хозяин.

Он не желал ждать, а я не осмеливался томить его ожиданием, потому я продолжил:

— Люди боятся смерти. Любой обычный человек боится смерти. Когда мы забираем у них людей, они думают, что отдают их на верную смерть, потому готовы на что угодно, чтобы защитить себя и близких. Но что, если тот, кого ты взял, кого обратил и вознаградил даром вечной молодости, придет и взглянет в глаза своим прежним приближенным? Тогда они поймут, что покинувший их — жив, молод и силен. Их глаза воспламят радостью, счастьем за своего человека и согласятся на наши условия — отдавать ради вечности.

— Мой отец не давал указаний о том, — говорил хозяин, — каким образом хочет получить последователей. Ты мудр, мой верный друг. Я верю тебе.

Я горячо поблагодарил владыку за его доброту и рассказал об остальной части своего плана.

— Кто способен показать мой дар этим людям? — спросил он у меня. И я отвечал:

— Лишь один из новых последователей, получивших твое

преподнесение, готов выполнить поручение. Он всецело отдал свои душу и тело служению тебе, Владыка. Это мужчина средних лет. В лице человека он выглядит старше меня вдвое. Его защищали лучшие всего.

— Значит, всего один. Они любят своих людей. Но они не знают того, что знаю я, а потому не представляют, какой дар я преподнесу каждому из них, стоит лишь отдать мне свои тела и покориться разумом.

— Ты прав, Владыка, — отвечал я. — И как же мы поступим? Мы должны показать твою силу. Если мы придем лишь чтобы отнять, то они могут ополчиться на нас, а наша численность еще слишком мала.

Я боялся. Указывать хозяину на то, как поступать, я не осмеливался, но хорошо понимал, что мои знания, мой опыт человека — только они способны облегчить сбор и привести к быстрому росту, к набору его силы, к скорейшему осуществлению его планов. наших планов. Я старался быть тактичным, преподнеся ему свою идею, но позволив ему самому принимать окончательное решение. И он принял верное, лучшее из возможных. Он понимал меня как никто другой. Он строгий, но справедливый правитель. Он достоин величия.

— Скажи мне, друг мой, — начал он, — какова средняя длительность жизни человека без моего вмешательства?

— Не более ста лет, Владыка.

Долгое время я стоял недвижимым в ожидании ответа хозяина. Он размышлял и не говорил со мной. Когда он наконец решил, сказал мне следующее:

— Жди, когда моя власть над этим человеком окрепнет, когда он будет всецело служить мне и в полной мере оцутит на себе действие моего дара, вернув молодость и силу своему телу. Только тогда вы уже вместе с ним вернетесь туда, дабы сообщить этим людям мои слова. И ты скажешь им от моего имени: так или иначе вы будете через равные промежутки времени отдавать нам одного из вас. Ваша привязанность к вашим людям мешает мне в осуществлении моего великого плана. Но вы будете отдавать, желаете вы этого или нет. Для меня нет никакой разницы, кого именно забирать, ведь за верность я дарую ему бессмертие, и он будет править этот мир для меня своими руками. Живой пример вам для понимания — ваш давно ушедший человек. Узрите, внимайте, ибо он лучшая версия себя прежнего. Он — будущее. Он — воплощение моей силы и моей воли.

— Да, Владыка, — ответил я, почтительно склонившись перед его мудростью. Но он еще не закончил говорить.

— И когда они увидят его нового, когда поймут мою силу, ты

поведаешь им главную часть плана, передав им мои следующие слова: посему, лучшим и единственным способом не погибнуть от моих рук является решение самостоятельное, кому именно вы доверите честь служить моему властелину. Вы примете решение, кто достоин вечности. Любой человек, млад он или стар, облачится величием и силой, вернув прежний облик начиная с того самого дня и на века. Только вам решать, кто будет великим. Но решить нужно обязательно. На следующий день после каждого восхождения полной луны я буду приходить к вам, и вы сами вверите мне того из вас, кому мой властелин преподнесет свой подарок вечности. А сейчас, в назидание и как пищу для размышлений, а также во избежание повторения вашей глупости, я выберу одного из вас лично. Выберу и увезу. И когда вы усмирите свою гордыню, делать выбор мне больше никогда не придется!

Глубоким поклоном я поблагодарил хозяина за вверенную мне ответственность, за его доброту и мудрость. Он отпустил меня, и я принялся размышлять о предстоящем походе, ожидая прихода силы к тому избранному нами мессии, что заставит людей изменить своим убеждениям.

Юля дочитала до последней строки перед отметкой даты, что говорила о завершении главы книги, если это можно так назвать. Окончание датировано восьмью годами после начала написания — «ДВ 1936».

«Ты писал эту главу восемь лет? — думала она. — Нет, ну я понимаю, что она немаленькая, но почему так долго? Вскоре пришел к хозяину, говоришь? Такое себе у тебя понимание времени. Хотя... В твоём-то случае».

Юля в смешанных чувствах глядела вперед. Следила за колыхающимися ветром деревьями, размышляя о прочитанном. Ее сильно поразила жесткость подхода к решению вопроса о получении новой пищи для О'Шемиры. Да, она понимала, что каждым из тех людей, так или иначе, этот монстр будет безжалостно питаться, вытягивая из бедолаги жизненные силы. Но также понимала, что лишь единицы избранных, возможно, испытают на себе благосклонность и получают тот самый дар, то преподнесение вечности, о котором говорилось в книге. Ей стало очень жаль всех тех людей. Она сопоставляла рассказ таксиста об этом времени с прочитанным и пыталась понять весь тот ужас. Самое страшное, что все они в итоге стали безмозглыми существами, безвольно бродящими по кругу в запертой темной комнате этой самой психиатрической лечебницы. Никакого величия сквозь года Юля не заметила. Лишь зомби и уныние. Что-то явно пошло не по плану.

Также она очень поразилась той самоотверженности и

скрупулезности Дмитрия Высокова, точнее говоря Димитрия «Высшего», с которыми он выполнял все поручения своего владыки. Последнее слово она мысленно произнесла по слогам, словно оно значит гораздо больше, чем должно в понимании обычного человека. Или же потому, что сама в какой-то мере все еще осталась привязана к нему, пускай эта связь изрядно ослабела к этому времени или просто приобрела иную форму.

Она хочет читать дальше, но понимает, что за книгой, читая достаточно неразборчивый текст, провела порядка полутора часов, а испытывать доброту паренька, что ждет ее у ворот, ей не хотелось. Было бы очень неприятно, если бы он проснулся, а ее не оказалось рядом, готовой ехать домой. «Вдруг он уже уехал?» — спохватилась она, зажав между страницами книги свой палец, чтобы не потерять место, на котором остановилась, и поднялась, выглядывая из-за обломков стен, выискивая взглядом точку, с которой смогла бы увидеть, стоит ли еще машина у ворот.

Издалека она не могла разобрать, что именно делает парень: опустив подбородок на грудь, смотрит в телефон, листая новостную ленту, или же спит. Потому решила, что на сегодня историй достаточно. К тому же, ей нужно обдумать прочитанное, как и мотивы совершенных в рукописях действий. Данную книгу она не воспринимает как художественное произведение литературы, а именно в формате летописи. Могла бы иначе, если бы у нее была хотя бы одна причина сомневаться в правдивости слов, написанных Димитрием. Слишком все правдоподобно и реалистично.

Она торопливо спустилась на твердую почву и направилась к машине, а встретила ее уже веселая, хотя и по-прежнему сонная улыбка водителя такси.

— Вы уже закончили на сегодня? — спросил он, подавляя зевок. — Я как раз только проснулся, думал уже идти искать вас, не зная, сколько прошло времени, а вы тут как тут!

— Спасибо вам огромное, — снова рассыпалась в благодарностях девушка. — Да, я успела все, что планировала. Теперь можем ехать.

Парень сделал жест рукой, указывающий на предложение занять пассажирское сиденье и отправиться в дорогу, на этот раз не сдерживаясь и растягивая рот в зеве. Юлия захлопнула за собой дверь, пристегнулась и приготовилась ехать.

Половину пути они провели в тишине, после чего парень извинился и предложил послушать музыку, на что Юлия с радостью согласилась.

— Извините, надо было сразу включить, наверное, чтобы прогнать сон. Хотя вы, я посмотрю, очень даже бодрячком! Вы

жаворонок? Всегда так рано встаете?

— Только когда приходит вдохновение, — суховати ответила она. А спустя пару секунд добавила: — Но кофе пришелся бы очень кстати!

— Можем заехать куда-нибудь, выпить по чашечке, — пропел парень, а потом понял, что перегнул палку и извинился: — Простите, это было лишнее.

Юля лишь слабо улыбнулась и отвернулась к окну, сквозь которое виднелся полностью проснувшийся город со всеми его жителями. Мимо них пробежал почтальон, роняя кипу газет на тротуар; немного дальше женщина обрезала цветы около дома во дворе за низким плетеным заборчиком; а на дальней стороне тротуарчика шла группка детей в школу. Именно последнее, увиденное ею, заставило ее спохватиться.

— Черт! — неожиданно взорвалась она, испугав водителя такси, что тот дернул рулем, едва не выскочив на встречную полосу.

— Ну вы даете, дамочка! — на выдохе произнес он обвинительным тоном. — Нельзя же так делать, вам что, жить надоело? Что уже стряслось?

Юля закрыла рот рукой, извиняясь сквозь пальцы:

— Простите, пожалуйста. Я совсем потерялась во времени. Меня муж, наверное, обыскался уже, да и ребенок в школу из-за этой моей безалаберности может опоздать.

Парень грубо сплюнул слюну в открытое окно и тяжело вздохнул.

Она достала из кармана телефон и обнаружила три пропущенных вызова и два сообщения, а сам мобильник еще с ночи был на беззвучном режиме, из-за чего она не слышала ни одного, ни другого.

— Остановите, пожалуйста, здесь. Сколько с меня? — спросила она, стараясь не смотреть парню в глаза. Она помнит его слова о том, что тот не возьмет денег за простой, но сейчас понимает, что, возможно, заставила изменить его решение своим поведением. Парень озвучил сумму, вникать в которую Юля не стала. Положив несколько купюр на приборную панель перед собой, сказала: — Сдачи не нужно. Спасибо вам. Надеюсь, я не доставила вам слишком много неудобств? И еще раз извините за эту вспышку. Со мной такое иногда бывает, понимаете ли... Всегда на своей волне в последнее время.

— Что вы, ничего страшного. Но лучше так больше не делайте... Ну, я вспышки имею в виду! — Он наигранно улыбнулся, переводя взгляд с ее глаз на книгу, которую девушка так крепко прижимала к себе, будто бы набитый деньгами

кошелек на площади в ярмарочный день. — И удачи вам с книгой. Дадите почитать, когда закончите?

Юля снисходительно посмотрела на него и улыбнулась:

— Конечно, — немного заикаясь, ответила она после недолгой паузы, — буду рада.

— Вот моя визитка, если захотите как-нибудь повторить или... или поговорить о сюжете вашей книги. Я уверен, что все-таки мог некоторые моменты упустить, случайно.

В его взгляде было что-то пошлое, но Юля поняла, что он имеет в виду. Он сказал лишь о ранней поездке в странное место для вызова музыки, потому, вытряхнув из головы лишние мысли, она взяла визитку, поблагодарила парня и пошла по тротуару в сторону дома.

На кусочке картона было написано имя и номер телефона. Юля положила карточку в задний карман штанов и постаралась о ней забыть, думая, что та ей никогда не пригодится.

По дороге она позвонила Артему, с трудом удерживая тяжелую книгу травмированной рукой.

— Юля! Где ты? Ты в порядке? — раздалось из динамика буквально через пару секунд после того, как она приложила телефон к уху.

— Прости, что заставила волноваться. Я совсем потеряла счет времени. — Она говорила виноватым голосом, но потом с более сильной интонацией, будто бы найдя способ реабилитироваться, и добавила: — Я же оставила записку, что уйду на прогулку. Чего ты так распереживался? Я, кстати, уже подхожу к дому, через пару минут буду.

На том конце послышался облегченный выдох и слова мужа:

— Юль, извини... Не подумай, что я контролирую тебя. Просто... Просто боюсь, чтобы вдруг не...

— Как Никита? — решила она переменить тему разговора. — Уже позавтракал, собрался?

— Да-а, — протянул он. — Мы еще даже успеем увидеться, если ты через пару минут, говоришь...

— Уже поднимаюсь по лестнице. — С этими словами она положила трубку.

Глава 11. Разрыв

Взбегая по ступенькам, приближаясь к двери их квартиры, она переживала не о том, чем будет объяснять мужу утреннее исчезновение; это беспокоило ее меньше всего. Она в уме перебирала варианты, как будет оправдываться за столь странную книгу, притащенную с прогулки. Как? Откуда и почему? «Если он начнет задавать вопросы, — думала она, — то как на них отвечать?»

Первым и самым отчетливо прорисовавшимся в ее сознании ответом был этот: «Я взяла эту книгу в библиотеке, помнишь, я ездила туда? А сейчас решила почитать на свежем воздухе». «Но как быть, если он спросит, что это за книга? Что, если попросит посмотреть и, листая, увидит подпись и имя автора?» Она очень надеялась, что подобного интереса у него не возникнет. Никогда не возникало, хотя до этого момента никаких старинных книг она домой не приносила. Разные бывали, но в основном все современные и достаточно известных авторов любовных романов; иногда книги в жанре фэнтези. Артем всегда смеялся, когда замечал на обложках ее книг драконов в золотой чешуе, принцесс в длинных бархатистых платьях, слащавых мужчин, держащих в руке меч или рыцарское знамя. Но ни разу не видел у нее книги в старинной кожаной обложке, написанной доктором-психопатом, не так давно пытавшимся, по его мнению, убить ее.

Все эти мысли туманили голову. Она хотела развернуться и убежать, лишь бы не попадаться на глаза тем, кто ее наверняка не поймет, кто будет задавать кучу вопросов. Не потому что интересно знать, а лишь для того, чтобы в итоге покрутить пальцем у виска, показывая ей, какая она дура. А если и нет, то как минимум бросить снисходительный взгляд, пронизанный сожалением и разочарованием. Но ей меньше всего хотелось, чтобы ее жалели.

— А вот и наша мама, — сказал Артем, видя на пороге квартиры жену. — Хорошо, что ты успела вернуться, еще минута и тебе бы в итоге пришлось ждать меня под дверью. Ты же ключи с собой не брала? Мы уже опаздываем.

— Привет мам, а где ты была? — Никита бросился обнимать ее так, словно не видел целую вечность, напрашиваясь на поцелуй в макушку.

— Не брала, да. Не думала, что задержусь. Ты его отвезешь, да? Сынок, я гуляла. Свежий воздух полезен для здоровья. — Она говорила мягко, в одной тональности, переводя взгляд с мужа на ребенка, будто бы адресуя все свои слова сразу им обоим.

— Да. Кофе и яичница на столе. Только уже остывшие. А что это у тебя?

Он опустил взгляд на достаточно грязную книгу в ее руке, от которой теперь ощущался тонкий запах гари. На свежем воздухе, как и в машине с опущенными стеклами, запаха не ощущалось. Даже в тот день, когда Юлия нашла книгу и просматривала рукописные строки, сидя на развалинах бывшего холла лечебницы, ничего не ощутила — настолько была поглощена создаваемой в своей же голове значимостью этой находки.

— Да так... Взяла на работе.

— Ты сейчас ездила в библиотеку? — он сдвинул брови и внимательно посмотрел на нее, потом на книгу и снова на нее.

Она поняла, о чем говорил его вопросительный взгляд, и уже было приготовилась использовать отрепетированный шаблон, но вовремя нашла другой, более разумный способ уклониться от прямого ответа. Обстоятельства как никогда кстати встали на ее сторону:

— Мне кажется, вы уже совсем опаздываете к первому уроку, не так ли? — проговорила она ободряющим голосом, чтобы поторопить события, и опустила взгляд на сына. Никита тут же спохватился, скорчив гримасу удивления вперемешку с испугом, словно актер Маколей Калкин в фильме «Один дома». Схватив Артема за руку, он потащил его по ступенькам вниз, к машине.

Закрыв за мужчинами дверь на замок, она с громким выдохом склонила голову набок, опершись о шкаф, и несколько минут жонглировала всем тем нескромным количеством мыслей, что роились в ее голове с сумасшедшей скоростью: семья, о которой нужно заботиться, хотя больше всего ей хотелось, чтобы позаботились именно о ней, в первую очередь предоставив возможность прекратить отчитываться за свои действия; работа, к которой вскоре придется вернуться, но пусть и дома сидеть ей жутко надоело, возвращаться к бумажной волоките и общению с клиентами ей не хотелось; подруга, задающая слишком много вопросов, что даже из вежливости и переживаний казались ей слишком назойливыми; и в конце концов Аня — младшая глупая сестра, которая почему-то именно сейчас решила не просто якобы взяться за ум, но еще и изрядно подоставать старшую попытками доказать, что в действительности изменилась, будто бы всем не плевать. Все те, кто когда-то переживал о ее состоянии, как физическом, так и моральном, были успешно отвергнуты ею же по причине чересчур завышенной самооценки и эгоцентризма, тесно сплетавшимися с глупостью и жаждой собственного удовлетворения любыми доступными методами. «Все обязаны любить меня, а я никому ничего не должна. Должны лишь мне!»

— Почему просто нельзя оставить меня в покое? — говорила юля. Сперва нашептывая, а повторив эти слова еще несколько раз, вошла во вкус, начиная проговаривать каждое из них с особой выразительностью и паузами между ними, словно пишет их на листе бумаги, разделяя точками вместо пробелов.

Только сейчас, вернувшись в родные пенаты, она ощутила слабость от недостатка сна и усталость. Сложное утро по всем критериям. Сначала жуткое ночное виденье, потом попытки усвоить текст со страниц книги, а вслед за этим еще и взгляд мужа, от которого в грудь больно вонзаются острые иглы непонимания, проникая все глубже. Разговор еще не случился, но его исход ясен изначально. Душа, будто бы зная все наперед, уже набросала эмоций и ощущений от только лишь предстоящего обсуждения результатов ее помешательства на всей этой истории с О'Шемирой, и книгой, и отцом, и лечебницей в целом. Все толстыми слоями стало накладываться одним на другой и нещадно давить что есть силы. Сопротивление бесполезно.

Сжимая пальцы на висках, она пьяной походкой прошла в спальню, бросила книгу на кровать и накрыла покрывалом. Подетски спрятала, только от кого? От мужа, чтобы не лез с расспросами, досаждая нравоучениями, или от себя, чтобы попытаться очистить голову хотя бы от мыслей о прочитанном, если уж все остальные скопом стали беспрестанно атаковать ее голову.

«Может, — все думала она, — давно пора все это выбросить из головы, забыть, как страшный сон, хотя бы попытаться. Игнорировать мысли, не обращать внимания на сны, не терзаться больше виной за содеянное. Мне тысячу раз говорили, что я не виновата, что все это просто происходило вокруг, а я просто оказалась не в том месте и не в то время. Может, и стоит довериться им и попытаться все вернуть, зажить по новой... Но нет же! Это все как наваждение! Я не могу... Не. Могу. Забыть!»

— Мне срочно нужно... черт... — проговаривает она словно в полуобморочном состоянии, затем снимает всю одежду, заходит в ванную комнату и бросает ее в корзину с грязным бельем, оставаясь в одних трусах и с телефоном в руке. Открывает оба крана с горячей и холодной водой, а пока набирается вода, смотрит на себя в зеркало, будто бы выискивая какие-то изменения. Трогает волосы, оттягивает веки и рассматривает белки глаз, испещренные мелкими красными сосудиками, норовившими вот-вот лопнуть, заливая всю глазницу ярко-алой кровью. Уже давно ее глаза на этой тонкой грани. Регулярные слезы, недосыпы и нервы сильно сказываются на самочувствии в целом. Все по-прежнему, если не считать дикой усталости, как

физической, так и моральной. Она хотела закрыть глаза, чтобы дать им немного отдохнуть, пока спасительная вода наполняет ее кокон, в котором она спрячется от всех на ближайший час, а может, и больше.

В руке завибрировал мобильник. На экране высветилось сообщение от Артема. Он говорит, что заедет в магазин за бисквитами и спрашивает, не купить ли ей чего-нибудь. Она отвечает, что не отказалась бы от бутылки вина, и что он знает какое именно. Все запасы этого живительного напитка они выпили тогда с Таней. Отправляет, а через пару секунд вновь открывает диалог и дописывает: «Лучше две».

Ванна уже наполнилась до отверстия слива-перелива на стенке у кромки и начала вытекать. Юлия, перемешивая рукой, попробовала температуру воды и закрутила краны. Сняла последний элемент гардероба и медленно, на дрожащих руках, чтобы не вытеснить на пол волну из без того переполненной емкости, опустилась в слегка горячую воду, закрывая глаза.

— Как же мне этого не хватало... — протянула она.

Она попыталась расслабиться и не заметила, как спустя несколько минут провалилась в глубокий сон.

Очередной достаточно неприятный сон настиг ее и здесь, в этом металлическом сосуде, до краев наполненном водой, слившимся воедино с хрупким женским телом. Что конкретно снилось, по пробуждении Юлия не могла вспомнить, только отвратительные ощущения все той же безысходности. Что-то жуткое из ее прошлого. Единственный эпизод мрачной картинкой отпечатался в воспоминании, будто бы она в больнице, а над ней нависает кто-то похожий на О'Шемиру. Кто-то, как он, только более ужасающий, призрачный, черный и очень холодный. Его прикосновения пронизывали мягкую девичью плоть до костей, въедаясь в глубину, заставляя биться крупной дрожью, больше похожей на конвульсии эпилептического припадка. Кто-то? Нет, она точно знала, что это именно он, но не признавалась в этом даже самой себе.

Юлия открыла глаза в полностью остывшей воде. «Просто холодная вода, а сон уже обрисовал страдания и мучения?» — мысленно спросила она.

Возвращения Артема она не услышала.

Он зашел в спальню, поставил вино на стол, сбросил куртку на спинку стула и сел на кровать, переводя дух. Нашупав рядом с собой выступ под покрывалом, он приподнял его и увидел ту самую книгу, принесенную его женой пару часов назад.

Он бросил быстрый взгляд в направлении кухни, будто бы опасаясь быть застуканным за чем-то непристойным, и взял книгу

в руки. Края кожаной обложки обгорели и пыль с пеплом оставили на голубой постели черный прямоугольник. Он шепотом выругался, адресуя свое негодование жене. Приговаривал, что, как бы ни была важна для нее эта книга, неужели нельзя было подумать перед тем, как класть ее туда, где они спят обнаженные. Закончив свои причитания, он открыл книгу и прочитал первые строки. Не упустил он и имя автора этого произведения.

Он догадался, куда она ездила и где пропадала. Эта книга с большой вероятностью не была собственностью библиотеки, которой владеет его жена. Потрепанная обложка, пыль и запах гари подтверждали его теорию — его жена достала эту книгу на руинах сгоревшей лечебницы. Его глаза налились кровью ярости. Он вдруг ощутил себя обманутым, преданным, брошенным. Он все время старался помочь страждущей жене, но она все отвергла и решила продолжить копаться в прошлом. Он не мог этого простить ни ей, ни себе...

— Я не слышала, как ты вошел, — сказала Юля, вытирая волосы полотенцем и глядя на Артема, стоявшего в проеме двери их спальни. Она еще не совсем отошла ото сна, а тут еще и это — в его взгляде читалось что-то пугающее. — Все в порядке? Ты какой-то...

— Какой? — оборвал он ее на полуслове.

Он старался не отвлекаться на ее полностью обнаженное тело, если не считать тонкой повязки, поддерживающей травмированную руку, и мелькавшего между нею и его глазами большого махрового полотенца с рисунком цветастого попугая. Верил, что запланированная им беседа поможет думать в правильном направлении. Хотя до этого ей частенько удавалось улизнуть от сложных тем при помощи наглого приставания или же демонстрирования ему изгибов своего сногшибательного тела, заставляя самого наброситься на нее в порыве страсти.

Юля смотрела на мужа не отводя взгляда, лишь быстро хлопая ресницами, что не осталось незамеченным Артемом. Это говорило о ее попытке понять, с чего такой резкий переход по отношению к ней: с обходительного и заботливого мужа, до рассерженного и претенциозного, совсем чужого мужчины. То, что Артем был не в духе, Юле также было видно невооруженным глазом.

— Скажи, какой у меня взгляд? — продолжал он, заметив ее нерешительность. Больше всего ему хотелось, чтобы она сама сказала то, что видит в его глазах. Быть может, потому, что был несправедливо предан ею и зол на нее. Все эти недели он всячески старался не напоминать ей ни о случившемся с ней, ни с ее отцом. Он понимал, что все это слишком стремительно

обрушилось на ее голову, а потому справиться с таким очень сложно, хоть в одиночку, хоть при поддержке близких людей. Но ее попытки снова и снова возвращаться к прошлому для него были совершенно непонятны. Какой в этом смысл? Для чего? Нужно учиться жить дальше, вместо того чтобы каждодневно самостоятельно рыть себе все более и более глубокую яму.

— Я вижу, что ты чем-то встревожен.

— А причин для этого нет?

Его вопросы настораживали ее, и она поняла, что он все-таки увидел книгу, но все же продолжала попытки держать, по всей видимости, последнюю линию обороны:

— К чему ты клонишь?

Она повесила полотенце на ручку двери в ванную комнату и сделала несколько шагов к нему навстречу.

— Юля, я понимаю, что тебе сейчас очень нелегко, но эта...

— Книга? — не выдержала она. — Ты говоришь о книге? Что ты хочешь узнать?

Артем смотрел на нее не находясь, что и сказать. Но Юля уже завелась и готова была говорить:

— Значит, ты думаешь... Кстати, где штопор? Ах, вот он. Я сама! Не нужно... — остановила она мужа, когда тот хотел помочь откупорить бутылку.

Одним большим глотком осушив бокал до дна, она налила еще один и, приложив его в щеке, продолжила:

— Ты не хочешь? А зря, выпил бы. В общем, ты открыл книгу. Так. И что ты в ней увидел? Имя, верно?

— Да, имя человека, который, по нашим сведениям, удерживал тебя там.

— Ах, по вашим сведениям. Это с тем, что ли, пухлым идиотом, который решил, что расследовать мое похищение не может, потому интереснее, а главное выгоднее будет повесить на меня поджог этой чертовой психушки?

Артем не понимал, почему она так завелась, а потому и не мог понять, каким образом ему на все это стоит реагировать. Он представлял себе ситуацию совершенно обратную этой. Ранее Юля никогда не вела себя подобным образом в разговоре с ним. «Нервный срыв? Возможно», — думал он, а потому понимал, что винить ее в этом нельзя.

— Мы пытались помочь...

— Мы пытались помочь, — иронично повторила она.

— Да прекрати ты, в конце концов! Что на тебя нашло?

— Что на меня нашло?! — вслед за его вспышкой взорвалась и она. — А по-твоему, ничего не произошло? Я должна сейчас улыбаться во все тридцать два? Или, может, тебе рассказать все

то, что со мной произошло там, пока ты... А чем ты, кстати, занимался в это время?

— Расскажи, — сказал он более мягко, нежели свои предыдущие слова, игнорируя ее колкий вопрос. — Может, тебе просто нужно выговориться. Такое бывает, врач говорил...

— Да пошел он на хрен, врач этот! Ты что, правда ничего не понимаешь?.. Хотя, да... откуда тебе знать.

— Расскажи, — тихо повторил Артем, подходя ближе и ласково заглядывая в ее по-прежнему разъяренные глаза. Он хотел заключить ее в объятия, но понимал, что скорее всего она его сейчас попросту оттолкнет, и в итоге станет лишь хуже. Нельзя разрывать зрительного контакта. Не сейчас. Только не в этот момент.

— Я не читал книгу. Я лишь открыл ее и увидел имя, пробежал глазами по строкам первой страницы и решил, что все же лучше сперва поговорить с тобой.

— О моем сумасшествии? — спросила она, заглядывая ему в глаза.

— Милая, — он попытался приблизиться, но она его оттолкнула.

— Он жив, понимаешь? Он говорит со мной! Зовет меня...

— О чем ты говоришь? Кто говорит с тобой? Высоков погиб в пожаре так же, как и все остальные. Только тебе удалось уцелеть. О чем ты? Ты же видела отчеты полицейских.

Юля отошла от него к раковине, опустошила бокал и с силой бросила его в мойку. Со звоном разбившегося стекла Артем зажмурил глаза, но ничего не стал говорить по этому поводу.

— Ты знаешь, что происходило в Вирнаково до того, как поселок стал называться так?

Артем повернулся к ней, облокотившись на край стола в центре комнаты, зажал рот рукой, вдавив скулы, и покачал головой.

— Высоков писал эту книгу на протяжении долгих лет. Я еще не успела все прочитать. Только начала.

— И о чем в ней пишется?

— Это как... как судовой журнал или летопись. Что-то в этом духе. — Юля говорила монотонным голосом, глядя вдаль через стекло в окне над мойкой. — Он рассказывает о том, как служил своему... — сорвалось с ее губ, о чем она тут же пожалела.

— Служил? — спросил Артем ради того, чтобы услышать продолжение. В его понимании, конечно же, она имела в виду не что иное, как воинскую службу.

Юля искала подходящие слова, чтобы описать то, что знает, но хорошо представляла возможную реакцию как ее мужа, так и

любого другого адекватного человека. Монстр? Чудовище, контролирующее разум людей? Где, в психушке? Да это уже звучит как диагноз! Разве можно поверить в подобное, если не видеть все собственными глазами? Она жалела, что не подумала об этом еще тогда, когда была возможность. Могла раздобыть телефон и сфотографировать этого О'Шемиру, чтобы хоть как-то доказать, что не сошла с ума.

Покуда она подбирала нужные слова, которыми смогла бы охарактеризовать те события, Артем терпеливо ждал. Но у нее ничего не выходило, чем еще больше злила саму себя и в итоге, дойдя до точки кипения, совершила большую ошибку — переступила через черту, насчет которой у ее мужа уже были опасения:

— Твари, которая удерживала меня там. Это не человек, понимаешь? Он какой-то хренов инопланетный монстр, опаивавший людей своими испражнениями, вследствие чего получал над ними контроль.

— Гм... Высоков — не человек? — непонимающе спросил Артем, тяжело при этом вздыхая.

Юля хотела говорить, высказать наконец все то, что сидит внутри, и что раз уже начала говорить, то нужно продолжить, довериться кому-нибудь, быть понятой, ведь только так можно удостовериться, что окончательно не слетела с катушек. Она больше ни с кем не могла поделиться этой информацией, кроме как с самым близким человеком, и потому в ней теплилась надежда, что хотя бы он сможет ее понять. Но с каждым последующим своим словом ее одолевали ощущения, что даже Никита поверил бы во все это с большей охотой и энтузиазмом, нежели ее муж.

— Нет же, нет. Это, черт... я не знаю, как тебе объяснить. Он жил в подвале. Или не жил, а просто был там. Там были механизмы для производства отравленной воды.

— Юля, пожарные разбирали завалы. Никого в подвале не было, хотя и своя скважина с водой при больнице была, да. Они, видимо, употребляли только свою воду. Это не странно, пусть и немного удивительно, да. Не часто встретишь...

— Да что ты с этой водой?! Да, вода. Но он ее отравлял. Стоило выпить хоть раз и все, понимаешь?

— Все?

— Да, уже нельзя было освободиться. Он разговаривал со всеми нами как-то ментально, через стены.

Артем терял последние капли терпения и изо всех сил старался сдерживаться, чтобы не повышать голос.

— Юля, там ничего и никого больше не было. Я сам лично

был там... Да, бутылки, упаковки с водой. И что с того? Воду, конечно, не проверяли, но я не думаю...

— Пусть проверяют! Она отравлена, вот увидишь! Стоит сделать лишь один...

— Я не психотерапевт, но...

— Я тебе правду говорю! — взывала девушка, моля о понимании.

— Слушай, ты хоть осознаешь, насколько бредово это все звучит, Юля? Чего ты добиваешься? Это все просто какая-то нелепая навязчивая идея, сдвиг по фазе. Так нельзя! Сходи к...

— К психиатру? — взорвалась Юля. — Ты это хотел сказать? Может, ты вообще захочешь теперь отправить меня в дурку? В другую дурку, которую я в итоге тоже сожгу к чертовой матери?

— Вот же блин... — лишь произнес Артем и закрыл глаза рукой. — Я хотел верить, что... Мать его. Извини, прости, я не...

— Да пошел ты на хрен! Ты мне не веришь! Пошел на хрен, понял? Я не хочу тебя видеть, убирайся к черту! Ехал бы ты уже на свою работу, хватит со мной тут нянчиться, будто бы мне это нужно от тебя! Оставьте меня все в покое, в конце-то концов! Ты мне не нужен, убирайся ко всем чертям!

Артем смотрел на нее спокойным взглядом, даже не желая остановить ее истерику. Впервые в их совместной жизни он не хотел ее поддержать и успокоить. Он лишь смотрел на нее презрительным взглядом, плотно сжимая губы в тонкую нить и слегка кивая головой.

Дождавшись ее последних слов и видя, как она пытается перевести дыхание, отвернувшись от него, он сказал:

— Я уйду. Не сомневайся, сегодня же уйду. Но и нашего сына ты больше не увидишь до тех пор, пока не придешь в себя. — Он говорил стальным голосом, лишенным какого-либо сострадания и жалости. Юля даже не повернулась в его сторону после всего сказанного. Секунду помедлив, он добавил: — Если ты попросишь о помощи, я помогу. Но в противном случае решать все будешь сама.

Юля молча и не глядя на него ушла в комнату и закрыла за собой дверь. Через секунду вышла, бросила ему куртку, висевшую до этого на спинке стула, и с силой захлопнула за собой дверь. На кровати лежала раскрытая книга. Она пристально на нее посмотрела, думая о том, не переоценила ли она ее значимости в самом-то деле. Слишком многое только что было поставлено на кон ради правды, к которой ей так хочется достучаться. Спустя несколько секунд она отшвырнула книгу в сторону, прижалась лицом к подушке и расплакалась.

— Именно там тебе и место, — тихо, но без каких-либо

сожалений проговорил Артем, имея в виду одно из подобных учреждений, где следовало бы запереть его жену, тем самым оградив от общества, для которого она становилась все более опасна.

Он понимал, что решение оставить ее в такой момент является чуть ли не самым глупым из всех решений, которые ему приходилось принимать в своей жизни. Также понимал, что таким поступком нельзя охарактеризовать ни как любящего мужа, так и мужчину в целом. Но именно сейчас что-то не позволяло ему принять реальность такой, какова она предстала перед ним: его жена, которая всегда виделась ему разумной, здравомыслящей и даже мудрой женщиной — сошла с ума. Сейчас ему хотелось именно этого — просто взять и уйти.

Он надел куртку, проверил содержимое карманов и поспешил покинуть квартиру.

Глава 12. Ва-банк

Когда Юля проснулась, за окном уже была глубокая ночь, а наволочка на подушке насквозь мокрая. Ресницы слиплись от соленых слез, а лицо, казалось, распухло от десятка пчелиных укусов.

— Сколько же я проспала? — спросила она у звенящей в ушах тишины.

Она взялась за голову от пронзительного резкого прострела в области висков. «Вино, — думала она, — это все из-за вина, а еще из-за того, что уснула еще задолго до обеда и почему-то... почему-то проспала весь день».

В квартире было удивительно тихо и пусто.

В попытках вспомнить, где оставила мобильник, к ней начали возвращаться и другие воспоминания. Странно, что она смогла сразу вспомнить, что пила вино, но не то, как рассказала все мужу, и не то, как выгнала его из квартиры и из своей жизни.

Сползая с кровати, она увидела раскрытую книгу у стены, там, куда бросила ее до того, как начать безудержно плакать этим утром. Она была открыта где-то на середине, а на одной из видимых страниц был какой-то рисунок, созданный при помощи размашистых линий. Она не имела в этот момент никакого желания вникать в написанное и нарисованное, потому отвернулась. Больше всего ее беспокоило то, что произошло утром на кухне ее квартиры.

Осторожно, словно боясь кого-нибудь разбудить, она открыла дверь и выглянула из комнаты, убеждаясь, что там никого нет. Она не знала наверняка, хотелось ли ей кого-то увидеть сейчас. Не понимала своих же ощущений.

Кухня была темна. Только мелкие желтые и красные точки на некоторых приборах светились и изредка мигали — чайник, кофемашина и микроволновая печь. Юля нащупала выключатель на стене и зажгла свет.

Только сейчас она заметила, что на ней нет никакой одежды, а все утро, начиная с того момента, когда она вышла из ванны, в ее голове было смешано с остатками сна и обрывками воспоминаний о разговоре с Артемом. Все будто бы в густом тумане.

«Что из происходящего, — спрашивала она себя мысленно, — является правдой?»

На секунду вернувшись в комнату и сняв с крючка свой любимый махровый халат, она поспешно надела его, борясь с неприятными болевыми ощущениями от поднятия

травмированной руки, хотя уже и не настолько болезненными по истечении времени — перелом почти сросся, а ощущения скорее психологического характера, завязала пояс и вышла на кухню.

В мойке лежал разбитый бокал с мелкими лужицами красного вина в овальных осколках. На столе одна открытая полупустая бутылка Брунелло ди Монтальчино и одна закрытая в прозрачном пакете с бананами, яблоками и киви.

— Значит, мне это не приснилось, — сказала она вслух самой себе, а на глазах выступили слезы, и рука автоматически потянулась к губам. — Телефон! Где телефон?

Она побежала в ванную комнату, вспоминая, где оставила мобильник перед тем, как залезла в горячую воду и отключилась. Нашла она его на полочке, рядом со стаканчиком для зубных щеток. В ней по-прежнему стояли три инструмента — ее, Артема и Никиты.

Дрожащими руками она тыкала пальцем в кнопку включения, в которой датчик должен был распознать ее отпечаток и разблокировать экран. Но он почему-то не срабатывал. Только с третьей попытки ей удалось ввести правильный пароль в обход биометрическому способу. Она увидела на экране два пропущенных звонка.

— Пожалуйста, ну, хоть бы это был ты, прошу тебя... — шептала она срывающимся голосом с намернувшимися на глаза слезами.

Но оба звонка были от Тани. Первый пропущенный в два часа дня, а второй — ближе к шести вечера. И еще одно сообщение от нее же: «Надеюсь, у тебя все в порядке. Перезвони мне, как сможешь». Также несколько фотографий от Ани в ее новом амплуа, где она демонстрирует захватившее ее увлечение познанием себя и раскрытием своего внутреннего мира путем соединения души с неосязаемым. «Хватит с меня соединения душ с неосязаемым, — прыснув, словно от плевка в лицо, проговорила она про себя и закрыла диалоговое окно мессенджера. — Знаем, проходили. Все еще расхлебываем».

Ни на что из всего этого Юлия особого внимания не обратила. Ее сейчас больше всего интересовал вопрос о соединении душ ее семьи, остальные члены которой отказались от нее; Никита наверняка не в курсе дел, но Артему это не помешало — уходя, он забрал с собой сына.

Она открыла телефонную книгу, нашла номер Артема и нажала кнопку вызова, после чего слышала такие невероятно длинные и сводящие с ума гудки, за которыми ответа так и не последовало. Она позвонила еще раз, и Артем снял трубку практически моментально, с первым гудком.

— Что тебе нужно? — холодно спросил он.

— Артем, прости меня, пожалуйста... я... я не знаю, что на меня... вы мне...

— Нужны? Мы нужны тебе? Слушай, я пытался тебе помочь, я старался быть внимательным и понимающим мужем, но ты решила, что тебе это не нужно.

— Но я...

— Ты сбрендила, Юлия! Тебе нужно к врачу! В общем... — Он тяжело вздохнул и на этом моменте повисла жуткая тишина, которую Юлия боялась нарушить. Спустя секунд двадцать, потребовавшихся Артему, чтобы собраться с мыслями, он продолжил: — Мы с Никитой проживем отдельно. И нет, мы не у мамы, так что даже не пытайся нас искать. Я тебя не подпущу к... сыну. Пролечись сперва. Или реши свои вопросы, а потом пролечись, или наоборот, не знаю. Делай что хочешь, но я захочу тебя видеть и слышать вновь лишь тогда, когда ты совсем выбросишь из головы всю ту чушь, которую наплела мне сегодня утром. Поняла меня?

Она не знала, что сказать, хотя и понимала, что Артем абсолютно прав. На его месте она поступила бы точно так же. Любой адекватный человек, предпринявший столько попыток помочь, но получивший в ответ такое, что со стороны похоже на пренебрежение и неуважение, наверняка поступил бы так же, думалось ей.

— Поняла... — шепотом выдавила Юлия.

— Я надеюсь, ты со всем разберешься...

С этими словами он повесил трубку, и Юлия, стоя все это время перед зеркалом, увидела свое отражение, а в нем четко видела лицо человека, который в эту самую минуту осознал, что потерял абсолютно все, чем дорожил в этой жизни. И едва ли есть шанс все это вернуть.

Неизвестно сколько минут кряду она смотрела в зеркало, то и дело вытирая с лица слезы, текущие, казалось бы, нескончаемым потоком. Она не знала, что ей делать со всем этим в целом, но понимала, что и выбросить навязчивую идею из головы попросту не способна. *«Или реши свои вопросы, а потом пролечись, или наоборот»*. Лишь одно она знала точно — нужно разобраться во всем, что не отпускает ее с того самого дня, когда она увидела тонкую черную нить в отражении зеркала в травматологическом отделении больницы.

По неведомым ей причинам, в ее голову забрались воспоминания отрочества. Она со своей школьной подругой Дианой и ее младшей сестрой гостила у бабушки в маленьком поселке, куда их отправил папа. Ее мама тогда заболела и не

могла заботиться о дочерях, а сам он должен был уезжать то ли в какую-то командировку, то ли на курсы повышения квалификации — понимания этих терминов у девочек все равно еще не было, потому им особой разницы не было, куда именно уехал отец. Он просто уехал, по дороге забросив детей в село, к бабушке на воспитание. Почему-то в этих воспоминаниях не было Ани. Три девочки гуляли на поляне у высокого, пышного дерева с раскидистой кроной. В ее тени могло поместиться очень много людей, укрываясь от палящего летнего солнца, как иногда и бывало. Но сейчас были лишь они втроем. Пока Юля с Дианой, сидя в траве поодаль, вязала венки на голову из одуванчиков, малышка Даша игралась у дерева и напевала смешную детскую песенку:

*«Мама сшила мне штаны
из березовой коры,
чтобы попа не потела,
не кусали комары».*

Девочки не представляли, где Даша могла услышать эти слова или кто научил ее этой песне. Она распевала ее с настолько сосредоточенным видом, что с каждой строчкой вызывала у сестер волны чуть ли не истерического смеха.

Юля смеялась, по-прежнему стоя перед зеркалом и сжимая в руке телефон. Этого контрастного перехода, резкого изменения состояния она не заметила и удивилась самой себе, насколько странно сейчас выглядит — стоит зареванная перед зеркалом с опухшим лицом, с похмельной головой, да еще и смеется с детской глупой песни, сработавшей именно сейчас как спасительный круг утопающему в темных водах.

— Хватит, — сказала она зеркалу, — надо действовать, если не хочешь, чтобы все осталось как есть или и того хуже! Соберись, сука! Сломала всю свою жизнь, так будь добра поднять задницу и собрать все обратно, пока есть такая возможность... пусть и по частям... — Последние слова она говорила уже более вдумчиво: — Ведь никто не сказал, что все кончено, верно? Верно!

Плеснув себе в лицо холодной воды из-под крана, она вышла на кухню и щелкнула кнопку на кофемашине, лампочка сменила красный цвет на салатовый, извещающая о том, что скоро приготовит ее полуночную порцию бодрости. «Кто вообще пьет кофе по ночам? Конечно же, кто как не я».

Пока ждала, слушая тихое жужжание машины, набрала ответное сообщение Тане, в котором извинилась, что не перезвонила, потому как днем завалилась спать, а сейчас уже поздно для телефонных разговоров. Раньше это никак не

помешало бы им созвониться, но теперь выглядело как вполне логичная отговорка. Еще она сказала, что все хорошо, поблагодарила за беспокойство и нажала «отправить».

— Надеюсь, этого хватит на какое-то время, чтобы ты хотя бы чуточку поменьше насилывала меня своей заботой. Нет, я конечно же не против, Тань, правда. Но мне нужно свое пространство в одиночестве, чтобы хоть немного разобраться в... себе. — Она глядела в телефон на открытый диалог и говорила так, будто бы находится с ней на видеосвязи, хотя именно этих слов никогда бы не осмелилась высказать в лицо своей лучшей подруге. Возможно, кому угодно, но только не ей. Не то чтобы среди этих слов было что-то плохое, но и близким людям нельзя говорить ничего настолько ранящего, нельзя говорить, что их забота чрезмерна, что их усилия не ценятся. Такие слова имеют очень разрушительную силу. Порой просто хочется, чтобы люди сами это понимали, без объяснений.

Размышления ее прервал звук, сигнализирувавший о готовности кофе.

Она наполнила свою любимую чашку, объем которой превышал стандартный не меньше чем вдвое, любимым напитком почти до краев, поднесла ее к лицу и вдохнула приятный аромат, обжигающий ноздри. Внезапно ее охватило такое необъяснимое спокойствие и уверенность насчет будущего. Она явственно увидела, что все в итоге будет хорошо. Это чувство окрыляло, и она чуть ли не пританцовывая направилась в спальню, включила верхний свет, поставила чашку на специальную подставку на столе, села в компьютерное кресло, взяла книгу и, найдя ту самую страницу, на которой утром остановилась, принялась читать.

«Я выполнил поручение хозяина, но уже очень скоро разочаровался во всех своих идеалах, обретя один единственный, новый идеал. В его отсутствие мне не хотелось дышать, не хотелось существовать. Он стал всем моим миром. Позже», — с этих слов началась следующая страница книги, подписанная уже привычным «ДВ» и датой — 1938 год.

Глава 13. Любовь всей жизни

«Приготовившись к серьезному делу еще более тщательно, нежели в прошлый раз, я взял с полдюжины лучших людей, вместе с тем особым, уже теперь способным предоставить доказательства силы О'Шемиры — внешне помолодевшего и окрепшего, — и отправился выполнять поручение хозяина.

Те немногие, кто был со мной плечом к плечу тогда, понимали, что и теперь нас ждет испытание если не более суровое, то как минимум не простое.

Я не посвящал в их в детали предстоящего. Я лишь сказал, что мы идем заключать мир, но следует быть готовыми и к войне. Войной как таковой назвать возможный исход этой кампании сложно было, но я был убежден, что мы встретим уже подготовленных людей, готовых дать отпор; готовых попытаться дать отпор. Но на меня была возложена задача не изничтожить этот маленький народец, а прийти к соглашению на взаимовыгодных условиях. Воины шли сражаться, а я шел договариваться. Я не мог позволить себе ошибиться еще раз, тем самым навлекая на себя гнев Владыки за утраченный второй, а может, последний для меня шанс проявить себя под его началом.

Практически все прошло в точности по моему плану. Все, кроме одного момента, но буду последовательным в словах.

У ворот, возведенных со времени моего последнего визита в поселение этих людей, меня встретили вилы и копья. Жители впустили нас только после того, как я сообщил им, что хочу лишь поговорить. Они не хотели отворять врат, но вынуждены были согласиться после моей угрозы не оставить и камня на камне от их домов, а также убить всех, кто осмелится встать на пути великого уравнилителя сил этой земли. Простой люд не понимал, о ком я говорю, но устрасился слов, которые я готов был тотчас привести в исполнение.

И я стал говорить с главным из них. Человек, носивший черные, длинные одеяния и густую бороду, вышел ко мне и попросил не мучить его народ, ибо он смиренно отдаст все, что нам нужно, только бы уберечь от разрушения свои дома, а своих близких — от гибели.

Этот человек внимательно слушал заученные мною слова, которые я обязался передать его народу от лица своего хозяина. Мужчина не останавливал меня до тех пор, пока я не окончил, а когда я назвал ему имя "особенного", он почесал бороду, хмыкнул и вернулся к сгрудившейся у куполовидного здания кучке людей. В сжатой форме он стал пересказывать им мои слова.

Люди начали голосить, то и дело выкрикивая ругательства и вздымая над головами руки в угрожающих выражениях. Но вскоре затихли, и из толпы вышло два человека — худощавая женщина и, по всей видимости, ее моложавый сын. Вместе с мужчиной в длинных одеждах, они направились ко мне.

Увидев мать с сыном, "особенный" встрепнулся. Он узнал свою прежнюю жену. Младшенький возмужал, вырос так, — говорил он потом, вернувшись в нашу обитель. Он хотел поддаться эмоциям, подойти к ним и обнять горячо любимых жену и сына, но я ему не позволил. Я понимал, что своя воля в нем еще присутствовала, но позволять ей выходить за грань дозволенного Владыкой никак нельзя. Он понял мою краткость и воспринял ее с мудростью — наша миссия во благо его семьи в том числе. Жертва, которую необходимо принесли ради мира, ради вечности.

Мать с сыном попервах заворуженно глядели на него, рассматривая знакомые, такие родные, но обновленные черты лица своего родственника. Спустя несколько секунд они упали на колени и стали биться челом о землю, нечленораздельно бормоча себе что-то под нос.

Я понял, что они также узнали в нем своего близкого человека и, уверен, осознали всю силу и мощь моего повелителя, дарованную этому крепкому, молодому человеку, по годам сродни мужчине, близкому к престарелому возрасту.

Они поверили, приняли и обуздали свой личный гнев из-за утраты, потому как поняли, что муж и отец не мертв, а преисполнен сил и обрел дар вечной молодости и бессмертия.

Остальные, услышав мою речь от лица моего хозяина, также уверовали и приняли поставленные условия. Лишь одного они не смогли достойно перенести — той части договора, в которой я самостоятельно, в назидание им, выбираю приглянувшегося мне человека. Единожды.

Они роптали, просили решить самим, коль придется отдать и иного выхода у них не имеется, переглядывались, бормоча негодование и выражая обиды на меня. Они спрашивали и говорили, что согласны впредь на все, что было предложено, тогда почему вынуждены отдать не по их выбору, а по моему собственному. Но я был непреклонен. Показать слабость означало проиграть это сражение, в котором я не планировал пролить и капли крови.

— Такова воля О'Шемиры! — вымолвил я, окидывая суровым взглядом всех людей поселения.

И они притихли, лишь по-прежнему переглядываясь между собой и гадая, на кого же падет мой выбор.

Одна из женщин достаточно тучного телосложения пыталась укрыть за своей спиной молодую девушку. Ее-то я и приметил.

Я не пренебрег повелением хозяина выбирать мужчин, способных служить не только верой, но и силой, пополняя ряды храбрых воинов. Я лишь сделал выбор в пользу разума, понимая, что, пусть мы и обладаем вечностью, каждый из нас прежде всего должен питаться человеческой пищей, чтобы здраво мыслить и не иссякать в облике. А кто как не девушка способен приготовить ужин крепкому мужу, дабы он мог совершать подвиги во славу своего хозяина?

Я, пользуясь положением, вежливо попросил женщину отойти в сторону, предоставив мне возможность увидеть, кого она скрывает за своей спиной. Она колебалась, ее лицо содрогалось в нежелании повиноваться мне. Она бросала взгляды, наполненные мольбами о помощи, мужчине в черных одеяниях, но не получала от него поддержки. Он лишь разводил руками и устремлял глаза под ноги, не желая видеть ее душевного терзания и страданий.

Когда женщина поняла, что выбора не имеет, сделала скромный шаг в сторону, все еще крепко сжимая в руке запястье своей дочери.

Перед моим взором предстала юная особа не старше двадцати лет от роду. Ее миловидное, славянской натуры лицо поразило меня своей красотой до глубины души. Я едва мог скрыть охватившие меня эмоции. Русые волосы, ниспадавшие до самих плеч, большие, выразительные глаза цвета неба, утонченная фигура, обтекаемая легким ситцевым сарафаном, словно второй кожей, придавали девушке безупречности, невиданной мною за сотню прожитых лет. Она пленила мой рассудок. С открытым ртом я смотрел на нее и давался диву, что есть настолько прекрасная девушка, незапятнанная жестокостью этого мира. И можно было бы сказать, что ее лицо омрачают только слезы, переполнявшие ее вопрошающие щеки, бездонные глаза, прожигающие меня то ли ненавистью, то ли еще каким-либо неведомым мне чувством, но нет. Даже это в ней я находил прекрасным.

Мой выбор был очевиден. Никто иной не представлял для меня интереса. Каюсь, я право позабыл веление хозяина, но даже если бы помнил, не изменил бы своего решения.

— Как тебя зовут, золотце? — спросил я, но девушка не ответила. Вместо нее говорила ее мать:

— Надеждой она зовется. — А после, словно невзначай, добавила: — Олицетворяя для нас все, что нам осталось.

По вновь заголосившему люду я понял, что озвученное имя было ненастоящим, но выяснять правду я не собирался. По крайней мере сейчас. Мне лишь нужно было знать, как к ней обращаться. Остальное не важно...

Первые несколько дней она отказывалась есть и пить, выказывая свою гордость и буйный нрав. Мужчинам, приносившим в ее комнату еду и питье, нередко доставалось от на удивление воинственной девушки, что мне нравилось в ней не менее всего остального. Она требовала вернуть ее обратно, крича, рушила все вокруг, непрестанно сетовала на свой злой рок, настигший ее внезапно незаслуженно. Говорила о несправедливости и, наконец, о том, как сильно будет горевать по ней ее мать, взывая к моим человеческим чувствам. Но я не мог ей этого позволить. Я терзал себя жалостью к ней, но как не мог отпустить, так и не мог объяснить причины, по которой не способен этого сделать. И думая обо всем этом, я даже не имел в виду требования хозяина. Я руководствовался лишь своими чувствами, о которых признаться ни себе, ни ей все еще не осмеливался.

Эта девушка — само совершенство. Она невероятна в своем великолепии. Безумно красива. Горда и свободолюбива. Способна постоять за себя. Даже если по силам ей противостоять далеко не ровня, она не сдавалась. Я, конечно же, приказал не прикасаться к ней ни при каких обстоятельствах и пригрозил сиюминутной смертной казнью любому, кто осмелится нарушить мой указ. Я дорожил ею, хотя мне она и не принадлежала.

О'Шемире я рассказал о исходе похода и о заключенном соглашении с жителями поселения, именуемого Колосками. Рассказал также и о девушке, чье присутствие способно не только своей красотой озарить ярким светом нашу беспросветную тьму, имея в виду рутину дел, важность которых, конечно же, не переоценить, но и силой женских рук разрешить многие трудности, с которыми едва ли справляется мужчина: готовка еды, уборка помещений, а самое главное — ободрение, в котором, вопреки его величественной силе, по-прежнему нуждаются мои люди; и я в том числе.

Я не сказал ему лишь о моих возникших чувствах к этой девушке. А на требование привести ее к нему и опить эссенцией бесконечности — так именуется источаемая Владыкой жидкость, однажды испробовав которую, человек неминуемо оказывался в его власти, — я попросил отсрочки, аргументируя это ее недостаточной готовностью принять на веру то, что ей предстоит. Сказал, что хочу сперва подготовить ее, чтобы она сама захотела обладать даром, как и все те последующие, кто станет приходить в его обитель за щедрым даром.

Владыка в моих словах подвоха не увидел. Он верил моему чутью, так как знал, что я в первую очередь человек. Только он не знал, что я не хочу отдавать ее ему, не удостоверившись, что он не станет использовать ее для питания. Я хотел для нее вечности,

которую и сам имею, но не был уверен в планах хозяина насчет нее. А потому и старался нарочито отвести срок ее так называемого обращения, чтобы сберечь ту красоту и изящество в ней так долго, сколько было в моих силах. Я не хотел ее отдавать. Не хотел!»

Читая эти рукописные строки, расположившиеся на более чем двадцати страницах, исписанных размашистым почерком, Юлия почему-то чувствовала каждую ноту, звучавшую в душе автора. Между строк она замечала многое. Как амбициозного, решительного и всецело преданного своему делу человека, так и сокрушенного безответной любовью юношу, плененного красотой души и тела девушки несравненной красоты. Ей были омерзительны способы достижения целей О'Шемирой, потакание его прихотям Высоковым, но, в то же время, она очень жалела самого доктора из-за его терзаний. Она сама не понимала почему, но сочувствовала ему и хотела читать дальше, надеясь на счастливый исход, хотя и прекрасно понимала, что обернись все благополучно, всего того, что было с ней, никогда бы не произошло.

Смыкая веки, перед ней каждый раз возникали глаза доктора Высокова, глядевшие на нее из-за стола в его кабинете на первом этаже лечебницы, когда она приходила поговорить с ним насчет отца. Пепельного цвета волосы, недельная щетина, усталый вид. Теперь она с грустью вспоминала все эти образы. Все дело в том, ловила она себя на мысли между делом, что впервые увидела реальное проявление чувств этим человеком. Да, та сомнительная доброта, проявленная им во время ее заключения, как и жалобный, наполненный скорбью и сожалением голос, которым он извинялся в систему оповещения в лечебнице во время пожара, и рядом не стояла с тем, что описывалось им в книге. Единственный вопрос теперь стоял о правдивости всех этих чувств, вложенных в строки. Но даже это подозрение, вопреки всему пережитому ею, легко рушилось в ее сознании словно картонный домик. Юлия — прежде всего девушка, способная любить и сочувствовать. Спроси у нее кто-нибудь, чего бы она сейчас желала больше, никогда не оказаться в той лечебнице или же увидеть счастливый финал описанной парочки в лице доктора Высокова и Надежды, пускай ее настоящего имени ей еще и не известно, она бы предпочла именно второй вариант. Так уж устроена душа доброго и отзывчивого человека, который ощутил на себе вкус материнства и самоотверженности ради блага ближнего.

Юлия уже очень хотела спать. Время близилось к четырем часам утра. За окном занялась заря. Послышался шум первых грузовых машин, привозивших рабочих, чтобы убирать улицы и

готовить город к пробуждению. Все мысли о семье и утрате покинули ее. Сознание наполнило истинное желание разузнать продолжение истории Высокова и всей его истории до того момента, пока она не появилась в его жизни. Также ей очень хотелось снова взглянуть на О'Шемиру сейчас, со свежим пониманием, с новыми знаниями о большей части картины происходящего в таком далеком прошлом. И раз уж ей нечего больше терять, она решительно настроилась выяснить всю правду, вплоть до мелочей. А начнет она с того, что вернется в лечебницу и найдет способ поговорить с ним. И как бы ни было больно, она докопается до всей правды, чтобы найти способ освободиться от овладевшего ее разумом кровожадного чудовища, что своими методами доказал недостойность существовать на этой планете.

«Если О'Шемира все еще жив, — думала она, — а он жив, я чувствую его присутствие в себе, значит, он остался там. Именно под завалами старого подвала лечебницы».

Упав лицом на раскрытую книгу и все еще прокручивая в голове планы на завтрашний день, Юля крепко уснула.

Глава 14. Встречное предложение

— Ну и кто меня после этого умной назовет, твою же мать, — прожужжала Юлия, пытаясь отлепить прилипшие к лицу страницы книги.

Проснувшись она в восьмом часу с дикой болью в шее и ноющей поясницей. Вставая со стула, и, с хрустом, как у старика, разминая затекшие суставы, стала потягиваться, продолжая ругать себя за то, что уснула за компьютером, когда в двух метрах от нее находится мягкая и удобная кровать. Но долго сетовать на свое состояние не стала.

Открыв глаза, она уже четко знала, чем будет заниматься этим утром, а если повезет, то и день сложится как надо.

Уже не переживая о том, чтобы кого-нибудь разбудить, нашумев ранним утром на кухне, она вышла из комнаты, попутно сбрасывая с себя на пол халат. «Гулять по квартире нагишом — почему бы и нет?» Достала из шкафа коробку с молотым кофе, засыпала в кофемашину, включила и, виляя бедрами, словно прохаживаясь по подиуму, продефилировала в ванную комнату.

Надолго в душе она задерживаться не стала, не желая терять времени. Переполнявшие ее голову мысли не позволяли ей и минуты потратить на что-то не настолько важное, как ее план, но и выглядеть неряшливо ей совсем не хотелось.

Приведя себя в порядок и наспех позавтракав жареным яйцом и чашкой горького кофе без сахара, она оделась, набросила на спину тонкую кожаную куртку и рюкзачок, в который положила две медкарты, украденные из подвала лечебницы, и книгу, предварительно аккуратно обернув ее старой футболкой, чтобы не испачкать рюкзак изнутри. Она почему-то только сейчас заметила, насколько книга грязная, увидев в отражении зеркала перепачканное черным лицо после того, как та сослужила ей роль подушки этой ночью.

Предполагая долгий день, она также взяла из прикроватной тумбы деньги — забрала все запасы, — обулась и вышла из квартиры...

— Да-да.

— Можно? — вежливо протянула Юлия, заглядывая в кабинет следователя Довлатова.

— Вы? — Его глаза в миг округлились, не ожидая такого визита. — Вы одна? Проходите.

— Одна.

Следователь сидел за своим рабочим столом в кабинете с открытым окном и работающим кондиционером. «Странный

человек, — думала Юля, пытаясь понять, какой из частей тела он больше думает, если даже не понимает сути работы простого устройства под потолком. — Или просто тупой?»

Мужчина преспокойно перекладывал бумажки с одной стопки на другую, но так и застыл в этом положении, увидев просунувшуюся в дверь голову девушки.

Юля прошла в кабинет и остановилась у стены с рядом деревянных стульев.

В следующую секунду он, словно ужаленный, подорвался с кресла, побежал к двери и выглянул в коридор. По всей видимости, перепроверял, точно ли она пришла без сопровождения.

— А как вы?..

— Прапорщик, или как его там, пропустил меня, когда узнал причину, по которой я пришла. Сказал, что вы на месте.

— Он должен был... Причину? — Он осекся, понимая, что задает не те вопросы. — Что же вас сюда привело? Мы еще не разобрались с...

— Хочу помочь со следствием, — перебила его Юля.

Следователь тут же переменился в лице, ощутив облегчение, хотя на лбу у него уже к тому времени проступил пот, периодически каплями стекавший по вискам, щекам и теряясь где-то в складках второго подбородка. Он явно чего-то боялся. Слишком уж странно он себя вел как у них дома, так и сейчас с ней. Ей показалось, что перед ней не взрослый мужчина — блюститель закона и всеми уважаемый следователь, а мальчишка, запуганный старшеклассниками, который теперь боится случайно встретить обидчиков, чтобы снова не напороться на неприятности. «Что же ты такого ему наговорил, Артемка?» — думала она, провожая взглядом жирную тушу в мятых брюках от двери до стола.

Он уселся в свое кресло. Юля, не дожидаясь приглашения, присела на один из стульев у стены, ближайший к столу, положив на колени рюкзак, словно барьер, который сможет ее как-нибудь защитить в случае опасности.

— И чем, по-вашему, вы могли бы помочь следствию?

— Понимаете, — начала Юля, — я тогда не могла вам ничего рассказать, в тот день, когда вы приходили. Артем, он не...

— Помню, как же, — зачем-то буркнул он.

Юля замолчала и посмотрела ему в лицо, которое приобрело выражение какой-то неестественной важности, будто бы этот человек стал хозяином положения. Но больно неправдоподобно выглядели его потуги. Иными словами, вжилась в роль, которая ему совсем не подходит. Немного подумав, она решила сменить

тактику. Подыграть ему. Пусть он думает, что действительно все в его руках, а я лишь жертва, которая устала скрывать правду и пришла сознаться в чем-то таком, что изменит весь ход дела.

Глубоко вздохнув, она начала:

— Артем тогда помешал нам, а я хотела рассказать, что кое-что все-таки знаю о мутных делишках в лечебнице. Возможно, именно из-за них кто-то и решил поджечь ту больницу.

Она замолчала, ожидая, что тот снова перебьет ее каким-нибудь вопросом или глупым действием, но он молчал, лишь отодвигая от себя бумаги и укладывая локти на стол, сжимая пальцы в замок.

Она видела его интерес и уже подумала, что может сама спросить, накопили ли они что-нибудь под обломками здания. Но мужчина не стал отвечать, говоря, что это не совсем ее дело, и если она пришла говорить, то пусть говорит, а уж потом он сам решит, какой информацией стоит с ней поделиться. Этот расклад ей не очень понравился, но она еще не начала выкладывать козыри на стол. Ей было что ему рассказать и показать, но подумала, что сперва нужно попробовать надавить на его жалость. «Этот слюнтяй наверняка разжалобится, когда я расскажу ему о том, что произошло между нами с Артемом».

Она без особого труда пустила слезу, изобразив маленькую, несчастную девочку, и рассказала о том, как ее бросил муж, забрав у нее единственного и безмерно важного для нее человечка — сына. Так как это действительно была правда, а эмоции неподдельные, убедить Довлатова в необходимости приоткрыть перед ней завесу тайн расследования не составило никакого труда, и продолжила:

— У вас же есть семья, верно? Знаю, что есть, потому вы должны понимать, насколько может быть тяжело внезапно ее потерять. А я... — Она нарочито всхлипнула. — А я потеряла сначала отца, а теперь и мужа с сыночком... Прошу вас... Артем сказал, что не вернет мне Никиту, пока я не разберусь со всей этой ерундой. Я совсем одна осталась, понимаете? Понимаете ведь?

Следователь хмыкнул и зашевелил носом, видимо, не совсем понимая, как ему на все это реагировать.

— Так что вы от меня хотите, не пойму? Как вам поможет информация о продвижении дела вернуть сына? Вы меня, конечно, извините, но я ничего не понимаю.

— Все дело в моем отце, — сказала Юля, потупив взгляд. — Он сгорел в той больнице, а виновного никто так и не нашел. Я одна выжила. Не знаю, жив ли сам поджигатель, но уверена, что выяснить все это можно, а я, вполне возможно, смогла бы чем-

нибудь вам помочь. Я смогу вернуться себе семью лишь после того, как разберусь, кто во всем виноват и почему меня держали там взаперти. Я смогу успокоиться лишь когда виновный в смерти моего папочки будет сидеть в тюрьме! Или же выяснится, что он тоже сгорел к чертовой матери!

Следователь сдвинул брови и угрюмо уставился на девушку.

— Простите, — почти шепотом проговорила она. — Меня переполняют эмоции. Но ведь справедливость превыше всего, не так ли? Вы ведь тоже хотите его поймать?

Он не долго думал и ответил лишь на последний вопрос, который по своей сути был если не риторическим, то как минимум не самым важным из всех ею заданных.

— Хочу! — выпалил он.

— Ну так...

— Что «ну так», гражданочка? Вы хотите, чтобы я вам рассказал о ходе следствия, в котором вы можете быть главной подозреваемой? Хоть вам и не было выдвинуто никаких обвинений ввиду недостатка каких-либо улик. Так ведь дела не делаются. Если вам есть что сказать, а вы говорили, что есть, то я слушаю. Иначе разговор окончен.

Юля удивилась его достаточно грамотной речи. Ей казалось, что этот человек не способен и предложения сложить, не заикаясь и не глотая окончания слов. Она даже немного зауважала его; самую малость. Наверное, лишь для того, чтобы саму себя предостеречь от пренебрежительных взглядов, направленных на него.

— Есть. И не просто сказать, а показать! Мне удалось провести свое собственное небольшое расследование. — Вновь увидев его нахмуренные брови, она добавила: — Когда больница загорелась, все метались из стороны в сторону. Я боялась, что санитары, увидев меня, запрут меня в палате, после чего я неминуемо сгорела бы вместе со всеми. Но мне удалось спрятаться в подвале.

— Так, — произнес он, будто бы мысленно поставил отметку в блокноте со сноской «переспросить, как она оказалась в подвале».

— Я потом, конечно же, выбежала оттуда, едва успев спастись, пока перекрытие второго этажа не рухнуло, накрыв все грудой досок и рубероида. Но подвал, знаете ли, во время пожара штука самая отдаленная от всего остального, потому как находится ниже уровня земли. Я пыталась найти выход оттуда наружу, блуждая по лабиринтам под полом — в таких зданиях всегда есть несколько выходов. Я надеялась, что найду его. В общем... — Она тяжело выдохнула, будто бы собираясь с

мыслями.

— Что? Что было дальше? — уже достаточно сильно заинтересовавшись увлекательной историей выжившей девушки, спрашивал следователь, зачем-то энергично размахивая руками.

«Этот жирдяй просто эталон странного поведения», — думала Юля, глядя на его нетерпение услышать продолжение истории.

Сама не на шутку увлекшись своей выдумкой, она продолжила:

— Я в потемках бродила по заброшенному подвалу. Потом нашла ступеньки вверх. Они привели меня к длинному коридору, в котором было несколько дверей. Вдалеке виднелся луч света — тот самый выход, которого я так искала, подумала я. Он немного освещал коридор, позволяя различить надписи на табличках дверей. На одной из них было написано «Архив».

— Архив, значит, — многозначительно сказал Довлатов.

В душе Юля громко смеялась с того, насколько живо и атмосферно она обрисовывает чистой воды ложь. Изначально она не планировала всего этого говорить, но уже просто не могла остановиться, все глубже и глубже зарываясь в сюжет своей истории.

— Да, архив. Я просто не могла пройти мимо, понимаете? Я... в общем, я зашла в комнату. Там было много ящиков с надписями. Я открыла один из них и вынула картонную папку. Читать ее времени не было — больница горела, все вокруг завешивал густой дым, — но я все же прочитала написанное на карточке. Там было имя одного из пациентов. Нужно было торопиться, чтобы спастись. Задерживаться я не могла. Я наспех открыла еще один ящик и достала из него еще одну карту и...

— И?.. — спросил следователь, даже не догадываясь, что Юля раздумывает о том моменте, когда ее нашли около ворот лечебницы. Она тогда не имела при себе ничего, кроме связки ключей и зажигалки — медкарты уже давно лежали в квартире, в ее столе. Она лишь надеялась на его рассеянность и на то, что он не помнит деталей того дня. «На крайний случай, — думала она, — можно будет подметить, что эти папки из ее рук забрал Артем, потому что они и не попали в дело в качестве вещественных доказательств».

Она решила не упоминать о том, как якобы выбегала с ними из горячей лечебницы, хотя это и логично, надеясь, что, если не сказать прямо, он и не спросит.

— Эти папки, — продолжала Юля, — я потом, когда была дома, читала, выискивая что-то интересное. Я библиотечка по профессии, а потому мне все вот такое интересно. Та и чем еще дома заниматься, знаете ли... В общем, читала и обнаружила там

кое-что странное. Там были... — она приостановилась, наспех выдумывая то, что может его заинтересовать. Правду о бессмертных пациентах она, конечно же, рассказать не могла.

— Что же вы там такого обнаружили, гражданочка? — сгорал от нетерпения следователь.

Она так и не смогла придумать ничего путного, перебирая в голове малознакомую ей медицинскую лексику, которой заполнялись карточки пациентов, потому просто достала из рюкзака две папки и протянула ему через стол:

— Они у меня с собой, — произнесла она робко. — Вот, держите.

Следователь несколько секунд смотрел поочередно ей в глаза и на протянутые ему картонные папки, потом нерешительно взял и положил перед собой.

— И что в них?

— Это медкарты. Почитайте, увидите, — ответила Юля, застегивая рюкзак и начиная немного нервничать.

Вся надежда была на его тупость. Она верила, что он, чувствуя свою важность, навешивая на нее лестные и просьбы о помощи, своим же воображением сам себе в прочитанном нарисует что-то настолько важное и существенное, что, по его «профессиональному мнению», перевернет ход расследования с ног на голову.

Стало так тихо, что через открытое окно слышался лай собак и разговоры каких-то людей.

Он осторожно открыл первую папку так, будто бы это был не картон с бумагами внутри, исписанными утонченной женской ручкой, а упаковка с бомбой, что разорвет его на мелкие кусочки. Он начал читать, хмурия брови и бегая глазами из угла в угол по каждой из страничек. Со стороны это было то еще зрелище. Юля никогда не видела, как в реальной жизни следователи рассматривают предоставленные им вещдоки. Видела только по телевизору. Но никогда не думала, что это может выглядеть настолько смешно. Она даже хихикнула, наблюдая за ним, но тут же изобразила кашель, чтобы не выдать, насколько комично ведет себя этот несуразный человек, совсем не имеющий представления, как следует себя держать в обществе, чтобы показать серьезность, не насмешив при этом всю публику.

Она надеялась придумать что-нибудь до тех пор, пока он дочитает хотя бы одну из медкарт, но никак не могла сосредоточиться — все силы были направлены на то, чтобы не засмеяться.

— Так-так, — произнес он, — интересно. Действительно интересно.

В кабинете снова повисла тишина, представляемого Юлей в качестве вращающихся шестеренок в голове мужчины. Она с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться, когда тот продолжил:

— Это и правда очень интересно. Вы, говорите, нашли эти карты в подвале той лечебницы?

— Да. Там их много было. Очень. Прямо сотни таких папок.

— И они... — начал было он, но не успел закончить.

— И информация в них может помочь понять, кто и почему решил поджечь лечебницу!

— Но как это...

— Очень легко! — вновь оборвала его девушка, заведясь. — Представляете, сколько всего можно накопать там, чтобы разобраться! Это просто кладезь информации. Там сотни таких папок! Я потому и пришла к вам, чтобы спросить, не раскапывали ли вы то место, где был архив.

— Не раскапывали, — тут же ответил Довлатов.

— Тогда давайте раскопаем, ну же!

Он немного призадумался, отведя взгляд в сторону, а потом сказал:

— Я не могу так просто взять лопату и копать.

— Ой, ладно вам, — начала Юля, включив режим неудержимой лестницы. — Вы все можете! Вы же в этом городе босс. Никто не способен сделать этого кроме вас. А что вам стоит взять и снарядить команду с лопатами и экскаватором, чтобы разгрести кучку досок и земли?! К тому же, докопавшись до истины в этом деле, вы можете здорово продвинуться по карьерной лестнице.

Он задумался еще больше.

— Вы не подумайте, — нежным голосом добавила Юля, — я не ради лестницы все это говорю вам. Да, каюсь, в этом всем есть и мой личный интерес — семья, если помните. Но ведь вам распутывание этого дела тоже очень поможет. Ведь так? А папки можете оставить себе! Они мне ни к чему, если мы найдем там еще сотню таких же, в которых будет куча других не менее важных доказательств того, что темные делишки неоднократно проворачивались за стенами лечебницы вопреки нормам и закону!

— Хорошо, хорошо! — завопил следователь, на удивление быстро сдав позиции и согласившись со всем, что было озвучено выше.

Юля правда не ожидала, что уговорить его будет вот так просто. Но он настолько туп, что в обычных медкартах, если не считать странных дат рождения и отсутствующих отметок о смерти пациентов, заметил что-то важное. Может, она сама что-то упустила, а он нашел? Она верила, что он не сможет сказать

ничего в духе: «и что вы интересного здесь увидели?» Она была уверена, что он как минимум сделает вид, что нашел какую-то зацепку, потому что он так хотел ее найти и так не хотел ударить лицом в грязь.

В итоге он согласился, поверив в то, что действительно сможет по возможно оставшимся бумагам в недогоревшей лечебнице найти улики, что приведут его к истинному поджигателю.

Он тут же поднял трубку телефона и сказал прапорщику на проходной, чтобы тот немедленно организовал группу с рабочими и техникой для разбора завалов бывшей лечебницы. Следом добавил, что проведение «раскопок» строго под его ответственностью. Он, по всей видимости, уверился, что найдет там что-то действительно стоящее.

— А вы поедете с нами! — заявил он, поднимаясь из-за стола и вновь отряхивая с костюма невидимые пылинки, прям как в их квартире, в день его неожиданного визита к ней с Артемом.

Юля тоже поднялась со стула, и они вместе вышли из кабинета.

Глава 15. Раскопки

Экскаватор, грузовик, полдюжины рабочих с лопатами, не считая водителей. Каждый из этих человечков в оранжевых накидках с ярко-желтой люминесцентной полоской трудился не покладая рук, разбирая завалы, подчищая путь после большого железного ковша. Они все старались изо всех сил, предоставляя следователю возможность добраться к тому заветному месту, что, по его мнению, позволит ему распутать дело и чуточку выше подняться либо же по карьерной лестнице, либо как минимум в глазах своего начальства. Все это, конечно же, станет возможным лишь в случае успеха этой пыльной миссии.

Для Юли было удивительно, что этот человек смог организовать такую серьезную команду. К тому же под свою ответственность, а значит, если работы не увенчаются успехом, все расходы он будет вынужден взять на себя. Все же чего-то да стоит он в своих кругах, — приходила к выводу Юля.

Как бы там ни было, какая-то струнка в ее душе истомно звенела от осознания, что она направила команду рабочих разбирать не совсем то место, о котором говорила Довлатову в его кабинете. Подвал старого крыла, как и архив под ним с металлическими ящиками, где, вполне возможно, все еще хранятся некоторые материалы, заинтересовавшие следствие, располагается в противоположной части здания, хоть и вдоль этой же стены, около которой ведутся работы.

Она думала, как все это обыграть, когда выяснится, что добрых три часа или больше люди трудились не там и не над тем. Она понимала, что ей снова придется солгать, говоря, что просто ошиблась в направлении, потому как изнутри сориентироваться было очень сложно, а уж во время страшного пожара — невозможно. «Я не знала, что под зданием есть не один, а два подвала, — собиралась сказать Юля, подготавливая варианты ответов заранее, чтобы вся история выглядела максимально правдиво. — Мне почем было знать, что эти ступеньки ведут не в тот подвал. Но архив и правда есть, иначе откуда б я, по-вашему, взяла эти медкарты?»

Но пока что все было тихо и спокойно, если можно так назвать обстановку с рычащим двигателем экскаватора, лязг лопат и грубые нецензурные выражения блестящих от пота трудяг, выполняющих поручение босса.

Юля все смотрела по сторонам, раз за разом прокручивая в голове десятки мыслей и разнообразных исходов этого достаточно бурно начавшегося дня. Среди всей бурлящей жизнью

атмосферы лишь одно место выглядело действительно привлекающим — открытый багажник фургончика, набитого всяческой аппаратурой. Внутри него, на столике, красовалась кофемашина — маленькая и простенькая, работающая, видимо, если не от двенадцативольтного автомобильного аккумулятора, то от небольшого электрогенератора, подпитывающего все эти коробочки с кнопками, крутилками и маленькими экранчиками по левую и правую стенки кузова фургона. «Зачем такая машина здесь? Это что, какая-то мини-лаборатория? Мы же не за образцами упавшего метеорита приехали. Ну точно американский стиль, правда!» — думала про себя она, прикрывая рот будто бы кашляя. На самом деле она подавляла приступы смеха, между тем с не абы каким интересом рассматривая для себя возможность выпить кофе.

Понимая, что приглашения от этого мужчины на чашечку крепкого и черного напитка вряд можно ждать, если не намекнуть, спросила:

— А вы, я смотрю, основательно подошли к вопросу. — Она указала кивком головы на фургон.

— А вы как думали? — отвечал следователь Довлатов. — Как знать, сколько времени потребуется ребятам, чтобы здесь хорошенько все расчистить и в итоге добраться к тому архиву. Пока что я не вижу подвижек. Нужно пойти спросить, кстати, что там у них...

Он было сделал шаг к ребятам, как Юля его остановила:

— Может, это?.. Она ведь работает? — И вновь указала взглядом на кофемашину, стараясь как можно на дольше отвлечь мужчину от проводимых его ребятами работ.

— Вы о чем? — спросил он, пытаясь уловить ход ее мыслей, но потом к нему дошло, или же он сам вспомнил о том, что давно не пил кофе и произнес все так, будто бы не девушка спросила его, а он сам решил предложить: — Может, хотите чашечку кофе? У нас там есть.

«Ну наконец-то до него дошло!» — думала девушка, но на лице изобразила лишь улыбку, после чего закивала головой и направилась вслед за мужчиной к фургону.

— Это все ваше?

— Отдела, скажем так... Сейчас, запущу эту старушку. Придется немного подождать.

— Николаич, — раздался приглушенный расстоянием голос одного из работников. — Поди-ка сюда.

— Тьху, чтоб вас, — выругался следователь. — Я сейчас. Вы пока это, ну, когда приготовится.

Следователь поставил на табуретку рядом с кофемашиной

два картонных стаканчика и поковылял кривой поступью к окликнувшему его «Миньону» в желтой накидке.

«Если бы он сейчас не ушел, — думала Юля, — то мне пришлось бы начать засыпать его вопросами. Не только ради того, чтобы потянуть время, но и для удовлетворения своего личного интереса — для чего здесь такая машина, напичканная электроникой, и зачем может понадобиться такое оборудование при разгребании руин старой больницы. Но он ушел. И, скорее всего, вскоре позовет меня к себе, оправдывая все мои опасения. Сейчас ему трудяги покажут, что в том месте, где они копают, ничего нет, и обвинения за неверно указанное место упадут именно на меня. Тогда уж точно придется прибегнуть к отретпетированным оправданиям о путанице в экстренной ситуации».

Разлив кофе по двум стаканчикам, она стала жадно пить, не обращая внимания на обжигаемые им губы и язык. Ждала и смотрела вдаль, как Довлатов эмоционально размахивает руками и что-то доказывает старшему бригады.

Она взяла второй стаканчик и подошла к ним.

— Вот. — Она протянула ему кофе. — Что-то не так?

Следователь не удосужился поблагодарить, лишь вырвал стаканчик из ее рук и выпалил:

— Здесь ничего нет. Где архив?

— Может, вы немного не там копали? — скорчив гримасу непричастности, проговорила Юля и втянула голову в плечи, словно черепашка.

— Копали там, где вы сказали, дамочка, — произнес мужчина с каской на голове и перепачканным пылью лицом.

Довлатов начал шипеть, как вскипающий чайник, у которого алюминиевая крышка начинает вытанцовывать, приподнимаемая вырывающимся изнутри паром.

Заметив, что ту часть подвала, где располагалась система фильтрации воды для больницы, уже очистили, Юля рассказала о том, что могла ошибиться на несколько метров. Объяснила почему. Ситуация сложная была, очень экстремальная.

Пока мужчина в каске отошел на несколько метров и закурил, Довлатов продолжал упорно думать, обильно выделяя пот каждой клеточкой кожи. Его рубашка также потемнела от пота в районе позвоночника и круглого, словно у беременной девушки, живота.

— Дал бы мне кто-нибудь план этого чертового здания, — выругался он, допивая кофе и выбрасывая стаканчик куда-то через плечо, едва не задев разлетающимися в разные стороны брызгами Юлю.

— Кстати, о плане... — Вдруг откуда ни возмись

нарисовался еще один «Миньон» с металлической табличкой в руке. — Его здорово опалило, но советская краска, понимаете ли, штука надежная, хэх.

— Вот же херня... — прорычал Довлатов и в сердцах сплюнул на землю. — Где вы раньше были? Надо было перекопать тут половину всего, чтобы только сейчас...

Он пошел за табличкой, а Юля в то время в очередной раз удостоверилась, насколько этот человек глупый и несмекалистый, если начал поиски архива, не удосужившись предварительно узнать, в какой части здания он вообще находится. Но ничего не говорила и старалась даже не выражать ничего лишнего эмоциями на лице. Эта глупость была ей как никогда на руку — эти ребята разобрали завалы там, где было нужно именно ей. «Осталось пережить вторую половину дня. И желательно закончить ее успешными поисками, чтобы никто не точил на меня зуб за ложные показания, а потом избавиться от всей этой компании».

— Дайте и мне посмотреть! — Она подбежала к ним и стала тоже рассматривать табличку с наполовину облезлым планом здания. — Вот, точно, вот здесь, смотрите!

— Вы уже говорили один раз, где копать, хватит с меня.

— Она права, взгляните, — произнес «Миньон», тыча пальцем в табличку, тем самым спасая Юлю.

Несколько минут споров и уточнений прошли не зря — машины снова загудели, лопаты зазвенели по камням и доскам с торчащими во все стороны гнутыми и нагло вырванными из балок гвоздями. Работа снова кипела. Осталась одна надежда на то, что металлические ящики под завалами сохранили такие нужные им всем документы. Только они позволяют всецело захватить внимание Довлатова, чтобы наконец оставить девушку в покое. Каждый тогда будет заниматься своим делом.

Когда накал в воздухе снова рассеялся, Довлатов подошел к Юле, пригласив ее отойти в тень, подальше от шума. Он стал задавать вопросы, поднимая все те же темы о пожаре, о панике, о том, как все происходило.

— Я же вам уже все рассказывала, — отвечала Юля.

Она понимала, что эти вопросы больше для того, чтобы скоротать время. Сам же он — жирный боров — своим ребятам ничем в раскопках помочь не мог. Просто не способен. Ему даже ходить, по всей видимости, было достаточно сложно. Нещадно палящее солнце заставляло его потеть, а одышка мешала говорить. Но он продолжал:

— Ну а Высоков? Он где был во время пожара?

— Вы разве не нашли его тело? — вопросом на вопрос

отвечала Юля.

— Ответьте, пожалуйста, на вопрос.

— Я что, подозреваюсь в чем-то? — спросила Юля, нахмутив брови и выжидающе глядя на мужчину.

Какое-то время он молчал, потом, вытирая со лба пот носовым платком, сказал:

— Как вы могли заметить, у этого здания даже крыши не осталось. А изначально было три этажа. То место, где мы нашли тело доктора Высокова, никак не поможет нам понять, где он был до, или во время пожара. Да, нашли мы его тело на первом этаже — в обломках всех трех этажей, в том числе и крыши. Мне нужно знать, где он был в то время, когда начался пожар. Был ли он виновным в случившемся. Если да, то что сподвигло его на это. А если он не сам это сделал...

— Я слышала его голос, — перебила следователя Юля.

Она заметила, как тот изрядно завелся, начиная высказывать все мысли по поводу того дня. Хоть ей и нужно было понимать, как и что на этот счет имеет следствие, слушать все это ей почему-то не очень хотелось.

— Голос?

— Да. В больнице была система оповещения.

— Угу, — протянул Довлатов, делая вид, что знает об этом, что очень вряд ли, — была такая, да. И что он говорил?

— Не помню я, что он говорил, — солгала Юля, — не до этого было, понимаете ли. Я к тому, что комната управления находилась на третьем этаже, по правую сторону от главного входа в здание — это в плане написано было, кажется. На стенах висели другие таблички. Говорить он мог только оттуда.

— Значит, — начал свое умозаключение следователь, почесывая редкую щетину, — поджог совершил не он... А кто же тогда мог...

— Он извинялся за что-то, — вставила Юля, якобы вспомнив эпизод из того времени. — Я искала выход из горящего здания, а он таким, знаете, подавленным голосом за что-то извинялся.

— Перед кем?

— Не знаю, — вновь солгала Юля. — Может, перед всем персоналом? Может, это он подпалил что-то, желая избавиться от тяжести груза управлять скопищем психов, а потом направился в комнату управления и оттуда уже говорил со всеми, кто находился в здании? Извинялся перед всеми за поступок. Я не знаю.

— Очень интересно, — задумчиво протянул Довлатов. — Я об этом подумаю. Спасибо.

В эту секунду его телефон зазвонил, и он, подняв трубку,

поторопился отойти в сторону.

Следующие три часа прошли в тишине.

Взволнованный вид следователя наталкивал Юлю на разнообразные мысли: он либо нервничал по поводу исхода этой кампании по добыче информации, от которой многое могло зависеть, либо же получил нагоняй от кого-нибудь вышестоящего. А может, и из-за всего этого сразу. Но он то и дело ходил взад-вперед, время от времени хмыкая и наговаривая что-то себе под нос.

— Николаич, взгляни-ка сюда, — прокричал тот самый «Миньон».

Довлатов спохватился и что есть духу помчался к сгрудившимся между двумя горами строительного мусора рабочим.

Юля неторопливо пошла за ним.

Когда она подошла ближе, рабочие уже водрузили железный ящик, с которого сыпалась штукатурка, на ковш экскаватора. Вытащив и опрокинув ящик на твердую поверхность, стали осматривать его со всех сторон. Довлатов попросил монтровку и взломал один из ящичков. «Не удосужился даже подергать его перед тем, как ломать, — думала Юля, с трудом подавляя очередной приступ смеха. — Они же все открыты».

— То что надо! — довольно выдал Довлатов. — Там есть еще? Вынимайте все, что там есть.

Ящичков в архивном помещении было довольно много. Все это растянулось еще на добрых два часа. Только выудив из-под руин все-все ящики с документами, Довлатов успокоился.

Он скомандовал погрузить их на «ЗиЛ» и еще немного покопаться в руинах — «вдруг чего-нибудь упустили».

В течение получаса все рабочие уже выбрались на землю и забрались в машину — кто в кузов, кто на грузовую платформу, держась за борта, и отправились в город.

— Вы со мной в участок или...

— Нет, — ответила Юля на вопрос Довлатова. — Если можно, я бы хотела высадиться по пути. У меня в Вирнаково подруга живет. Я не хочу возвращаться домой, в пустую квартиру, где все напоминает о муже и сыне...

Ей даже пришлось изобразить материнскую слезу, чтобы следователь поверил в то, что ей действительно не хочется ехать домой именно по этой причине. Отчасти это было правдой.

Он высадил ее посреди поселка, попросив оставаться на связи в случае возникновения дополнительных вопросов в ходе изучения полученных документов. Юля ничего против не имела, но выйдя из машины, первым делом решила установить

переадресацию всех входящих вызовов на номер матери — первый номер телефона, пришедший ей на ум. Ей совсем не хотелось, чтобы ее еще когда-либо тревожили звонками из городского отделения полиции. Но забыла.

— Спасибо вам, что согласились помочь. Держите меня, пожалуйста, в курсе. Я уверена, что хоть чем-то, да смогу еще помочь в расследовании. Мне это важно точно так же, как и вам.

— И вам спасибо, — проговорил Довлатов, даже не замечая наигранности в ее речи, в которой не было ни капли искренности. — Всего доброго. Я вам позвоню еще.

Он уехал, оставив девушку посреди центральной улицы поселка Вирнаково.

Юля осмотрелась по сторонам: пара продуктовых магазинчиков, магазин бытовой химии, поликлиника и небольшое кафе — все это скопилось в центре поселка, совсем не похожего на чуть ли не первобытные хижины, описываемые Высоковым в книге.

— Ладненько, — вслух проговорила Юля, доставая из кармана мобильник и глядя на время, — половина второго.

Возвращаться обратно было еще рано. По какой именно причине — она не знала. Просто чувствовала, что рано. Она решила зайти в кафе и пообедать. День выдался достаточно нервным, потому ее аппетит не на шутку разыгрался.

Заведение под названием «Перекусики», о чем гласила чрезмерно большая табличка у входа, показалось ей достаточно странным в виду схожести с обычным жилым домом, но никак не влияло на ее аппетит. «Ясное дело, что вы не могли выстроить специальное здание, чтобы создать кафе или закусочную», — подумала Юля.

Зайдя внутрь, она удивилась. Ее встретили разнообразные резные столики, растыканные по углам неприлично большого помещения, которое снаружи казалось гораздо меньшим. Абажуры люстр над столами, сделанные из ткани — или кожи? — выглядели на удивление симпатично. Она никак не могла ожидать, что интерьер этого заведения, с виду обычного сельского дома, может выглядеть настолько привлекательным.

Девушка за стойкой, едва Юля успела войти, поприветствовала ее и спросила, чего бы та желала на обед.

— Эмм... — протянула Юля, все еще поражаясь неожиданно обманчивому виду снаружи и красоте внутри помещения. — А можно меню? Я бы хотела чего-то...

— Да, конечно. Возьмите!

Юля взяла хлипкую кожную папку из рук девушки и уселась за крайний у входа столик. Просмотрев большую часть страниц,

она заказала отбивную и салат с соком, удивляясь при этом приятно низким ценам.

Ожидая заказа, она достала из своего рюкзака книгу, нашла страницу, на которой остановилась в прошлый раз, и принялась читать.

Глава 16. Долгожданная встреча

«Я поражался невероятной силе духа и смелости этой девушки. Она была столь юна, столь нежна и невинна, но не менее того горда и мудра, чем меня и воодушевляла.

К моему счастью, мой хозяин не торопил меня, не призывал ее к себе, доверившись моим словам о том, что юная особа еще не готова принять его силу. И это было правдой. Сколько бы я ни пытался ее уговорить принять дар повелителя, сколько бы доводов надежности предлагаемого мой ни приводил — она отказывала. Ее сила воли и духа просто поражали меня. Я никогда не встречал человека, способного отвергнуть все, только бы не предать свои идеалы, свою семью и ту любовь, что придает сил, надежды, позволяет упорствовать во что бы то ни стало. Эту силу невозможно сломить. Я не нашел ни единого способа, которым смог бы завлечь эту душу подчиниться моему хозяину. Наоборот. Не подчинившись ему, она подчинила меня себе...

Я оставил попытки призвать ее к нашей общине. Я не мог больше пытаться владеть ею. Именно пытаться. Я понял, что не владею ею. Она принадлежит лишь себе. Никто не властен над ее естеством. Она готова распрощаться со всем, но не отдать себя в руки тому, кто будет распоряжаться ее жизнью.

Подкосило ли это меня в вере своему Владыке? Нет. Меня это сломало! Я задумался, почему я настолько верен? Неужто во мне не живет тех идеалов, которыми руководствуется эта девушка? Я разрывался на части. Простите меня, о дорогие читатели, я не в силах совладать с собой и со своими чувствами к ней, к ее непреклонности. Я хочу иметь ее силу. Я хочу любить ее. Я люблю ее всем сердцем и не могу себя перекроить...

Я сделал скоропешные выводы, придя к своему хозяину с просьбой. Я просил его позволить мне жениться на этой девушке. Просил его даровать ей вечную жизнь. Просил позволить ему править мне этот мир для него плечом к плечу с ней. Я обещал ему, что именно она способна своей силой сломить весь мир, если ей будет принадлежать вечность. И он согласился.

Я взял с него робкое обещание, что он не станет кормиться ее душой, как и моею, потому как я хочу вечности здоровой для нее, как и для себя в точности. И он вновь согласился. Он пообещал мне, что не тронет ее ради его же величия. Что он позволит ей стать той, кто приведет его в мир в качестве короля. И я ему поверил. Я не мог не поверить. В справедливости своего хозяина я не смел усомниться.

Обретя уверенность, что не потеряю ее, я стал преподносить

ей себя, стараясь показывать свою любовь. Не знаю, насколько красиво это было, насколько приятно было ей получать мою доброту, ведь эмоции свои она скрывала очень тщательно, но я старался. Я хотел показать ей, что она мне безразлична. И я говорил. Я кричал о своей любви. Но поступки мои казались мне скупыми и грубыми, а слова — бессмысленными и пустыми. Они претили мне самому. Даже я, сумею ли я взглянуть на себя со стороны, не поверил бы в то, что мои чувства искренни. И я решился на большее, нежели просто слова. Я позволил ей выйти за пределы отведенной для нее комнаты.

Поначалу она не верила, что действительно свободна. Не пыталась даже сбежать домой. Мое тепло к ней, как мне казалось, говорит ей о моих чувствах. Но я ошибся. Она воспользовалась дарованным ей доверием и попыталась сбежать.

Мои люди, коим приказано было не касаться ее, не остановили девушку. Она бежала домой. Я пустился за ней. Нагнал я ее лишь спустя несколько часов. Поймал ее и взглянул ей глаза. В ее прекрасные, чарующие мою душу глаза. Да простит меня Владыка, ничего более сокрушающего, нежели ее полный отчаянья взгляд я не видывал за такую долгую жизнь! Ее глаза молили меня о пощаде, молили отпустить, вернуть ее к родным. А губы. Движения ее губ манили меня. Больше всего на целом свете я хотел поцеловать ее губы. Как прекрасны они были в сиянии луны. И я, схватив ее руки, склонился над нею и впился своими губами в ее губы. Я сделал то, чего жаждал больше всего.

Наш поцелуй не был долгим. Она отвергла меня. Она укусила меня, пустив мне кровь. Я взревел, словно дикий зверь, и отпустил ее.

Вывавшись из моих объятий, она пустилась убежать, но своевременно произнесенные мною слова образумили ее. Не знаю, волею правды или страха изменила она свое решение, но она осталась.

Лишь замерев, обернувшись спиной ко мне, она ждала и слушала. А я все говорил. Говорил о том плане Владыки, говорил о силе его великой, о том могуществе, коим способен он одарить всех, кто прильнет к нему. И о бессмертии.

Не многие мои слова возымели ту силу, которую я вкладывал в них, но последние — слова о любви, которую не сломить. Слова о той любви, что способна свергнуть меня в смятение, даже заставить предать своего хозяина ради нее, если потребуется, внесли ясность в ее разум. И она обернулась.

Я рассказал ей, как был пленен ее красотой. Рассказал, как поработила она меня своей мудростью, непреклонностью и силой духа. Своей верностью близким. Я открыл ей свою душу, оголил

себя и верил ей без остатка. И она слушала. Слушала и понимала, что я не лгу. И я действительно был готов отдать голову на отсечение, если хоть в чем-то слукавил. И она поверила мне. К счастью моему великому — поверила.

Вернулись мы в обитель хозяина моего уже вместе. Я держал ее руку, а она мою. Мы были счастливы, открыв души наши друг другу. Мы подарили друг другу себя, пообещав остаться навеки родными, оставив все ради будущего нашего и будущего наших близких. Мы обручились заветом создать мир своими руками, пускай и под началом моего Владыки, а вскоре Владыки нашего.

Он обручил нас. Он даровал ей вечность, как и мне прежде, и она приняла ее. И мы были счастливы».

Дочитывая последние строки, в то же время доедая остатки своего обеда, Юлия, сквозь слезы счастья, шептала о том, как рада воссоединению Надежды и Руслана Высокова. Радовалась, сама не понимая, насколько опрометчив ее восторг. Сложись все действительно настолько хорошо, как описывается в книге, не было бы сейчас всех тех смертей, что лежат на ее совести. Он же, доктор Высоков, и возложил на нее ответственность уничтожить все то, что строил целыми десятилетиями.

«Красиво, — думала она, — безусловно, красиво. Но даже в рамках того времени, к чему все это привело? Что же произошло? Почему все сложилось именно так, что пришлось уничтожить, сжечь дотла всю твою жизнь? Почему?»

Все эти вопросы терзали Юлю. Она понимала, что ответов не получить до тех пор, пока не будет прочитана вся книга до последней строки. Только там, возможно, будет объяснение всего, что ее так тревожит сейчас. Возможно, и освобождение.

Подозвав официантку и расплатившись за обед, Юлия упаковала обратно в свой рюкзак книгу и направилась к бывшей лечебнице. Путь для нее расчистили, теперь она может прийти туда, на то самое место, где был ее мучитель, и попытаться получить ответы еще на некоторые вопросы, так долго сковывающие ее действия, ее жизнь.

Прихватив с собой бутылку воды, она вышла из кафе около пяти часов пополудни и пошла пешком, продолжая размышлять: почему никто из тех рабочих, разбирающих завалы, не обнаружил О'Шемиру? Она чувствовала и тогда, впервые зайдя на территорию бывшей лечебницы, и сейчас, вновь возвращаясь в то место — монстр жив. Он никуда не делся. Он ждет и призывает ее изо дня в день. Он жаждет заполучить ее, вернуть в свое распоряжение. Но почему его никто не видел?

Весь путь к лечебнице она надеялась, что увидит О'Шемиру на своем прежнем месте. Она думала, что, если его не увидели

рабочие, тогда, быть может, они просто не способны видеть его, если не находятся под его властью. Но ошиблась.

Придя на то самое место, Юля, к своему огромному удивлению, не обнаружила ничего, что говорило бы ей о присутствии инопланетного монстра, кроме собственных ощущений. Заглянув за каждый угол и зачем-то под каждый камень, не смогла найти ничего. Она уже начала думать о худшем: либо она сама сошла с ума, либо же О'Шемира просто ушел куда-нибудь, хотя и не могла в это поверить.

Весь этот наплыв эмоций утомил ее, и она присела напротив того места, где в последний раз видела чудовище. Предварительно расстелив куртку, чтобы, в случае чего, не пропустить его появления, она оперлась о стену и попробовала отдохнуть, привести свои мысли в норму.

Сидя в таком положении, успокоившись, она заметила, что земля на том месте, где раньше был О'Шемира, мокрая. Она отдает каким-то зеленоватым оттенком. И происходить это начало только теперь, потому как еще несколько часов до этого здесь были лишь руины. Этот участок земли очистили совсем недавно. Ее заинтересовал этот момент, но сил, чтобы встать и, как ей хотелось, потрогать почву руками, у нее не осталось. Она почувствовала еще большую усталость. Невыносимо захотела спать. Попытки сопротивляться ни к чему не привели, и она все же уснула, видя все те же странные и жуткие сны.

«Я не сумасшедшая. Я не сумасшедшая».

Засыпая, она верила, что О'Шемира хоть и ослаб, но никуда не делся. Она ощущала его присутствие и рядом, и в себе, чувствовала его на каком-то подсознательном уровне, потому верила, что он все еще здесь, но почему-то просто его не видит. Почему и что тому виной — не понимала.

Юля спустя несколько часов проснулась от головной боли и с трудом разомкнула веки. В глазах рябило, из-за рези и сдавливающей боли в висках она почти ничего не видела. На улице уже достаточно сильно потемнело. Остатки стен скрывали от последних лучей заходящего солнца то место, где она сидела. Ветер неприятно пробирался к ней под тонкую футболку, устилая кожу на спине мурашками. Она сидела в полумраке. Достав из кармана джинсов телефон и не без усилий настроив фокус в глазах, увидела, что на экране две минуты девятого.

— Война войной, — произнесла она, поднимаясь на ноги и продирая осипшее горло, — а обед по расписанию, да, ублюдок?

Она включила фонарик на телефоне, чтобы осмотреться, найти свой рюкзак, но тут же от неожиданности ахнула и отпрянула назад. Прямо перед ней, в свете фонаря, был

О'Шемира. В том же виде, ничуть не изменившийся в форме, только более прозрачный, чем раньше. Все так же отражаясь гранулами зеленого свечения, он, словно внутренними потоками жидкостей, переливался из щупалец к центру неосязаемого тела, далее расширялся и в обратном движении растекался до краев каждого из своих левитирующих членов.

Юля не испугалась его внезапному появлению перед глазами, но эффект неожиданности сделал свое дело.

— А вот и ты, субчик! Как поживаешь? Как тебе жилось без меня? Скучал? — спрашивала она, хмуря брови от боли в висках.

Но монстр молчал. Молчал в обычном понимании этого слова. Но в сознании девушки его слова отдавались гулом и многократным эхом. Говорил он или же просто издавал какие-то звуки — разобрать Юля не могла, но понимала, что он пытается что-то ей внушить, но слишком ослаб. Именно в этот момент он кормился ею, вытягивая из нее жизненную энергию для своего насыщения. Но этого было недостаточно. Для полного восстановления сил ему нужно множество подчиненных душ, но в его распоряжении была только одна единственная девушка. И сколь бы сильна она ни была, этого недостаточно. И Юля это понимала.

«Почему же тебя не видели рабочие, когда откопали? И почему я тебя не видела днем?» — думала она, всматриваясь в заволаживающее мерцание переливов его тела.

— Кстати, у меня тут есть одна интересная книжечка. Ты стал литературным персонажем, представляешь? Ай, да прекрати ты жрать меня, а то не почитаю тебе о тебе же. А ты ведь хочешь послушать? Я-то теперь знаю, что существо ты действительно разумное. Не знаю насколько, но вроде как что-то умеешь думать. Высоков, ой прости, Высший, так ты его называешь? Он достаточно лестно о тебе отзывался, когда писал свои мемуары. Вот, послушай, сейчас, найду только.

Она достала из рюкзака обернутую в футболку книгу и раскрыла ее перед О'Шемирой. Направив свет фонаря на книгу, чтобы найти нужную страницу, заметила, что зеленое чудище стало еще более прозрачным, почти незаметным глазу.

— Чего? — вырвалось у нее, и она вновь направила на него фонарь — О'Шемира тут же материализовался. — Так ты что это, только в искусственном свете виден, что ли? Ну-ка!

Юля снова убрала фонарь, направив его на стену позади себя, и чудище практически полностью пропало с видимости, хотя в отражающемся от стены свете все то место, на котором находится монстр, очень хорошо просматривается.

— Вот ты у нас какой! Все с тобой понятно теперь. Милашка,

свет любишь, а в темноте прячешься! Тебя еще никто милашкой не называл? Еще бы, такую тварь инопланетную, высасывающую жизнь из ничем неповинных людей, по-доброму величать? Ишь чего захотел. Но у меня сегодня настроение хорошее, потому да, вот так. Ладно, Шемчик, мне пора. Еще увидимся.

Она сама поражалась себе, насколько свободно стала относиться к этому существу, в очередной раз убедившись, что он настоящий, а не плод ее больного воображения. И говорила она с ним практически как с другом, реальным существом, почти как с человеком, которого можно потрогать, взять за руку. Которого она так сильно хотела убить. А выражение доброты в словах, преодолевая неприятную боль, пускай уже и далеко не такую сильную, как раньше, было наполнено сарказмом, суть которого вряд ли смогло бы понять подобное существо. Но ее это мало заботило.

Собрав свои вещи, забрав с земли и отряхнув куртку, Юлия оделась и вышла из развалин бывшей лечебницы. Идти обратно пришлось через дыру в ограждении, потому как ворота снова были заперты полицейскими на толстую цепь по завершении работ этим днем.

Выйдя за ограду и оказавшись на широкой грунтовой дороге, лишь некоторые участки которой выхватывались из темноты светом ее фонарика, Юлия то и дело спотыкалась на ухабах, сбивая кроссовки. Она начала озиаться по сторонам. Ей стало немного страшно. И не удивительно, ведь она сейчас совсем одна в глуши, так далеко от дома и цивилизации. Конечно же, вряд ли кто-нибудь мог разгуливать здесь в поисках аппетитной молодой девушки ради плотских утех, но пробегающий холодок по коже на спине она все же ощутила.

Как спасательный круг утопающему в море, она вдруг вспомнила о визитке в заднем кармане джинсов. Достав ее и высветив на ней номер телефона таксиста и имя, она проверила сигнал сети и наспех набрала цифры.

— Алло, — прозвучал из динамика едва знакомый ей голос после нескольких долгих гудков.

— Александр, Саша, это вы?

— Кто это?

— Это Ю... простите, мы не знакомы. Вы подвозили меня недавно.

— Я много кого подвозил. — Его голос казался слегка раздраженным.

— Я та самая «чудаковатая девушка», помните? Мы с вами еще общались о набегах в «Колоски», сидели у психушки.

— А... — радостно протянул парень. — Ну конечно, помню

вас. Ну так чего звоните-то?

— Могли бы вы меня забрать сейчас отсюда?

— Я так понимаю, вы мне звоните по номеру с визитки, что я вам дал. И нужно было вот так объясняться, чтобы просто вызвать такси по адресу? Кстати, по какому адресу? Да, я работаю сейчас и как раз свободен, почти. Минут через десять освобожусь.

Парень слишком сильно разговорился, как для обычного таксиста, принимающего очередной заказ. Возможно, он думал не только о работе, а еще и о некоем бонусе, договариваясь сейчас с Юлей насчет поездки — такая мысль пролетела в ее голове, но быстро испарилась. Сейчас ей хотелось как можно скорее убраться с этой дороги, с этого места, чтобы оказаться дома, под пледом, с чашкой кофе и в горячих объятиях мужа. Осуществить половину из желаемого, конечно же, невозможно, но остальное — вполне, но только в том случае, если за ней приедут и отвезут домой.

— В том-то и дело, — начала Юля. — Вряд ли вы, принимая очередной обычный заказ, приехали бы за пассажиром сюда.

— Куда «сюда»? — непонимающе спрашивал парень. — А, вы снова у психушки, что ли?

— Да. И мне чертовски хочется домой. Здесь очень холодно и... страшно.

— Извините, сразу не понял. Что ж, спасибо, что объяснили! И не уходите никуда с того места, где мы тогда останавливались, ладно? Я скоро буду. Да, всего доброго. Это я не вам. Все, я уже высадив пассажира, еду за вами. — С этими словами парень положил трубку, оставив Юлю стоять в крошечной тьме посреди дороги, плотно объатой пускай и летним, но таким холодным, даже каким-то зловещим, пугающим лесом.

Она присела на корточки, обняла себя за колени, плотно вжавшись в них лицом, и стала безумно долго ждать света фар машины ее спасителя, которые вот-вот должны осветить дорогу.

Почему-то ей ни капли не было страшно быть здесь одной тогда, когда она приходила за книгой. Не было настолько страшно даже в тот день, когда она пробралась ночью в подвал еще существующей лечебницы. Но сейчас ее переполнял страх, причины и происхождения которого она не понимала. Были предположения, в которых она боялась признаться даже самой себе — одиночество. Все дело в одиночестве. Ее больше не грела мысль, что, если с ней что-нибудь случится, муж и сын станут искать ее и точно найдут. Теперь же все изменилось, и исчезли она с лица земли, о ней будет переживать, возможно, только подруга, которая понятия не имеет, что сейчас происходит в ее жизни. Та подруга, которую она успешно игнорировала последнее

время.

Прошли бесконечно долгие двадцать минут ожидания, но обещанная машина такси, в появлении которой Юля уже успела разувериться, все же приехал за ней.

Александр пытался кое-как разговорить девушку, пока вез домой, даже спрашивал ее имя, но Юля и без того чуть было не сказала лишнего, еще тогда, по телефону. Интересной беседы не вышло, потому он бросил свои попытки и остаток пути, проносясь по улицам уже засыпающего города, ехал молча.

— Спасибо большое, что приехали.

— Это моя работа, — ответил парень, пожимая плечами. Он думал, расплатившись, она уйдет, как и тогда, как и все пассажиры. Но она почему-то все еще сидела рядом с ним, потупив взгляд куда-то вниз. Спустя несколько секунд такого неловкого молчания он спросил: — Задавать вопросы, почему вы были там в такое время суток, я так понимаю, не стоит, да? Хотя это и очень подозрительно.

— Юля, — крикнул он, когда та, проигнорировав его слова, извинилась и поспешила выскочить из салона.

Обернувшись, она слегка удивленно проговорила:

— Не помню, чтобы называла вас своего имени. И весь этот спектакль по пути сюда... Для чего он, если ты знал, как меня зовут? — Перейдя на «ты», она снова опустилась в сиденье.

— Простите. Не мог же я сказать сразу: «Слушайте, Юля, а каково вам было в психушке?» К тому же я знаю, что попали вы туда не по своей воле, как и не по проблемам с головой...

— И когда ты это понял? — холодно спросила Юля.

Парень какое-то время колебался с ответом, снова отбивая какой-то ритм пальцами по рулю, а потом громко, глубоко вздохнул и сказал:

— Когда вы взяли из моих рук визитку. Это выражение лица, боль в глазах, нежелание принимать помощь, хотя вы искренне хотите, чтобы...

— Чтобы что? — резко переспросила девушка, слегка оскорбившись такой прямоте, хотя понимала, что это правда. Она также понимала, что именно он имел в виду, но спросив, передумала слышать ответ из его уст. И он, к ее счастью, не ответил на прямо поставленный вопрос.

— Знаете, я позже разузнал об этой истории, о вас. Мне очень жаль, что все это произошло с вами, с вашим отцом, что все произошло именно так. И хочу вам помочь, правда. Но не подумайте только, что это из-за жалости. Нет. Я правда...

— Спасибо. — Юля говорила, обратив лицо к выходу. — Я вам позвоню еще, скоро. Можно? Мне нужно там кое-что

закончить. Пока не знаю как и когда, но...

— Конечно! — с улыбкой ответил парень.

Юля в последний раз обернулась к водителю, улыбнулась и вышла из машины.

Она не стала уточнять причину его доброго отношения к ней. Возможно, она заключалась все-таки в жалости, которую он так пытался скрыть, хотя и сказал, что не поэтому. А может, понимал, что она просто должна во всем разобраться. Ради самой себя или ради места. Был в ее голове и вариант, что парню просто интересно, чем все это закончится, ввиду своей молодости и любознательности. А как узнать все, если не принимать хоть и косвенное, но участие в ее поисках истины. Историей о ней он наслышан, судя по его словам, потому сказал явно меньше, чем знал на самом деле. Но забивать себе голову еще и этой информацией Юля не хотела.

Зайдя в квартиру, она не раздеваясь легла в постель и практически мгновенно уснула.

Глава 17. Дело принципа

Отоспавшись, одиноко провалявшись без памяти в большой постели добрых девять часов, она приняла душ и оделась. Захватив с собой рюкзак с книгой и все еще нетронутой бутылкой воды, она покинула квартиру и направилась в кафе, через дорогу от своего дома.

Готовить завтрак ей совсем не хотелось, как и есть в полном одиночестве. А шумное заведение, пускай и ранним утром, через стекла витрин которого она сможет наблюдать за другими людьми, могло помочь почувствовать себя хоть и не частью мира, но уже не настолько отрешенной и всеми брошенной, несчастной девушкой. Она надеялась, что эта атмосфера развеет ненужные, без разрешениярывающиеся в голову мысли. Скверные мысли.

В кафе большая половина столиков еще была свободна. Лишь некоторые из них занимали одинокие мужчины в возрасте, читающие утреннюю газету за чашкой кофе. Были и девчонки, звонко смеясь, обсуждавшие какие-то свои, девчачьи темы. На вид им было лет по семнадцать, не более.

«Какой сегодня день? — думала Юля. — Неужели выходные, что молодежь не на учебе? Или они прогуливают лекции?» Она совсем потеряла счет дням, всецело отдавшись решению своих личных проблем. Ей во что бы то ни стало нужно разобраться с О'Шемирой, освободиться и телом, и душой, и мыслями. Все ради того, чтобы вернуть себе свою прежнюю жизнь. Вернуть семью. «Как там Никита? Хорошо ли о нем заботятся? Кто ему готовит завтраки? Кто стирает одежду и помогает с уроками?» Все эти мысли внезапно атаковали ее разум, от которых пришлось буквально отмахиваться, встряхивая головой, растрепывая выцветшие, давно не крашенные волосы, постепенно возвращающиеся к своему родному цвету — русому. Со всей этой суматохой она совсем забросила заботу о себе самой.

Заняв свободный угловой столик у окна, она заказала у тотчас подбежавшей к ней официантки порцию блинчиков с клубничным джемом и большую чашку кофе. Больших, конечно же, не оказалось. Девушка сказала, что может периодически подливать ей свежий напиток в чашку, если ей это потребуется. На что Юля была вынуждена согласиться.

Ожидая свой заказ, она достала из рюкзака книгу, разложила перед собой на столе и нашла страницу, на которой в прошлый раз остановилась.

Подпись в начале страницы: «ДВ 1946».

«Когда моя горячо любимая жена возжелала разделить со

мною вечность, приняв дар от моего повелителя, все, казалось бы, начало налаживаться.

Наше общее дело по увеличению последователей набирало обороты. Всему этому заслуга именно моей Надежды. Как в последствии выяснилось, что звали ее совсем не так, о чем я подозревал с самого начала. Лишь со временем для меня открылось ее истинное имя. Это произошло, когда мы вместе с ней и другими моими людьми приходили следующим после полнолуния днем в ее родное поселение.

Первой ее узнала мать, увидев ее счастливой, полной жизненных сил и энергии. Она бросилась обнимать родную дочь, обливаясь слезами радости, что та встретила не гибель, но обрела неподдельную любовь и заботу от человека, способного дать ей все необходимое. И я не мешал им. Они наслаждались друг другом, упиваясь нежностью в объятиях и делясь своими горестями и радостями.

Это сблизило наши народы — обычных, смертных людей и нас, пользующихся даром вечной жизни.

Отныне никто не препятствовал нам в сборах людей, с радушием отдавая их нам для, с уверенностью можно назвать — переплавления. Поселок, благодаря нам, разрастался, процветал и благоухал. В нем всегда оставались только молодые, крепкие и здоровые люди. Поселок навсегда избавился от стариков и немощных. И все это благодаря предложенным О'Шемирой условиям. Но это было позднее.

А тем днем, первым днем нашего общего с ней визита к другим людям, я узнал, что мою возлюбленную зовут Юлия — это имя, падая в колени перед дочерью, кричала бедная мать, однажды потерявшая и вновь встретившая свою кровинку. Такое имя было дано моей жене при рождении, но Надеждой назвала ее мать лишь тогда, со слезами на глазах и горечью безысходности в сердце, отдавая свою дочь в руки неизвестности. Она не знала, никто из жителей Колосков не знал, что ждет юную девушку в том месте, куда ее забирают. А теперь, изменив свое мнение, весь люд поверил во благо моих намерений, намерений моего Владыки.

Но напрасно, как выяснилось позднее.

Вверив мне одного из своих мужчин, мы распрощались, обещая вернуться с новым восходом полной луны...

По прошествии нескольких лет моя Надежда подарила мне новую надежду на светлое будущее. Тьмы и порабощения я уже не так желал, как прежде. Благодаря ее искренней, чистой любви ко мне, я увидел новую истину, позволившую мне мыслить в ином ключе — она родила мне прекрасного сына, и мы назвали его Михаилом.

Я души не чаял в этом малыше, столь красивом, крепком и сильном, вобравшем в себя все черты двух совершенных, вечных родителей. Он был прекрасен во всем.

Я и помыслить не мог, что в моей жизни может появиться еще один смысл к существованию, уже третий смысл, помимо служения хозяину. Я обязался заботиться о жене и воспитывать сына. Я передавал ему все мужские черты характера, вселяя в него силу, веру в себя и умение быть настоящим мужчиной. А жена, в свою очередь, прививала ему любовь, мудрость и человечность, наряду со всеми другими материнскими дарами, в совокупности выковывая из мальчика зрелого человека, способного творить воистину великие деяния. Я был горд сыном и отдавал ему всего себя.

Моему хозяину очень не нравилось, что я отодвинул на второй план его указания, поставив превыше всего свою семью. Но меня это более не сильно заботило, хотя и приходилось временами терпеть его наказания, напоминавшие мне о важности главной задачи, поставленной передо мной многими годами ранее. Задачи, благодаря и ради которой, по его мнению, мне следовало жить. Любовь и преданность для него были чуждыми понятиями. И вскоре его терпению пришел конец.

О последствиях этого я узнал не сразу. Прошли годы перед тем, как я стал замечать изменения в своей любимой жене. Она стала чахнуть, теряя прежнюю красоту и способность блистательно мыслить, вопреки обещанной моим хозяином вечной совершенности.

Он предал меня, предал мои идеалы.

Да, я стал преподносить ему меньше пищи, потому в случившемся есть и моя вина. Но я рассчитывал на понимание, на вознаграждение за бесчисленные года своей преданности. Но взамен оказался сам грубо обманут и предан им.

Мой хозяин, коим я его более не желал называть, от недостатка пищи стал питаться моею дорогой женой. А сила ее была гораздо питательнее любого из тех безвольных людей, которых я приводил ему прежде. Сила духа, подкрепленная могуществом чувств, любви, не знающей границ, оказалась вкуснее всех прочих лакомств, предоставляемых ему мною.

Юлия не рассказывала мне о своих страданиях, причиненных ей О'Шемирой. Возможно, не хотела ранить моих чувств, или же попросту не понимала причин своего скверного самочувствия. Я ходил в неведении до тех пор, пока не стало слишком поздно. Процесс увядания был необратим, к тому же вопреки всем моим мольбам О'Шемиры оставить ее, он не соглашался. Даже под предлогом достать ему сотню тех, кого он сможет испить до дна,

он был непреклонен. Он распробовал истинную силу, подкрепляемую настоящими, неисчерпаемыми чувствами. И отказываться от источника не захотел.

Я не в силах был ему помешать. Моя горячо любимая жена, мать моего драгоценного сына — милая Юлия, на моих глазах превращалась в безмозглую и безэмоциональное существо, день за днем иссыхающее, навсегда теряющее свой несравненно прекрасный облик. Это разрушило меня в основании».

— Какая же ты сука! Чертова тварь!

— Простите, что вы сказали? — спросила официантка, принеся блинчики и чашку кофе к столику Юли, глядя на нее ошарашенными и полными непонимания, чем заслужила такое оскорбление, глазами.

— Ох, — произнесла Юля, прикрывая рот рукой, только теперь осознавая, что находится в помещении не одна — настолько она увлеклась книгой. — Простите, пожалуйста, это я не вам. Я тут... — Она указала взглядом на книгу. — Это я о сюжете книги, понимаете ли. Забылась немного.

Официантка рассмеялась, извинившись за недопонимание, поставила на столик перед ней тарелку со столовыми принадлежностями и чашку кофе на широком блюде.

— Вот, — сказала она, улыбаясь, — приятного аппетита. Еще раз извините!

Юля виновато улыбнулась официантке и пододвинула поближе свой завтрак, отодвигая в сторону книгу, показывая, что собирается приняться за еду. Но есть ей уже не особо хотелось. Ее настолько переполняли эмоции, нахлынувшие на нее за чтением нескольких последних абзацев, что даже такое странное совпадение ее имени и имени той девушки во внимании отошло на задний план. «Как? Как можно поступить вот так? Это же... Нет, так нельзя! Каким нужно быть чудовищем, чтобы вот такое сотворить?!»

Она с трудом забросила в пересохший рот кусочек блинчика, тут же запивая его крепким кофе, и принялась читать дальше. Весь окружающий ее мир показался ей песчинкой, чем-то неважным по сравнению с описываемыми в книге событиями. Больше всего на свете ей сейчас хотелось любым путем уничтожить ублюдка, жертвующего всем, даже самым прекрасным, ради своего насыщения, власти и величия. Такое создание не достойно жизни. И Юля пообещала себе уничтожить его во что бы то ни стало, пусть для этого придется даже пожертвовать собственной жизнью. Эта жертва будет намного важнее того горя, пережитого несчастным Высоковым и его женой.

Усилием большой воли она смогла взять себя в руки, чтобы читать дальше. Она дала себе обещание, от которого ни за что не откажется, но именно сейчас, в этот момент, она бессильна. Нужно закончить книгу, чтобы понимать все мотивы, а, возможно, и способы воздействия. Наверняка Высоков еще не все сказал. Его гнев на О'Шемиру только начинал расти, а до конца летописи оставалось не так много страниц — меньше трети от общего объема книги.

И она стала читать дальше.

«У меня были мысли покончить с собой, когда я понял, что ничем не способен помочь любимой жене, как и помешать О'Шемире питаться ею. Но я не мог позволить себе такой исход. Даже потеряв Юлию, я все еще имел ответственность перед нашим сыном, который, подрастая и набираясь мудрости, нуждался в объяснениях.

Что происходит с моей матерью? — спрашивал он. — Почему она мучается? Почему никто не способен помочь ей? И, в итоге, что ждет ее, имеющую бессмертное тело, но иссушенный разум, неспособный отличать день от ночи, врага от любимого человека, как и добро от зла?

Я не мог дать ответов на его вопросы, хотя и понимал, что тьма, окутавшая ее — так же вечна, как и она сама. Она будет такой до тех пор, пока жив сам О'Шемира и последний из тех, кто его питает.

Я негодовал, злился, проклинал О'Шемиру за его предательство. Я служил ему столько лет, отдавая всего себя его желаниям, а он пренебрег моей единственной просьбой, уничтожив то самое важное, что появилось в моей жизни — мою любовь.

Я не смог простить его, затаив злобу глубоко в душе своей, хотя и не показывал ее ему. Я поклялся отомстить, лишь найдя способ, которым смогу убить этого монстра. Никакие блага больше не имели для меня ценности, кроме мести. Моя клятва стала единственным, что движет мною и ради чего я жил с того момента и до этого дня. Я не сдамся, никогда не отступлюсь. Я буду жить до того дня, пока не умрет мой злейший враг, погубивший единственный, не считая моего сына, смысл жизни...

Я выполнял свои обязанности. Все делал как и прежде, но уже без того рвения и безукоризненной преданности.

Наступил момент, когда для полчищ безмозглых, неразумных созданий не осталось места в нашей обители, а мир вокруг нас с течением лет приобретал все новые потребности, развиваясь в технологиях и принося с собой разнообразные новшества, попросту отмахнуться от которых было нельзя. Люди из других, более обширных и населенных городов, облаченные в значимые для них

мундиры, с оружием, способным навредить даже нам, стали приезжать и задавать вопросы. Вопросы, которые нельзя было впредь оставлять без ответа. Нависавшая над нами угроза становилась слишком реальной.

Решить все это можно было и силой, используя мощь собранной мною армии живых мертвецов, но О'Шемира почему-то стал одержим лишь собственным голодом, а потому не принимал никакого участия в развитии и продвижении затеянной им много лет тому назад кампании.

Мне пришлось брать бразды правления на себя, только бы сохранить то, что имею. Сохранить жизнь, тем самым имея шанс отомстить, когда найду способ и когда буду готов совершить задуманное...»

Временные интервалы между написанием новых глав все росли и росли. Следующая глава уже была датирована началом двухтысячных годов. В углу, около начала текста, виднелся символ, увиденный ею впервые еще дома, на кровати, в ночь «осознания разрыва». Начертанное изображение являло собой всем известную змею, обвивавшую широкополую чашу на высокой ножке. Змея, медицина, яд.

«Года неумолимо летели вперед, оставляя позади все, к чему я привык. Лошади сменились автомобилями, мечи и ножи — огнестрельным оружием, прибегать к помощи которых я не очень-то и хотел. Мир стремительно развивался, а я был вынужден шагнуть в ногу с ним, чтобы иметь возможность отвечать перед выстроившимися порядками и законами плотно обступившего меня со всех сторон мира.

Вскоре из своих личных источников, горестным путем, понеся большие потери, я узнал, что по всему свету создаются специальные учреждения, в которых непрерывно проводится лечение людей, чьи умы подвержены истощению, чьи поступки более не имеют логической подоплеки. Такие учреждения назывались больницами или пансионатами, а еще — лечебницами для людей с особыми отклонениями в работе мозга, врожденными или приобретенными.

Так ко мне пришло понимание необходимости следующего: первым делом я должен был построить здание, именуемое психиатрической лечебницей, где смог бы помогать людям справиться с психическими расстройствами, что преследовали несчастных на их жизненном пути.

Для этого я был вынужден обучиться очень многим дисциплинам, приобрести знания и навыки, дабы получить право вмешиваться в больные разумы людей.

Все это, ввиду моего вечного, совершенного мозга и

способности очень быстро обучаться, поглощая неисчислимые объемы информации, вместе с уже приобретенными за года жизни знаниями, я смог стать тем, кого уважали и ценили как специалиста в узкой на то время области медицины.

Я процветал, улучшался, непрестанно совершенствовался. В то время моя дорогая жена, уже полностью преобразившись, была заперта на третьем этаже построенной мною лечебницы для умалишенных. Она в тайне от всего мира продолжала существовать за стальным замком, в отсутствии дневного света и возможности узнать меня и своего сына.

Моя скорбь с годами утихла, сменившись каждодневной заботой о пациентах. Утихла скорбь, но не желание отомстить, которое с каждым годом лишь возрастало. Только способа покончить со всем этим я все никак не находил. Я лишь больше и больше погрязал в рутине ежедневных дел и необходимостей притворяться тем, кем я на самом деле не являюсь.

На какое-то время я был вынужден оставить свой пост главного врача в собственной больнице, потому что люди начинали задавать вопросы о том, как может случиться, что человек, управляющий всем в этом месте, не меняется, не стареет и всегда, в любую пору лет, остается таким же, как и десяток лет тому назад.

На несколько лет я отошел от дел, но лишь для виду. Я передал внешнее управление больницей своему доверенному человеку, следовавшему за мной из начала моих лет и по сей день, а управлял всем из тени. Он помог людям привыкнуть к новому главврачу психиатрической лечебницы. Но когда подошел конец и его срока, я вернулся. Вернулся с новым лицом, насколько смог его преобразить, и с новым именем. Отныне я называл себя Русланом Дмитриевичем Высоковым».

Юля сидела с широко открытыми глазами, глубоко шокированная всем прочитанным. Только не знала, что ее поразило больше: сам доктор Димитрий, он же Руслан Дмитриевич — человек, проживший несколько человеческих жизней в вечном поиске способа отомстить хозяину, или же то странное совпадение имен и внешности той девушки с ее собственными. Тревожила ее и судьба несчастной девушки. «Как можно так поступить? — вновь и вновь задавалась вопросом Юля. — Каким монстром нужно быть, чтобы поступать вот так? Любовь вкусная? Что? Да, любовь имеет внушительную мощь, придает много сил тем, кто действительно любит. Но воспользоваться этим, чтобы насытиться... Чертов выродок преисподней, или откуда ты там?»

Она вдруг задумалась о том, что могла видеть эту Юлию в

той круглой комнате, когда приходила за отцом. Пыталась вспомнить оставшиеся черты лица той милой девушки, описываемой Высоковым в книге. Хотя бы в том виде, если она изменилась, какой она приобрела в итоге. Но разве вспомнишь такое, если даже не имел представления, на что смотреть. Это все показалось ей очень грустным. Даже прискорбным — видеть, как день за днем твоя любимая угасает. А все только из-за алчности и бесчувствия того зла, поселившего в ее рассудке, в ее венах.

Юля со стороны выглядела очень подавленной. Только ее не особо заботило то, что подумают о ней прочие посетители заведения. Вся эта боль, порожденная ее человечностью, сочувствием и состраданием, рвалась из нее наружу слезами.

— У вас что-то произошло? — раздался женский голос откуда-то за спиной.

Это была женщина средних лет, сидевшая за соседним столиком. Она услышала всхлипывания Юли и решила узнать, все ли в порядке.

— Простите, — не дождавшись ответа, продолжила она, — это не мое дело, конечно же, но, может, я могу вам чем-то помочь?

Юлю поразила доброта в ее голосе и желание узнать, почему та плачет. Она ничего не отвечала, пытаясь вернуться в свою реальность, в мир, где не каждый хочет обмануть и уничтожить, лишь бы получить свое. Такое отношение — обычное, людское отношение — в порядке вещей у нормальных людей. Но проникнувшись до глубины души сюжетом, столь реальным сюжетом, примерив на себя всю ту боль утраты и озлобленность в связи с предательством такого масштаба, ей было очень сложно вспомнить, что находится она сейчас не там и не в то время. Хотя бесчувственных тварей предостаточно и среди обычных людей.

Она обернулась к женщине и сказала:

— Все в порядке, да. Спасибо. Простите, что я... — Юля не знала, за что извиняется; наверное, за беспокойство той женщины, ведь она вполне могла не обратить на ее плач никакого внимания, но все же решила спросить. А осознав всю комичность ситуации, рассмеялась и добавила: — Я тут книгу читаю. Здесь такой сюжет... Не поверите, я из-за этого и расплакалась. Сама от себя не ожидала.

Женщина мило улыбнулась.

— Что ж, и такое бывает. Я в свои годы тоже немало наревелась по любимым персонажам книг. Но, как бы там ни было, эти эмоции нам — девушкам — очень нужны. Лучше выплакаться из-за сюжета книги, чем реалий этого несовершенного мира.

— Согласна с вами, — между делом добавила Юля.

— Но, что важно не забывать, книги — это всего лишь книги. Пускай и пишутся они зачастую из событий так или иначе связанных с чьей бы то ни было реальной жизнью.

Пока Юля обдумывала ее слова, проговаривая про себя фразу «ты чертовски права, мать», женщина поднялась, вышла из-за столика и поковыляла к выходу, напоследок вновь подарив Юле свою искреннюю улыбку, от которой в уголках глаз появилось множество морщинок. Она почему-то напонила ей ее маму, когда та еще была совсем молодая, но уже побитая жизнью. Болезни и нервы измотали ее, но вопреки всему она была тем человеком, который дарил всем вокруг улыбки и радость. Это и вырисовало на ее лице похожие морщинки, появляющиеся только у по-настоящему добрых и искренних людей.

Мысль о матери согрела ей душу, но и напонила о семье. О том, что от нее осталось — лишь младшая сестра Аня.

Все это время она прокручивала в голове историю несчастной девушки и пронесенное Высоковым сквозь года желание отомстить, что так и не увенчалось успехом. И это, наряду с мыслями о сестре, натолкнуло ее на одну очень интересную идею. В то же мгновение в ее сознании создалась целостная картина всех ее дальнейших действий. Вся, до мельчайших подробностей. В ее голове это выглядело, будто бы писатель, не знающий финала почти дописанной книги, в которой не хватало лишь развязки, и получил озарение, детально разглядев финальную сцену вплоть до самого последнего предложения. Этим писателем почувствовала себя Юля. Она создала в воображении цепочку событий, что приведет ее к задуманному ею завершению. И лишь поставив точку в последней главе, она сможет успокоиться и с облегчением выдохнуть. Осталось выполнить все в точности так, как она себе нарисовала.

Она закрыла книгу, вложив салфетку между страницами в качестве закладки, и достала телефон.

— Аня? Привет! Это Юля...

Глава 18. Разведка

— Юля? Привет. Я как раз хотела тебе звонить. Но не знала, ответишь ли ты...

— Прости, пожалуйста, — отвечала Юля мягким голосом, — я хотела, но забегалась. Дел столько, понимаешь? Вот, только сейчас смогла перезвонить. Как ты?

Аня в ту же секунду стала рассказывать, как у нее дела, насколько живо движется ее реабилитация, сколько новых друзей она встретила и прочие мелочи ее радостей. Но Юля уже не слушала ее. Она аккуратно положила телефон на стол и начала укладывать в рюкзак книгу, отсчитывать мелкие купюры по счету за завтрак и допивать уже остывший кофе. Только после этого, подняв телефон, услышала: «...невероятно, мне так нравится. А завтра еще занятия, представляешь?» и сказала:

— Да ладно? Ну и дела!

Понятное дело, что этот восторг был не совсем уместен. Как минимум в таком варианте. И любой другой человек догадался бы, что его не слушали, но не Аня. Она же настолько завелась в своих рассказах, что ей, казалось, даже было плевать, слушают ли ее вообще.

— Представляешь? Вот так! Кстати, а может, и ты хочешь присоединиться?

«Пока все идет точно по моему плану», — думала Юля.

— Присоединиться к чему?

— Пилатес! — воскликнула восторженная девушка на том конце. — Это такая система физических упражнений, разработанная... эм... как его? Напомни. Помню, что фамилия у него тоже Пилатес.

— Хуберт Джозеф Пилатес, — дополнила Юля. Она знала много интересного, ввиду своей профессии библиотекаря, и могла поделиться с сестрой огромным количеством информации на различные темы. Но, желая поторопить события и избавиться от пустой болтовни, наконец перейдя к сути, спросила: — Так, хорошо. А где вы занимаетесь? Вас кто-то инструктирует? Или как все это происходит? Мне тут, знаешь...

Она хотела добавить, что рука, перелом которой уже практически сросся, не беспокоит, но некая слабость, дрожь, возможно, атрофированность мышц создает ощутимый дискомфорт. Именно поэтому она была бы не против позаниматься по этой методике, если она способна помочь ей восстановить тонус мышц. Но не успела. Аня ее перебила, начав рассказывать о великолепных наставниках, помогающих не

только восстановить утраченное равновесие ментальных сил организма, но и вернуть физические данные, если те по какой-либо причине были утрачены.

Он говорила настолько оживленно и воодушевленно, что вставить слово было практически невозможно. Юле пришлось смиренно выслушать всю историю младшей сестры от начала до конца, лишь изредка выдавая «ох», «да что ты» и «не может быть».

Когда Аня закончила говорить, взяв паузу, чтобы отдышаться, Юля спросила, где находится то место, в котором проходят занятия. Услышав название оздоровительного комплекса «Боди стретч арт», что расположился на окраине Канорска, очень обрадовалась. Учреждение что надо! Хотя и немного удивилась, что впервые слышит о таком в своем достаточно маленьком городке.

— Где-где? — переспросила Юля. — Хочу записать.

— Так ты придешь? Придешь к нам? Класс.

Повторив адрес, Аня еще долго щебетала о чем-то своем, но Юля вновь ушла глубоко в себя, размышляя о воплощении своего, как ей казалось, чудовищно хитрого плана...

— Это моя родная сестра Юля, — радостно восклицала Аня, знакомя сестру с главным наставником по занятиям.

Куратор, или инструктор по пилатесу и йоге — девушка лет тридцати пяти, с черными, густыми волосами, маленькими глазками-пуговками, чем-то напоминавшими цвет мокрого асфальта, и очень уточненной фигурой — сама просила, чтобы ее называли именно так, будто бы здесь учат какому-нибудь тайному мастерству кунг-фу, а не растягиваться и сворачиваться в узелок. Она представилась и начала рассказывать, что ее главная задача не просто показать правильную технику выполнения упражнений, а помочь раскрыть свою чакру, найти свою собственную точку соприкосновения души с неосознаваемым и слиться воедино с потоками природных сил и энергий.

Юле все это, конечно же, показалось полной ерундой. Не то чтобы она совсем не верила в действие всех этих занятий на организм, начиная с мозга. Она понимала, что все, чем человек наполняет свой разум, так или иначе влияет и на тело. Об этом пишут многие мастера подобных искусств, если угодно так называть. Но дело в том, что она не видела от них практической пользы именно для себя. Ей совсем не интересно заниматься этой ерундой, так как задумала совсем другое. Но чего только не сделаешь ради достижения поставленной задачи.

— А также у нас есть свободные места в группе, если хотите, по восстановлению ментального равновесия сил и их баланса, — продолжала инструктор. — Если вам это интересно, могу

ознакомить с нашим преискурантом.

Она еще много чего говорила, заглядывала в глаза, задавала вопросы, но Юля слушала ее лишь краем уха, то и дело пытаясь рассмотреть надписи на табличках дверей по коридору позади инструктора.

Она слушала ее мелодичный голос, льющийся непрерывным потоком, периодически кивала головой, изредка выражая притворное довольство широким спектром предоставляемых услуг, начиная оздоровительным массажем и джакузи, заканчивая тренажерным залом с финтес-тренерами высокого уровня.

— А можно мы начнем с того же, чем занимается моя сестра? — с наигранной, но максимально похожей на настоящую, улыбкой спросила Юля, нарочито обнимая Аню за плечи и прижимая к себе. — Я хотела бы попробовать то же, что и она, а дальше уже будет видно. Я все равно пока что мало чего понимаю из всего сказанного вами. Простите, я никогда не занималась подобным.

Девушка окинула Юлю взглядом, не отбрасывая и тени сомнений или какого-либо презрения в глазах, которые часто можно заметить у людей, пытающихся что-то впарить человеку задорого, но получают отказ. Она же, видно, встречается с подобным ежедневно, потому понимает, что к каждому нужен индивидуальный подход. Как и знает, что это абсолютно нормально — новый прихожанин, если он адекватный, не станет бросаться на все и сразу, как индеец на слона с голой задницей. «Профессионал, — подумала Юля. — Знает свое дело. Только почему-то не пригласила в кабинет для какого-нибудь собеседования. А вдруг я какая-нибудь наркоманка или сумасшедшая, что начнет нападать на всех остальных с когтями, вытираив глаза и оскалившись как собака?»

— Когда хотите начать? — с улыбкой спросила инструктор. — Если у вас нет с собой одежды, в которой вам будет удобно заниматься, то мы можем вам выдать комплект нашей спецодежды. Сможете за него заплатить при первом или втором взносе.

— Я... не знаю даже. Я сегодня не планировала сразу вот так... Думала, мы просто поговорим, договоримся.

— Не переживайте, это все сущие мелочи. Наша группа, вместе с вашей сестрой, начинает... — Она посмотрела на наручные часы. — Да, как раз через пятнадцать минут. Многие уже собрались. Можем пройти в зал, там вы увидите удобный мягкий пол и зеркала, чтобы наблюдать за своим телом в процессе. У нас даже приятная музыка есть. Все для комфорта наших уважаемых посетителей. К тому же первое занятие

бесплатное!

Девушка обхаживала Юлю так, словно единственно важным в ее жизни является привести в компанию нового клиента, а вместе с ним новые чеки за групповое промывание мозгов. Все это выглядело очень странно, и если бы не необходимость задержаться в этом месте хоть на пару-тройку дней, она бы ни за что не согласилась на подобную, как она могла бы выразиться, авантюру. В ее голове даже промелькнула мысль о том, откуда Аня берет деньги на такую обходительность со стороны персонала, ведь наверняка удовольствие быть членом этого клуба по обновлению души и тела, вся эта учтивость, наряду с вылизыванием задниц ради абонемента, стоит немалых денег. Но решила не углубляться в это дело настолько.

Аня же, словно заведенная собачонка, топталась с ноги на ногу рядом с сестрой и поочередно заглядывала в глаза то одной, то другой девушке, ожидая согласия сестры на первое занятие именно сейчас.

— Простите, я сегодня не готова, — с виноватым видом проговорила Юля. — А когда следующее занятие? И, кстати, сколько все это будет стоить?

Девушка выудила из нагрудного кармашка небольшой блокнотик, словно ожидая этого вопроса, и зачитала прейскурант. Среди всего прочего она выделила именно те занятия, которые проходит Аня. А потом, даже не выдержав паузу, что снова выглядело наработкой профессионала — люди, которые озвучивают цены на свои услуги и выдерживают паузу, дожидаясь какой-то реакции потенциального клиента на страшно непривлекательную сумму денег, выглядят достаточно жалко, почему чаще всего и теряют клиентов, — с неизменно лучезарной улыбкой на устах, добавила: — Послезавтра.

Услышав громадный ценник, Юля чуть было не ахнула от удивления. Но совладала с собой и лишь потупила взгляд, делая вид, что обдумывает предложение. На самом деле она думала о деньгах. Деньгах, полученных сестрой после смерти отца. Он ведь немаленькую сумму оставил для двух дочерей. Он хорошо понимал, что день его близится к закату, потому подготовил достаточно серьезный счет, предварительно поровну разделив его между детьми. Теперь Юля понимала, откуда младшая безработная сестра взяла средства на подобные развлечения. «Хорошо, — думала она, — что тратит их не на наркотики. Это, как не крути, лучше того дерьма, которым она заполняла себя, вероятно, каждый день, пока папочка был в больнице».

Тут же она задумалась и о том, что впервые вспомнила о своей доле наследства. Она ведь ни копейки не взяла с денег,

оставленных отцом. У нее даже мыслей об этом не возникало — для нее это кажется слишком низким.

— Я приду послезавтра. На четыре часа, как и сегодня, правильно?

— Да, конечно. Расписание иногда меняется, но все временные изменения мы публикуем на нашем сайте. Вот, возьмите. — Она протянула визитную карточку с изображением какой-то то ли балерины, то ли гимнастки — утонченная линейная фигура и большое красное сердце, обрамляющее девушку. — Можете отслеживать. Если вдруг что, там есть и наши контакты.

Она в довершение своей потрясающей речи сделала жест руками, означающий совершенство во всем. Дополнив его уверенным выражением лица, она сложила руки в замок и поблагодарила Юлю за визит.

— Ой, а у вас тут туалет есть? — спросила Юля будто бы невзначай. — А то что-то...

— Да-да, конечно, — тоненьким голоском пропела девушка. — Дальше по коридору и направо. Там увидите табличку.

Распроставшись с ней, не скромничая в благодарностях за уделенное ей время, попрощавшись также и с сестрой, Юля напомнила, что они уже опаздывают на занятия и направилась прямо по коридору в указанном ей направлении.

В туалет ей, конечно же, было не нужно. Она лишь хотела осмотреться, выискивая процедурные кабинеты или комнату-склад медикаментов. Но видела по пути лишь столовую, кабинет заведующего, санитарное помещение и выход на задний дворик комплекса.

Уборную Юля нашла за поворотом, как и обещала инструктор. Она зашла внутрь, пару минут постояла у зеркала, обдумывая свои дальнейшие действия, умылась и вышла. Стоя на перепутье, соединявшем в перекресток два длинных коридора, она думала: просто выйти тем же путем, ничего в итоге не найдя, или же пройти по коридору в надежде обнаружить интересующее ее помещение? «Сейчас или... послезавтра?» — думала она. Но не смогла удержаться от соблазна и, лишь немного поразмыслив, взвешивая варианты, решила все же пройти по коридору, ведущему вглубь комплекса. На вопрос от случайно встреченного персонала могла бы ответить, что искала уборную, а в эту сторону ее направила Светлана Владимировна — куратор по пилатесу.

Таблички на всех дверях по левую и правую руку от нее сменялись однотипными наименованиями. Большинство из

написанных на них слов Юля даже не встречала за всю свою жизнь, хоть и знала их значение. Все двери были из плотной цельной древесины, а лишь некоторые из них, отведенные под большие залы для занятий другими видами «познания и развития», имели полупрозрачные стекла. Через них можно было рассмотреть интерьер помещений.

На одной из дверей красовалась табличка «интенсивная терапия». Это слово показалось Юле многообещающим. Заглянув через стекло, она увидела несколько столов, расположенных в ряд, словно в операционной, и два стеклянных холодильника в металлической раме, с полками, заставленными различными медпрепаратами.

Предварительно оглядевшись по сторонам и убедившись, что ее никто не видит, она с нажимом опустила ладонь на ручку двери, но та не поддалась — заперто.

— Твою мать! — выругалась она, понимая, что не учла варианта с закрытой дверью.

«И как теперь быть? Просить какую-нибудь медсестру — или кто они тут, не больница же, все-таки, — чтобы та открыла ей дверь, и она смогла беспрепятственно взять себе все, что заблагорассудится?»

Пытаясь сообразить дальнейший план действий, она отошла от двери на тот случай, если ее кто-нибудь заметит.

«Придется все же вернуться сюда послезавтра, черт!»

— Черт! — импульсивно выкрикнула она, не сумев сдержать эмоции.

Но эмоциями делу не поможешь. И Юля тоже это понимала. Потому собрала всю свою волю в кулак и решила, что придет сюда послезавтра. Да, возможно, даже занятия придется посещать. Но цель важнее средств.

С этими мыслями она и покинула здание оздоровительного комплекса. Вернулась тем же путем, минуя широкую стеклянную стену, за которой усердно, в поте лица, трудились девушки и женщины, развивая в себе способность чувствовать и использовать внутренние и неисчерпаемые силы своей души и тела. Среди них была и ее младшая сестра. Юле было до озноба мерзко наблюдать за всем этим. Она считала каждого из этих людей неисправимыми фанатиками, гоняющимися за эфемерными чудесами, ни одному из которых попросту не суждено стать реальностью. — Вы еще О'Шемиру не встречали, дуры набитые! — проговорила она, слегка шевеля губами, и вышла на улицу.

Лишь вдохнув свежий воздух, ей, как по старинке, захотелось поделиться с подругой свежими новостями, ворвавшимися в ее

жизнь так неожиданно, спонтанно, что она на автомате вытащила из кармана телефон и позвонила Тане.

— Да ладно? Ты и пилатес? Ха-ха! Ну даешь, подруга! — Такой была первая реакция Тани на рассказ Юли о столь странном решении — заняться собой и своим телом. — А рука уже не болит? Ты как вообще?

От этого вопроса Юля ненадолго погрузилась в размышления о своем реальном состоянии. Они заставили ее немного поникнуть, что не осталось без внимания подруги.

— Прости, — сказала Таня, — я не знаю, что у тебя на уме, но очень переживаю о тебе. А после того твоего сообщения... я даже не знаю, что и думать...

— Это ты меня прости, — проговорила Юля с нотками самобичевания в голосе. — Я не должна была так отвечать. Мне правда очень дорого твое отношение ко мне, твоя забота. Я никогда не думала, что мне они пригодятся... Именно поэтому я и не понимаю, как правильно на все это реагировать. Прости. Я люблю тебя. Очень. Слышишь?

На несколько секунд между ними повисла тишина. Юля даже проверила, не оборвалась ли связь, но секунды шли.

— Ты здесь?

— Да... Я обещала тебе, что всегда буду рядом. Мы со всем справимся. Я тебя не оставляю.

— Сказать честно, именно это я и хотела от тебя услышать. Спасибо, Тань. Мне очень важно это знать.

И она не солгала. Лишь не упомянула причину, по которой ей именно теперь важна ее поддержка и преданность в этот период времени. «Тебе этого лучше и не знать», — проговаривала про себя Юля, а вслух произносила очередную благодарность подруге за поддержку и за то, что не оставляет ее в трудную минуту.

— Я тебе завтра позвоню, ладно?

И попрощавшись, Юля положила трубку.

Этот разговор успокоил ее, придав сил и позволив набраться терпения на выполнение предстоящей задачи.

Глубоко вздохнув, она спустилась по ступенькам на тротуар около здания оздоровительного комплекса и направилась на поиски машины такси. Больше всего она хотела сейчас вернуться домой и смыть с себя весь этот день, готовясь к своему новому амплуа. Она надеялась, что эту роль заинтересованности в занятиях играть ей придется не долго. Но все же придется. Она понимала: что бы ни произошло, как бы ни повернулись события, ей необходимо пробраться в тот кабинет. Только так можно найти выход, только так можно решить поставленную перед ней задачу — отомстить выродку за душу невинной девушки, как и многих

других, чьи жизни были разрушены под влиянием О'Шемиры.

Глава 19. Все тайное становится явным

Вернувшись домой Юля, как и планировала, приняла душ — лежать и откисать в ванне ей совсем не хотелось, перекусила остатками давнишней еды из холодильника, даже не разогревая, и откупорила бутылку вина. Бодриться, снова поглощая кофе, как она любит делать практически в любое время суток, сейчас тоже не хотела. В ее планах было дочитать книгу и в кои-то веки нормально отоспаться. Ночами до этого она спала достаточно много, но беспокойно, то и дело просыпаясь от нелепого кошмара или просто ворочаясь по кровати, обдумывая свои дальнейшие действия. Тот сон, скрючившись за столом над книгой — вообще отдельная история.

Она остановилась посреди кухни, запахивая халат и потуже затягивая на талии пояс. В раковине все еще лежали осколки разбитого ею бокала в день ссоры с Артемом. Рядом грудилась гора немытой посуды. «Кому она нужна? Пусть стоит и ждет своего часа», — думала Юля, ненадолго задерживая на ней безразличный взгляд. Со стороны могло показаться, что он безразличный, но на самом деле перед глазами стояла картина того рокового разговора, принявшего критичный для их семьи оборот. Того разговора, результатом которого и стал ее выбор в пользу решения застрявшей в ее мыслях головоломки. *«Или реши свои вопросы, а потом пролечись, или наоборот».*

Отмахнувшись от воспоминаний, словно от назойливой мухи, она достала из настенного шкафа бокал на высокой ножке, наполнила вином почти до краев и жадно впиалась в него губами, несколькими большими глотками осушив его до дна. Чуть ли не половина бутылки залпом — достаточно объемный бокал. Она несколько секунд скривилась от кислоты сухого вина, понимая, что немного отвыкла от этого вкуса за последние дни, вытерла губы рукой и перевернула бутылку, выливая вторую половину.

Эффекта долго ждать не пришлось. И она уже веселой походкой направилась в спальню. Зажгла верхний свет, уселась в компьютерное кресло, закинув ноги на стол, и достала из рюкзака книгу. Смерила оставшиеся страницы, прикидывая, что закончить с ней сможет даже сегодня, и принялась читать.

«Моя жизнь была достаточно насыщенной. Помимо основной задачи, заключающейся в подношении все новых и новых душ О'Шемире, тем самым делая все, лишь бы он был всегда сыт и не думал о том, как начать кормиться мною, мне теперь приходилось

управлять достаточно крупным учреждением. Благо, что я уберез сына от вечной жизни — от вечных мучений. Это моя единственная реальная заслуга, которой я волен гордиться. Я счастлив, что не отдал своего Михаила этому чудовищу. Рад, что у него есть возможность прожить обычную жизнь, хоть и лишенную множества благ этого мира, сможет состариться и, в итоге, умереть, как обычный человек.

Я же вынужден веками влачить жалкое подобие величия бессмертного человека. Какая ирония.

Эта психиатрическая лечебница стала для меня и работой и новым домом одновременно. Благодаря статусу я мог лечить людей, которым еще можно было помочь, и поставлять пищу чудовищу в качестве тех, кто был уже безнадежно болен. Род моей деятельности стал отличным прикрытием для продолжения нашего общего дела. Хотя лишь О'Шемира и некоторые из его бессмертного детища по-прежнему думали, что мы действительно все еще продолжаем дело, я уже давно для себя решил, что сразу положу этому конец, как только представится такая возможность.

Я не мог и вообразить, как и когда смогу привести в исполнение свой план мести, но верил, что этот день настанет. В конце концов, спешить мне было некуда, а для монстра, как и для меня, годы, и даже десятилетия, абсолютно ничего не означают. Я и не помню уже того момента, когда каждый мой день превратился в рутину и жалкое бессмысленное существование. Я потерял счет дням, месяцам и годам своей жизни.

Но все изменилось в один миг, стоило мне увидеть на пороге своей больницы девушку чрезвычайной красоты. Ее выразительные серо-голубые глаза, волосы, пускай и были темные, но крашенные — у корней виднелся русый оттенок. Я сначала не поверил своим глазам, будучи уверенным, что этого не может быть, вопреки всему сверхъестественному, что я успел повидать за свою долгую жизнь. Нет, такого не бывает, говорил я себе. Обычное внешнее сходство и не более того. Но когда она заговорила, в моей душе зажглось пламя надежды. Я абсолютно точно убедился в том, что эта девушка — моя Юлия.

Я никогда не верил в перерождение души в другом теле. Особенно учитывая, что та девушка, чьим перевоплощением стала эта милая особа, все еще жива! Да, она исчахла телом и разумом, но все еще обладает бессмертием. Также до этого момента не знал, мертва ли ее душа, но теперь убедился — она погибла в тот самый день, когда родилась девушка, стоящая передо мной в дверях лечебницы. Сколько же ей? Двадцать пять? Тридцать лет? Припоминаю, что около тридцати лет тому назад я заметил

последний лучик разума в глазах своей жены».

— Да ну на хрен! — протянула Юля, выпячивая глаза на страницу книги, снова и снова перечитывая последние строки.

Она не могла поверить своим глазам. Думала, что это либо действие вина, от которого она настолько опьянела, начав замечать в тексте то, чего нет, либо же по какой-то другой причине видела лишь то, что сама подсознательно хотела видеть. Как бы там ни было, прочитанное очень поразило ее. Еще несколько минут она выискивала какое-то логическое объяснение этим словам, но так ни к чему не придя, сделала несколько достаточно больших глотков вина и перевернула страницу в надежде, что дальше что-нибудь да прояснится.

«Она говорила о своем отце, который попал сюда по ошибке, по глупой ошибке ее младшей сестры. Скажу честно, я поначалу даже не понимал, о ком она говорит, потому как в моей голове смешались все события тех дней, проведенных вместе с ней. То есть с моей Юлией. Но я уже не разбирал разницы между ними. Мне казалось, что вот она, моя любимая, стоит передо мной во всей своей неопикуемой красоте, только более взрослая, более смелая и зрелая во всех отношениях.

Она говорила о своем отце, а я представлял отца своей жены и не мог взять в толк, каким образом тот мог оказаться в моей больнице, если он умер еще до тех событий, когда я взял с собой эту юную девушку, потеряв ясность ума, грубо и бездумно отняв ее у матери.

Мне потребовалась немалая сила воли, чтобы взять себя в руки и принять реальность, какой она есть: эта девушка, пусть и явилась мне реинкарнацией моей горячо любимой Юлии, не была той самой. А если и так, то не знала об этом. Она прожила свою собственную жизнь, так и не узнав о своем прошлом, о том, что благодаря мне обрела вечность, как и из-за меня же и утратила ее... вместе со всей сущностью».

Дальше Юля читать рукопись не могла и не хотела, лишь наспех пролиставала ее до конца, выхватывая отдельные слова и предложения из всего текста. Она закрыла книгу, оставив лишь несколько страниц, исписанных все более и более размашистым, небрежным почерком. Между строк читалось явное изменение психического состояния автора. Ей казалось, что он метался между двух огней, пытаясь решить для себя, что важнее: отомстить губителю, доказав самому себе, что предательство не может остаться безнаказанным, или же рассказать всю правду девушке, то есть Юле. «То есть мне».

Ей хотелось знать, чем все закончилось, глядя на всю сложившуюся картину именно глазами доктора Высокова, но не

могла. Через все это она уже прошла, видя все собственными глазами, испытав все на собственной шкуре.

Только сейчас она поняла, за что извинялся Высоков в свои последние минуты жизни. Он просил прощения за то, что поддался слабости, за то, что решил чужими руками осуществить месть. Извинялся, что из-за своего плана ей довелось испытать чудовищные мучения.

Проворачивая в голове все эти мысли, к ней снизошло озарение — понимание всего, что на самом деле произошло тем ненастным днем, ознаменовавшимся ее освобождением. «Когда я выполнила задуманное им, думая, что действую исключительно из своих собственных соображений, руководствуясь желанием выжить и спастись, я освободила каждую плененную душу, заключенную в тех стенах. Черт! Ты ведь думал... но ты не знал, что я тоже заражена! Твою ж мать... Ты надеялся, что я чиста. Не знаю, верил ли ты, что я спасусь из того гребаного пожара столетия, но верил, что убив всех «постояльцев» лечебницы, как и весь ее персонал, я лишу О'Шемиру сил. Кормиться ему больше окажется нечем, вследствие чего он погибнет. На это ты рассчитывал?»

Пытаясь отойти от шока, осознав обратную сторону всех событий того времени, она пыталась понять: как так вышло, что она не смогла распознать всего недоумения в глазах доктора, когда впервые с ним встретилась. Как и потом, днями позднее, общаясь с ним в его кабинете. Сейчас ей кажется, что не заметить такого попросту невозможно. Но тогда, по всей видимости, была слишком увлечена своей злостью на сестру и негодованием на сложившиеся обстоятельства. «Насколько же я была слепа! Я думала, что он играет со мной, изображая непонимание, но он действительно думал, что встретился со своей женой».

Мыслей о том, что все было продумано заранее, у нее не возникло. И правда. Ведь все то, что происходило позднее, было самой что ни на есть импровизацией. Попыткой несчастного человека ухватиться за хрупкую соломинку надежды, которая в случае успеха смогла бы принести ему решение его проблемы, избавление от обрыдлого ему существования. А если чрезвычайно сильно повезет — шанс на возвращение утерянного счастья вместе со своей любимой. На последнее Дмитрий, он же Руслан Дмитриевич Высоков, не возлагал больших надежд.

Но лишь малой части задуманного суждено было свершиться.

В очередной раз встречаясь лицом к лицу с невероятным и необъяснимым, но снова и снова убеждаясь в том, что все на самом деле, что все реально, Юлия поверила и в это. Поверила, что она та самая, из-за кого и вопреки чему обязана сдержать данное

обещание. Возможно, она лишь отчасти убедилась, что является не кем иным, как перерождением Юлии из написанной Высоковым книги. И если ее душу на самом деле уничтожил этот ненасытный пожиратель, то данный ей шанс на расплату, вернувшись из небытия, она обязательно должна использовать по максимуму. Каким образом могла воскреснуть душа, однажды погибнув, она не понимала, но и не хотела разбираться. Если такое произошло, значит, этому кто-то поспособствовал. А еще это означает, что задача, которую она возложила на себя, была ей дана не просто так. Это далеко не ее личная прихоть.

«Возможно, это некий знак свыше. Кто-то верит, что я способна избавить мир от этой твари. Потому я смогу это сделать. И я это сделаю!» — проговаривала про себя Юля, борясь с нахлынувшим на нее желанием спать. Если бы она пила кофе, по старой привычке, то наверняка еще полночи провела бы в раздумьях о предстоящем деле. Но вино расслабило ее тело.

Она отложила в сторону книгу, накрыв ее все той же футболкой, встала, сбросила с себя халат, оставшись в одном нижнем белье, и улеглась в постель. В то же мгновение, лишь коснувшись головой подушки, она крепко уснула и беззаботно проспала до самого утра.

Глава 20. Новое амплуа

Следующий день выдался для Юли особенно тяжелым ввиду так ненавистного ей ожидания. Ничто так не выводило ее из себя, как вынужденное бездействие.

Голова после выпитого перед сном вина немного побаливала, не позволяя сосредоточиться. Она пыталась обрисовать в воображении картину предстоящего дня: как и что может обернуться, основной план действий, как и второстепенный, если вдруг что-то пойдет не так.

То и дело поглядывая на телефон, даже несколько раз открывая список контактов, чтобы позвонить подруге и все рассказать, Юля отговаривала себя: «Нет, нельзя ей знать заранее. Только не сейчас. Еще не время. Она может все испортить». Но в итоге не удержалась, решив, что если не по делу, то хотя бы просто по-дружески поболтать им ничто не может помешать.

— Алло, — ответила Таня рассеянным голосом.

— Я не вовремя? Привет.

— А, Юльчик, да, привет. Немного... Сейчас.

На другом конце что-то зашуршало, прозвучал короткий диалог, слов которого Юля не разобрала. Через несколько секунд в трубке послышался протяжный выдох.

— Все, я тут, — сказала Таня. — Юлька, когда ты уже вернешься на работу? Меня здесь на части разрывают.

— Я... эм... Не знаю. Слушай, думаю, скоро уже, наверное. Думаешь, чего меня на питалес потянуло? Реабилитация и все такое. Мелкая говорит, что там какие-то потоки чакр восстановить можно, а они как-то за собой и эмоциональный фон завлекут на светлую сторону, налаживая жизнь. Понятия не имею, что все это значит, даже не верю во всю эту чепуху, но почему бы и не попробовать, правда?

— Конечно, — сказала Таня. — Всегда здорово пробовать что-нибудь новое. Интерес к жизни может пробудиться совсем внезапно, незаметно. У меня так бывало.

— Вот и я...

— Это вон туда поставьте! Это я не тебе. Извини, мне надо идти. Тебя здесь не хватает, правда.

Таня положила трубку. Когда звонок оборвался, Юля осталась смотреть куда-то вдаль за окно, нервно похлопывая телефоном по щеке, так и не убрав его от лица. Ветер колыхал ветки деревьев, люди носились туда-сюда. Все кипело жизнью, только одна она не желала всего этого, пока не завершит начатое...

Следующим днем, с трудом дождавшись назначенного

времени, Юля пришла на занятия. В рюкзак, помимо книги — она сама не знала для чего снова взяла ее с собой, потому как дочитывать ее целенаправленно не собиралась, по крайней мере пока что, но и не хотела оставлять ее дома, — она положила бутылку минералки из магазинчика по пути, легкий топ и шорты.

Аня очень обрадовалась, увидев сестру. Даже, казалось, на лице Светланы Владимировны — инструктора — промелькнула не обычная дежурная улыбка, а именно удовлетворенность тем, что в их обществе появился новый клиент, готовый платить деньги за занятия.

— Итак, — начала Светлана Владимировна. — Мы с вами немножко разогрелись, а теперь давайте постараемся выполнить упражнение «Лодочка». Оно поможет нам подготовить мышцы спины и межреберных позвонков, а также мышцы живота. Я показываю технику, а вы повторяете.

Все как один стали повторять за ней упражнение, качаясь по полу на спине, скрутившись в бараний рог на длинных узких подстилках.

Юля тоже последовала их примеру, бросая взгляды по сторонам и чувствуя себя очень нелепо. Голова начала кружиться от таких перекачиваний, и она закрыла глаза.

— Коленки плотно друг к другу, — слышалось ей откуда-то позади, а на своих бедрах она ощутила прикосновение бархатистой, мягкой кожи рук наставницы. — Вот так, да. Молодец.

— Свет, можно тебя на минутку, — прозвучал грубоватый мужской голос. В приоткрытую дверь зала протиснулась мужская голова в белой шапочке.

— Сейчас, секунду. Продолжайте так еще... еще три минуты. Я скоро приду. Ирина, немножко больше тянем носочки вниз.

Когда инструктор направилась к выходу из зала, Юля решила, что сейчас самое время заняться реальными вещами, а не этой ерундой, потому окликнула девушку, поднимаясь с пола:

— Света... лана Владимировна, что-то мне... — Она погладила ладонью живот, как бы говоря, что ей срочно нужно отлучиться по очень важному и неотложному делу. Затем, не дожидаясь ответа, пробежала мимо нее и выскользнула за дверь.

Девушка вышла из зала вслед за ней и вместе с мужчиной отошла на несколько шагов в сторону.

Юля удостоверилась, что они не смотрят в ее направлении, оживленно что-то обсуждая, и прошмыгнула в коридор, к той же палате интенсивной терапии. Осмотревшись по сторонам, она подошла к двери и дернула ручку.

«Черт... Черт, черт, черт! Снова заперто».

Закрыв глаза, она несколько раз глубоко вздохнула, развернулась и пошла по коридору к туалету. Простояв там минут десять, ополоснув лицо холодной водой, она выглянула из-за двери туалета. Коридор был как и прежде пуст.

Подойдя к двери палаты, вновь глубоко выдохнула и нажала на ручку. Она поддалась, опустившись вниз, и дверь бесшумно открылась. «Видимо, кто-то приходил и поспешно ушел, забыв запереть дверь, к счастью».

Юля с трудом удержалась, чтобы не выкрикнуть что-нибудь в духе «ура, мать твою, наконец-то», но мысленно произнесла эти фразы с большим восторгом.

Зайдя внутрь, она тут же подбежала к стеклянному шкафу и стала разглядывать полки с различными пузырьками и упаковками с ампулами разного размера. Время, проведенное дома в безделье, не прошло напрасно, потому она хорошо понимала, что искать. И среди всего разнообразия препаратов быстро нашла все, что ее интересовало: из упаковки с надписью «Строфантин» она вынула две ампулы, взяла одну ампулу «Коргликона» и две ампулы «Атропина». Все это быстро спрятала в карман шортов под застежку «молнию».

Закрыв шкаф, словно ее здесь и не было, она аккуратно приоткрыла дверь, выглянула в безлюдный коридор и вышла, так же бесшумно прикрыв за собой дверь.

Сердце гулко стучало в ребра изнутри. Казалось, что оно сейчас просто выпрыгнет наружу. Юля попыталась успокоиться, снова закрыв глаза и сделав несколько глубоких вдохов. Переведя дыхание, она пошла по коридору.

Внезапно из-за угла появился тот же мужчина, что заглядывал в зал для пилатеса. От неожиданности у нее снова перехватило дыхание, и она с трудом смогла произнести «добрый день». Мужчина ответил тем же, только с каким-то подозрением, нахмурив при этом брови. Он прошел мимо, больше ничего не сказав, а Юля, едва успев скрыться за поворотом, ускоренным шагом направилась в гардероб. Персональным ключом открыла шкафчик со своими вещами и вынула из него телефон и рюкзак.

Возвращаться в зал она не собиралась. Спина взмокла от пота, лоб покрылся испариной. Она никогда еще не совершала кражи, к тому же в медучреждениях. Если не считать того первого раза в психиатрической лечебнице, когда стащила телефон у спящего санитаря.

Не став переодеваться, она набросила на плечи рюкзак, а телефон спрятала в другой карман и торопливо зашагала к выходу.

На стоянке при здании оздоровительного комплекса стояла

машина такси, по всей видимости, только что доставившая сюда какую-нибудь старушку для массажа или чего-либо еще. И Юля не стала медлить, решив использовать эту возможность поскорее уехать из этого места.

Она была права. Таксист завел двигатель и собирался уезжать, как путь ему преградила девушка с завязанными в тугой узел волосами, в коротких шортах и в топики, едва прикрывающем грудь. Увидев ее, он ударил по тормозам.

— Ты чего, совсем ошалела, под колеса бросаться? — завопил он в открытое окно.

— Простите, пожалуйста. Я боялась, что не успею, и вы уедете. Довезете меня до города?..

— Тебе повезло, что я не сбил тебя к чертовой матери. Сейчас бы ехала не в город, а в травмпункт, — выругался он, когда Юля захлопнула за собой дверь машины, усаживаясь на заднее сиденье.

— Извините, я не хотела, правда, — извинялась Юля тоненьким голоском, а сама думала, не должно ли ему быть все равно, каким образом пассажир ловит такси, если ему за это платят. Но решила умолчать об этом, объяснившись: — Я просто не могла упустить такой шанс. Очень уж тороплюсь.

Расплатившись за поездку и выйдя из такси уже в своем районе — через дорогу от своего дома, — Юля услышала, как в кармане завибрировал телефон. Аня.

— Алло, Ань.

— Ты куда пропала? — протянула она сходу. — Мы тебя обыскались.

— Ой, мне что-то нехорошо стало. Я вышла подышать свежим воздухом и уже не стала возвращаться. Как-то мне не по себе, знаешь... Извини.

— Ну ладно. Ты это... ой. А сейчас ты как? Все нормально?

Она, видимо, хотела поговорить о чем-то своем, но вовремя поняла, что нужно справиться о самочувствии сестры. «Ох уж эти правила, да, Аня? Совсем не твоя привычная манера поведения?» — подумала Юля помолчав.

— Да, мне уже лучше. Давай позже поговорим. Мне пора.

— Да, хорошо. Я позвоню тебе, — ответила Аня.

Но этих слов Юля уже не услышала, завершив звонок. Ее сейчас больше интересовала аптека, где она может купить пару шприцев и адсорбентов.

Выйдя из аптеки, она не стала сразу идти домой. Зашла за угол здания и наполнила оба шприца содержимым украденных ампул: в первый смешала Строфантин и Коргликон по одному кубику, а во второй набрала два кубика Атропина. На втором

шприце синим маркером написала «В сердце». Положила оба шприца в карман шортов и огляделась по сторонам на предмет лишних глаз.

Разобравшись с этим вопросом, она направилась к дому, но, заходя во внутренний дворик, увидела странную картину: несколько мужчин в полицейской форме стояли около входа в ее подъезд. Среди них был и следователь Довлатов. Он смотрел в телефон и энергично водил по сенсорному экрану своими толстыми пальцами.

Юля смотрела на все это украдкой, из-за угла здания, обильно усаженного кустами сирени. Ее подъезд находился на другой стороне дома, потому разговоров она слышать не могла, но у нее уже сложилось устойчивое подозрение, что все эти ребята явились именно по ее душу.

Через мгновение в кармане снова зажужжал телефон. Юля уже не сомневалась в том, чей номер увидит на экране — следователь Довлатов в этот момент как раз поднес к уху телефон и заходил взад-вперед по тротуару около подъезда.

Она не хотела поднимать трубку, но подумала, что тем самым лишь привлечет еще больше внимания к своей персоне.

«Неужели они каким-то образом прознали, что я была в той гребаной палате с препаратами? Меня же никто не видел, черт возьми!»

Но трубку все-таки взять пришлось — за первым неотвеченным звонком последовал второй.

— Да, алло.

— Юлия? Добрый день! — произнес мужчина голосом человека, который только недавно очень плотно пообедал и сейчас с трудом может дышать. — Скажите, пожалуйста, где вы сейчас находитесь?

В ответ он услышал только шуршание. После недолгой паузы, которая потребовалась девушке, чтобы наспех оценить причину этого звонка и последствия, которые могут ее ожидать, если выдать свое местоположение, она все же начала говорить:

— Я не в городе сейчас. У моей... — Она осеклась, чуть не сказав, что пришлось уехать к сестре. Но тут же поняла, что если они каким-то образом прознали о краже в оздоровительном комплексе, то знают и о том, что ее единственная сестра находилась там же. Наверняка и справки о ней были наведены задолго до этих событий, вследствие которых они выяснили все о ее семье, работе, друзьях и ближайших родственниках; хоть последние остались лишь по линии мужа. — У моей подруги кое-что произошло, и мне пришлось уехать.

— Гм, — послышалось в ответ из динамика.

Юля тут же представила, как резво начинают возвращаться воображаемые шестеренки в его голове, только сейчас это не вызывало такого смеха, как прежде.

На несколько секунд повисла тишина, а затем Довлатов спросил:

— А как долго вас не будет в городе? Может, мы могли бы чем-нибудь помочь?

— Нет-нет, я со всем справлюсь сама. Здесь ничего особо серьезного. Но спасибо за предложение, — проговорила Юля. А сглотнув слюну, стараясь унять внезапно появившуюся дрожь во всем теле, спросила: — А по какому поводу вы звоните?

Ответ Довлатова не заставил себя долго ждать:

— Понимаете ли, Юлия, нам с вами нужно как можно скорее встретиться и переговорить по одному очень важному делу, касательно... касательно тех событий...

— Николаич, — послышался третий голос в трубке, — ты слышал?

— Что слышал?

Мужчина стоял немного поодаль, но его слова Юля все равно расслышала, пускай и слабо из-за помех в работе системы шумоподавления. И тут она поняла, что рядом с ней, на проезжей части, предательски зазвучал сигнал из какой-то машины — его услышали также и полицейские, а значит, поняли, что она сейчас находится в пределах нескольких десятков метров от них. Она бы даже не обратила на него внимания, если бы не услышала реакцию на той стороне телефонного разговора.

— Юлия, будьте так добры, скажите, где вы находитесь прямо сейчас?

Юля ощутила, как каждая клеточка ее тела тут же напряглась, сигнализируя, что нужно сию минуту уносить ноги, а любые дальнейшие разговоры неминуемо приведут к ее если не аресту, но как минимум задержанию.

— Извините, мне пора идти. Я не могу больше говорить.

— Юлия! Не кладите трубку! Давай, давай, ну... чего телишься? Извините, это я не вам.

Следователь явно давал сигналы своим ребятам, чтобы те осматривали местность вокруг, в попытках найти девушку. Но та уже нажала «отбой» и на дрожащих от прилива адреналина ногах, ударившего не только в колени, но и в голову, на всех парах неслась по тротуару вдоль центральной улицы в поисках убежища.

Лишь спустя несколько минут непрерывного бега, благо, что была одета по-спортивному, Юля сбавила темп. Убедившись, что за ней нет погони, она остановилась отдышаться. Легкие

невыносимо жгло, словно огнем. Сбившееся дыхание и головокружение от стресса и такой пробежки заставило ее согнуться пополам, уперев руки в колени.

Немного успокоившись, она свернула на аллею, ведущую к стадиону — там, подумала она, ее искать вряд ли будут, по крайней мере, в ближайшее время.

То и дело дергаясь, озираясь назад и по сторонам, чтобы не попасться на глаза изредка прогуливавшемуся по городу патрулю, она свернула на тротуар и зашла на территорию стадиона. Снова до максимума ускорив шаг, почти перейдя на бег, она прошла вглубь и забралась на трибуны, спрятавшись за двухметровой стеной одного из туннелей для выхода футболистов на поле.

— Нет, нельзя ждать, нельзя ждать. Нужно все сделать именно сегодня, нет, прямо сейчас, — нервно проговаривала она, присев на скамейку и обнимая обеими руками свои колени. — Таня...

Она выудила из кармана мобильник и в отражении еще незажженного экрана увидела грозные узоры над головой. Небо стало обрастать черными тучами, хотя буквально несколько минут назад светило яркое солнце, не было и намека на дождь; или так и было, но ее состояние никак не давало возможности обратить внимание на погоду? Теперь же, будто каким-то мистическим образом, погода резко сменилась с ласкающего тепла на угрожающую прохладу. Почему-то все вокруг стало таким серым, бесцветным и мертвым, будто бы она находится не на стадионе в теплый осенний вечер, а на кладбище, ночью, в преддверии зимы. Может, это все настроение, заставляющее всю окружающую ее среду потерять для нее краски и создать гнетущую атмосферу, думалось ей, хоть и верить в подобное ей не хотелось.

Подул ветер, срывая с деревьев только начинавшие желтеть ослабленные листья. Теперь она еще отчетливее заметила разницу между погибельной атмосферой территории бывшей лечебницы и этим, остальным миром. Там уже осень набрала свою силу.

Юля опустила глаза и разблокировала экран. Часы показывали начало седьмого вечера. Медлить было нельзя, и она тут же, не раздумывая, набрала номер подруги.

— Если она согласится приехать, — все еще дрожащим голосом говорила Юля. — Только бы она согласилась... Если все сделать как надо, без проволочек, то еще можно успеть. Твою ж мать, ну возьми же трубку!

После десятка, казалось бы, бесконечно долгих гудков, Таня

наконец ответила.

Глава 21. Цена жизни

— У тебя неприятности? — первое, что спросила Таня, увидев состояние подруги.

— Не знаю. Не знаю! Может быть... — Юля сокрушалась, кусая ногти. Прошло около сорока минут с тех пор, как она позвонила подруге, и та приехала к ней на стадион. Она сильно извелась, пока ждала. Накрутив себя, она боялась, что ее уже могли объявить в розыск и начать активные поиски, а потому могли обнаружить ее здесь. — Но я очень рада, что ты приехала. Мне больше не к кому обратиться.

— Я же всегда рядом, чего ты? — Таня присела на корточки перед подругой, взяв ее ладони в свои. — Расскажи мне, что случилось. Чего ты вся такая... взвинченная?

Взгляд Юли непрерывно метался по зеленому покрытию поля. Она даже не осознавала, насколько странно выглядит со стороны. «Да она под кайфом, точно тебе говорю», — подумал бы любой, заставший ее сейчас в таком состоянии: трясущиеся руки, бессвязная речь, прерывистое дыхание, мелкая дрожь по всему телу. Как рассказать подруге о ее планах, а уж тем более попросить во всем этом участвовать? «Ты что, с ума сошла?» — непременно скажет она. Возможно, Таня и не станет предпринимать ничего более серьезного, что сделал бы другой нормальный и адекватный человек. Но заставить вернуться домой и выбросить эту дурную идею из головы она точно попробует. Станет присматривать за ней, как поступила бы настоящая подруга. И больше никогда не отпустит одну куда бы то ни было. В иной ситуации это было бы замечательно, а еще сильно и достойно уважения, но не сейчас. Сейчас Юле необходимо, чтобы подруга поверила ей, или хотя бы доверилась, пускай и в последний раз. Такой услуги ей никогда больше не потребует, а возможно, и не представится подобной ситуации, даже при всем на то желании...

— Да скажи же ты, не томи! — требовала ответов Таня. — Что случилось? Все так плохо? Ты что, убила кого-нибудь?

— Что? Черт, нет конечно! — Немного помолчав, она предложила подруге присесть рядом на скамейку. — Выслушай меня, пожалуйста. Мне очень нужна твоя помощь.

— Ладно, мисс загадочность, — удивленно проговорила Таня, все еще ничего не понимая.

— Ты же знаешь, как я тебя люблю, правда? Как я тебе доверяю? И мне нужна твоя помощь. Никто, кроме тебя, не сможет мне помочь. Никто не поверит... Вот же черт... Я

собираюсь...

Еще минуту назад ей казалось, что она сможет сказать все, что собиралась, но не смогла. Она встала и заходила взад-вперед, мельтеша перед глазами у Тани, обескураженной внезапным и абсолютно непонятым изменением состояния подруги. По ее взгляду было видно, что та с трудом сдерживается, но ждет, пытается выслушать, разобраться, в чем же таится причина ее неожиданного смятения.

Разогнав застоявшуюся в венах кровь, Юлия поняла одну простую истину: Тане вовсе ни к чему заранее знать, что конкретно она собирается сделать. Достаточно лишь согласиться поехать с ней туда, где она так или иначе выполнит свою роль. К тому же, даже если она не справится, результат, который лежит в основе, в любом случае будет ею достигнут.

Она прокручивала в голове обрывки тех строк из книги доктора Высокова, в которых он рассказывал о происходившем далее, после ее появления на пороге лечебницы. Они помогали ей набраться решимости и храбрости. Думала о том, как ему, словно знак свыше, на ум пришло решение, вернувшее веру в возможность привести план столетия в исполнение. Она помнила не все, так как читала тогда лишь мельком, выхватывая одиночные предложения из общего потока рукописного текста. Но то, что ей бросилось в глаза, заставляло и ее поверить в свои силы, потому что слова доктора были больше чем убедительны — теперь она сама хотела отомстить монстру, посчитав, что расквитаться с ним важнее всего, и даже ее самой. До той последней главы, прочитанной ею, она видела в Высокове сильного, знающего свою истинную цель человека, даже немного жестокого. Но теперь, основываясь на текущую в хронологической последовательности цепочку описанных в книге событий — сломленного, скорбящего и убитого горем мужчину.

Доктор рассказывал о том, как старался помочь Юле уничтожить монстра. Юлия также вспомнила слова старика Михаила: «Ты должна была заметить, что он старался помогать и всячески содействовать тебе, насколько это было в его силах». Все это нависло над ней, слившись воедино с ее совестью, заставляя каждый день и каждый раз с новой силой терзаться тем, что сотни тех жизней, что были уничтожены, так и не будут отомщены, если она не выполнит обещание, данное себе самой. И то, к чему столько лет стремился доктор Высоков. Тонкую связь и какое-то необъяснимое родство с ним вдруг пронзило ее душу, и она ощутила, что на самом деле является той самой девушкой — даже если в ее прошлой жизни, — столь жестоко уничтоженной безжалостным существом. И поняла, почему Михаил смотрел на

нее такими добрыми и ласковыми глазами, почему относился к ней так чувственно и с осязаемым теплом — он видел в ней свою маму. Ту, что, пусть и не по своей воле, но однажды покинула его, когда он был еще совсем ребенком, а теперь вернулась. Эта мысль еще больше разожгла в Юле огонь желания отомстить.

Она не могла оставить все как есть, но и не могла сделать этого сама. Выход оставался лишь один, и она начала:

— Слушай, я хочу, чтобы ты поверила мне, молча, без лишних вопросов. Я потом тебе все объясню, правда. Все до мелочей, в самых-самых детальных подробностях, как только захочешь. Но сейчас мне нужно, чтобы ты поехала со мной к руинам той больницы.

— Что? Зачем? — ответила Таня в ту же секунду. — Нет, я слышала, что ты просила не задавать вопросов. Но я просто ничего не понимаю. Уже темнеет на улице, вот-вот пойдет дождь. Зачем может понадобиться ехать туда именно сейчас? Почему не завтра, если уж так нужно? Будет день. Все можно сделать по дню.

— Танюш, родная... Пожалуйста, я умоляю тебя! Другой возможности может уже и не представиться. Мне нужно туда. Прямо сейчас. Хоть на несколько минут. Ты же на машине?

— Нет, ты правда с ума сошла... — Она поднялась со скамейки и пошла к выходу, устремив какой-то разочарованный взгляд в бетон под ногами. Юля уже подумала, что все было напрасно, что ее лучшая подруга посчитала ее просто чокнутой. Но та обернулась и со слабой улыбкой на губах добавила, показывая свисающий с пальца брелок с ключами от машины: — Ну, ты идешь или нет?

Еще на пути к лечебнице начал накрапывать дождь, постепенно усиливаясь, отбивая четкое аччелерандо стуками по крыше.

Приехав на место, Юля сразу выскочила из машины, оставив рюкзак на заднем сиденье. За ней вышла и Таня.

— И что мы здесь делаем? — громко, чуть ли не крича, спросила Таня, курткой прикрывая голову от дождя.

Юля по-прежнему была в высоком топе и коротких шортах, потому дождь промочил ее до нитки в считанные секунды.

— Сюда, — крикнула она сквозь усиливающийся дождь, указывая рукой в направлении прорехи в ограждении. — Пойдем, не бойся.

Забравшись внутрь, Юля повела подругу дальше, обходя руины со стороны заднего дворика, и стала взбираться по доскам и кирпичам наверх, призывая подругу следовать за ней.

Внезапно раздался раскат грома, и сверкнувшая где-то

вдали молния высветила руины опустившейся во мрак лечебницы, разбросав во все стороны ужасающие тени разрушенных стен и обломков старинного, некогда величественного здания. Юля не обратила на это явление особого внимания, так как провела в этом месте достаточно много времени, привыкнув ко всем затаившимся по углам теням и призракам, на самом деле являющимся ничем иным, как отголосками прошлого. Но Таня испугалась, на секунду прикрыв ладонями лицо, будто бы это могло ей как-то помочь уберечься от опасности, если бы она была.

— Это всего лишь молния, Тань. Идем. — Она протянула подруге руку, помогая взобраться на покатистый и сколький, раскисший от воды глиняный наст. На этом месте когда-то был пол общего зала для отдыха.

Из-за разыгравшейся погоды девушки почти не слышали друг друга, но и говорить было особо не о чем — Таня негласно пообещала не задавать лишних вопросов, о чем теперь сильно жалела. Ей очень хотелось выругаться на подругу, сказать, что та и в самом деле сбрендилa, раз решила припереться в это место ночью, к тому же в такую непогоду. Хотелось спросить, какого черта они здесь собрались делать и чего та хочет добиться. Но была вынуждена ждать, потому как Юля говорила, что они уже почти пришли, что осталось совсем немного.

Пройдя по засыпанным досками и штукатуркой коридорам, они наконец пришли к тому самому месту, где начинался спуск в подвал О'Шемиры. Ступенек, ведущих вниз, уже давно не было — они остались где-то под завалами.

— Видишь? Вон там, впереди. Посредине коридора. Довлатов расчистил здесь все, — голосила Юля сквозь дождь, указывая пальцем куда-то перед собой, куда не дотягивался свет включенного ею фонарика на телефоне. Часть света терялась из-за того, что она пыталась прикрыть телефон и без того насквозь промокшим топом.

— Я ничего не вижу, — отвечала Таня. — Юлька, за каким хреном мы сюда притащились? Чего ты хочешь?

Юля к этому времени уже съехала вниз по глине, прокатываясь по ней новыми кроссовками, словно по ледяной горке. Она остановилась на перепутье: позади ее лучшая подруга и единственный человек, который еще не оставил ее, который не бросил, но уже готов изменить свое мнение. А впереди — смысл ее жизни, смысл всего, ради чего она живет последнее время. То, ради чего она готова пожертвовать всем, ради чего готова лишиться всего. Положить на плаху все, лишь бы избавить себя и окружающий ее мир от нечисти, способной отравить всю планету.

Которую не убить, пока не умрет последний зараженный им. А она и есть та последняя.

«Сколько стоит моя жизнь, — думала Юля, — если на кону стоят миллионы, а то и миллиарды жизней? Бессмертие? Вечная жизнь? Да кому она нужна, если за такой дар сомнительного качества придется заплатить столь высокую цену!»

Юля, сжимая в одной руке телефон, а в другой шприцы, смотрела на подругу, разглядывая ее лицо в тусклом свете фонаря, и пыталась прочесть ее мысли. Пыталась увидеть хоть что-то, кроме непонимания и явного презрения во взгляде, смешанного с жалостью. Таня теперь тоже, как и Артем, видела в подруге лишь несчастную, совершенно лишившуюся рассудка девушку.

— Ты мне веришь? — щуря залитые дождем глаза, спрашивала Юля.

— Нет, черт тебя подери! Мне все это надоело! Что мы здесь делаем?!

Юля склонила голову и закрыла глаза. Она все еще думала, стоит ли подруге знать то, что она задумала сделать, или же попросить ее действовать по обстоятельствам, веря, что та сделает правильный выбор. И склонялась больше ко второму варианту. Но сможет ли она выдержать? Справится ли с эмоциями? Если нет, то все может оказаться зря. Если поторопится, то над всем миром нависнет угроза быть уничтоженным существом, сути и происхождения которого никто не в силах понять. А единственное, пускай и очень хрупкое доказательство этого мистического существа лежит в рюкзаке, на заднем сиденье машины, около главных ворот. Что произойдет, если оно попадет не в те руки?

Ей именно сейчас, как никогда ранее, захотелось жить. Но лишь для того, чтобы проследить за книгой, попытаться сохранить ее, уберечь... Или как минимум стать последним человеком на земле, кто знает и может поведать миру всю правду в чистом виде, а не множество раз перекрученном баснями и рассказами из уст местных жителей. Якобы видевших все своими глазами. «Не так они все это видят, — мысленно кричала Юля. — Теперь только я могу рассказать реальную правду. И моя книга...»

Но позволить себе свернуть с намеченного пути, находясь уже так близко к решению главной задачи, она не могла. Только не теперь. Ведь другого шанса уже не будет.

— А я верю тебе, Тань. Всегда верила. И верю, что ты сделаешь сейчас то, что я от тебя жду. А именно...

— Ничего не понимаю! Твою ж мать, почему я раньше не...

— Да замолчи ты уже, в конце-то концов... — вспыхнула Юля. — Дай мне договорить, ведь это, возможно, мои последние слова в жизни...

Таня не услышала второй половины предложения, но затихла и непонимающими глазами уставилась на подругу, то ли оскорбившись, то ли все-таки давая Юле возможность договорить.

И она продолжила, срывая голос из-за бушующей непогоды:

— Понимаешь, Танька, ты так много раз меня спасала за годы нашей дружбы. Ты этого, возможно, и не замечала, но замечала я. Ты меня ограждала от многих напастей, от неверных решений, ошибок... Ты множество раз не позволяла мне сдать, когда я была уже на грани. Я стояла у обрыва, а ты протягивала мне руку, хватала и держала, не отпуская до тех пор, пока я не поверю в себя, пока не поверю в то, что способна бороться дальше.

Таня молча слушала подругу, скрестив руки на груди. Она уже не обращала внимания на дождь, громко падающий на нее и на все окружающее их, пуская быстрые потоки речушек, непрерывно убегающих куда-то в темноту коридора бывшего подвального помещения старой лечебницы. Она не говорила ни слова, но теперь начинала понимать, к чему Юля клонит. Она догадалась, что та хочет что-то с собой сделать. Хотя по-прежнему не догадывалась, почему именно сегодня и именно здесь — в этих развалинах, под дождем, ночью.

— И я хочу, чтобы ты спасла меня в последний раз, — продолжала Юля. — Даже если ты мне не веришь, даже если не понимаешь ничего из того, о чем я тебе говорю — все это неважно, на самом таки деле.

— Юлька, черт, что ты хочешь мне сказать? Не знаю, что ты задумала, но не нужно, пожалуйста! Прошу тебя! Поехали домой!

Но она не реагировала на возгласы и просьбы Тани отказаться от задуманного. По-прежнему глядя на подругу, стала пятиться назад, остановившись в нескольких шагах от уже проявившегося в свете фонарика О'Шемиры.

— Смотри, вот же он! Он причина всех моих страданий. Та самая тварь, что пожирает людей, питается их душами, уничтожая их. Ты видишь? Скажи, что видишь, Тань! Ну!

Таня уже плакала, хотя из-за дождя этого совсем не было видно. К тому же ее лица больше практически нельзя было разглядеть — свет от фонаря стал намного слабее ввиду увеличившегося между девушками расстояния. Между ними было около четырех метров, а стена дождя плотно загораживала обзор.

Она плакала и говорила:

— Нет, я ничего не вижу! Что я должна увидеть? Чего ты от меня хочешь?

— Вот же он! — кричала Юля. — Вот, передо мной! Посмотри же!

— Ты сошла с ума... Там ничего нет. Просто стена.

— Просто стена... — прошептала Юля, поворачиваясь на зеленоватое, переливающееся бурными внутренними потоками, левитирующее тело монстра. — Значит, тебя не только не видно при свете дня, но и не видит никто, кроме тех, кого ты заразил. Так? Ясненько.

Юля развернулась спиной к подруге и вынула из кармана два шприца. Со шприца с иглой поменьше она сняла колпачок и, убедившись, что не перепутала препараты, вонзила в шею, впрыснув в себя все его содержимое. Сам же шприц после этого спрятала обратно в карман.

Таня видела мелькающие тени и движения рук подруги, но не понимала, что та делает. Потому начала снова задавать вопросы, даже пытаться спуститься к ней, выискивая какой-нибудь камешек или выступ перед пологим спуском, за который могла бы зацепиться.

Но Юля ее остановила. Она понимала, что время на исходе, процесс уже запущен, но торопиться нельзя. Все сделать нужно не раньше, чем ее сердце остановится.

— Прошу тебя, не подходи. Еще нет. Просто наблюдай, ладно? Ты все поймешь. — Юля знала, что подруга не сможет долго стоять там, а как только она упадет, та сразу же побежит к ней, пытаясь понять, что все-таки произошло. — Мне нужно лишь несколько минут. Ты все поймешь. Пожалуйста, оставайся там...

У нее уже начинала кружиться голова, сердцебиение то ли замедлялось, то ли наоборот ускорялось — ощущения смешались. Лишь чувствовала, как в груди все сжимается, причиняя все больше боли, пульсацией отдаваясь в голове, во всем сознании. Но шум дождя, шквал эмоций и мысли, переполнявшие все ее нутро, не позволяли ей понять, что на самом деле с ней происходит — умирать приходится не каждый день.

Юля сжимала топ на груди в кулак и судорожно, как рыба на суше, пыталась вдохнуть, чтобы сказать последние слова О'Шемире: «А с тобой я пришла попрощаться. И увидеть твою смерть!»

Но не успела. Ее сердце остановилось, и она замертво упала в размякшую глину.

Глава 22. Освобождение

Обмякшая рука выронила телефон, осветив фонариком мутный купол из падающих наземь капель дождя.

Таня увидела, что Юля упала. Она тут же поспешила спуститься вниз и подбежала к подруге. Присела рядом с ней и начала трясти за плечи, еще громче рыдая и совсем не понимая, что произошло. После нескольких безуспешных попыток привести подругу в чувства, она припала ухом к ее груди, пытаясь услышать биение сердца, ощутить дыхание. Но она была тихой и недвижимой. Никаких звуков, кроме капель дождя, с грохотом падающих в большие рыжие лужи вокруг бездыханного тела девушки. И ударов собственного сердца, что приливами адреналина вколачивало кровь в голову, отдаваясь болью в висках. Она никогда не встречалась со смертью лицом к лицу, к тому же при таких странных обстоятельствах.

Таня запаниковала, но все же попыталась прощупать пульс на шее у подруги — тоже ничего...

Поднявшись на ноги и схватив себя за волосы обеими руками, она кричала, понимая, что ее подруга умерла. Спрашивала у себя, что же делать, как быть. И вспомнила, что может попробовать сделать искусственное дыхание. Тут же упала на колени рядом с телом Юли и принялась надавливать на грудную клетку, периодически вдыхая воздух ей в рот, зажав нос. Около двух минут продолжительной реанимации, но она по-прежнему не видела никаких изменений, а припадая ухом к груди подруги, слышала только собственный пульс в ушах.

Таня начала колотить кулаками ей в грудь, бить по щекам, выкрикивая сумасшедшие ругательства за то, что та посмела поступить так с ней, а главное — с собой.

Паника накрывала ее с головой. Она ничего не могла сделать. И тряся подругу в очередной раз, заметила выкатившийся из ее руки шприц. Она не сразу поняла, что это и было планом подруги. Но когда подняла шприц и увидела поплывшую, почти смытую дождем надпись «В сердце» — все поняла.

— Ты конченная сука! Идиотка! — вскричала Таня. — Твою ж мать, сука! Кем ты себя возомнила?!

С этими словами она дрожащими руками сняла колпачок и посмотрела на иглу, та была длиной около шести сантиметров.

— В смысле, блять, в сердце? Я что, медик? Я, на хрен, библиотекарь! Черт, да с чего ты взяла, что я смогу? И что это поможет...

Таня сделала несколько глубоких вдохов, завела руку со

шприцем за голову и замахнулась, но у самой груди остановилась. «Что будет, если игла попадет в кость? Она же просто согнется, затупится, сломается. Тогда ничего не выйдет» — подумала она. И мгновенно приняла другое решение — ввести иглу плавно, попытавшись пропустить ее в мягкие ткани между ребрами. Она так же не знала, удастся ли ей дотянуться острием до самого сердца, но стала пытаться.

Прошло уже около трех или четырех минут с того момента, как Юлия умерла. Таня понимала, что шансов на ее спасение остается с каждой секундой все меньше, потому пересилила все свои страхи. Борясь с дрожью в руках и головокружением, задыхаясь от приливов адреналина, она ввела иглу в грудную клетку подруги, прощупывая сопротивление, чтобы не упереться в кость. Она не знала, правильно ли все делает, но иного выбора не было — только вперед. И когда игла погрузилась на всю возможную длину, Таня ввела содержимое шприца.

Еще около минуты после этого она пыталась оживить подругу, делая непрямой массаж сердца и вдыхая воздух ей в рот, но все было безрезультатно. Таня в полном отчаянии опустилась на землю рядом с мертвой подругой и снова в голос заплакала.

Но не успела она упиться своим горем, как подруга очнулась, резко приподнявшись на локтях и громко втягивая воздух, будто бы находилась несколько минут под водой, после чего все-таки сумела вынырнуть и схватить ртом глоток кислорода.

Выстрадавшая Таня уже была неспособна проявлять какие-либо эмоции. Она лишь положила руку на плечо подруги и молча притянула ее к себе, возможно, даже не понимая, что делает — слишком невероятными и потрясающими сознание были все события, настигнувшие ее этим вечером.

Но Юлия была в порядке. Она лишь пыталась отдышаться, между тем издавая звуки, похожие на смех.

— Чему ты радуешься, идиотка? — холодно спросила Таня. — Ты умерла. Понимаешь? Умерла! Чтоб тебя...

— Но ты... ты спасла... меня! Ты справились.

— Когда мы выберемся отсюда, ты мне объяснишь, какого хера ты себя убила, — продолжала твои монотонные причитания Таня. — А сейчас нужно постараться не сдохнуть еще раз, утонув в этом муле из глины и воды.

Юле хотелось поделиться своей радостью, объяснить прямо здесь сейчас все то, что привело их в это место, объяснить, что все получилось, и что монстр погиб — она чувствовала это, ощущая грудью легкость и свободу, а у стены, где несколько минут назад было бесформенное тело, висящее в невесомости, была пустота. Лишь потоками воды уносились едва светившиеся салатovým

цветом проблески уходящей жизни узурпатора ее разума. Она видела, что существа больше нет — этих нескольких минут клинической смерти оказалось вполне достаточно, чтобы погиб и О'Шемира, покинув ее мертвое тело и испустив собственный дух. А она очистилась от его власти и теперь будет жить свободно.

Отдышавшись, она хотела все это рассказать Тане, но понимала, что та не поверит ни единому ее слову, как не поверила и несколькими минутами ранее. Точно так же, как не поверил и Артем. Теперь рассказывать об этом кому-либо не было никакого смысла. Самое главное, что она отныне свободна и может начать все заново, с чистого листа, избавившись от тягот совести и ответственности за все те жизни, что были прерваны ее руками в страшном пожаре. Так и то, что она наконец убила О'Шемиру, отомстила за все содеянное им, чем уберегла всех от той же ужасной участи.

Собравшись с силами, Юля сказала:

— Слушай, давай убираться отсюда, а? Здесь слишком холодно и мокро, не считаешь?

— Да пошла ты, — ответила обиженным и безразличным голосом Таня, но все же поднялась на ноги и помогла встать подруге.

Они вместе выбрались из руин и пошли к машине.

Дождь прекратился, но по темным, серым и безжизненным улицам, вдоль дорог, все еще текли бурные потоки воды, уносясь в сливные ямы под тротуарами.

Весь путь от лечебницы до Канорска девушки провели молча — говорить им не хотелось, а вопросов, на которых нет ответа, становилось все больше. Таня все еще не знала причин, по которым Юля могла попытаться себя убить, потому и не хотела оставлять ее одну, боясь, что та может повторить попытку суицида. Но не стала брать на себя ответственность за ее дальнейшие действия. Или просто не в полной мере отдавала себе отчет о своих действиях, желая лишь напиться вдрызг и отоспаться.

Она подвезла Юлю к дому и уехала.

Юля домой возвращаться, конечно же, не стала. Она знала, что дома ее уже могут ждать. Она сильно замерзла и не меньше компаньонки хотела надраться до беспамятства. Но сначала нужно было разыскать душ и мягкую кровать, да и теплое место, где можно было бы просушить телефон, уже отключившийся от переизбытка влаги.

Она пешком брела по холодным улицам, пока не пришла к единственному в их городке отелю.

На презрительный взгляд менеджера за стойкой она ответила лишь взмахом купюр в руке. Благо, что дождь успел закончиться к тому моменту, когда Таня высадила подругу из машины, потому рюкзак с книгой и деньгами не промокли. Показала, что не бездомная и имеет возможность заплатить за тепло, мягкую кровать и прочие сомнительные удобства этого унылого заведения.

— На сутки? — спросил мужчина в затемненных очках на лбу, оценивая Юлю тяжелым взглядом, затем добавил: — Ох и досталось же вам, однако. Второй этаж. Комната тридцать семь.

— Да. И да. На оба вопроса. Вот деньги. Сдачи не нужно. — Она забрала ключи и зашагала по коридору, но обернулась и спросила: — Вода горячая есть? А то мне бы... И выпивка. Есть что-нибудь покрепче?

Мужчина кивнул головой в сторону минибара, еще раз оценив номинал врученных ему купюр, и сказал, что здесь хватит на любую бутылку из имеющихся в их ассортименте напитков.

Юля, не колеблясь, вытащила из шкафа бутылку бурбона — так было написано на этикетке, но какой именно это был напиток ей было абсолютно все равно, лишь бы покрепче — и поднялась к себе в номер.

Этой ночью она сильно напилась, предварительно приняв душ и развесив мокрую одежду на сушилке для полотенец. Ей не хотелось думать ни о случившемся, ни о том, что ее ищет полиция, и даже о семье не хотелось думать. Все это почему-то отошло на второй план. Она ощущала себя не свободной, а лишь опустошенной и брошенной всеми. Думала, почему все обернулось именно так? Ведь ей удалось сделать все, чего она добивалась: она избавилась от душевных терзаний, от чувства вины, от безысходности. Она выполнила обещание, данное как самой себе, так и Высокову. Но что-то все равно было не так. Но что именно она не понимала.

Прошло около часа с того момента, как она легла в постель и укуталась в одеяло. Ей казалось, что сон к ней так и не придет, смешивая все вокруг с пьяными мыслями, которые переваривать в голове ей было омерзительно неприятно. Хотелось забыться сном, исчезнуть, утонуть в пустоте, но на этот зов пришла лишь душевная пустота.

Вскоре, даже незаметно для самой себя, она крепко уснула, беспробудно проспав почти до обеда.

В половине двенадцатого ее разбудил управляющий, сказав, что нужно либо доплатить за проживание, либо покинуть номер до полудня.

Она собиралась доплатить, оставшись в отеле еще как

минимум на день, безвылазно валяться в постели и никого не видеть. Но раздавшийся с телефонной трубки звонок испортил ее планы.

Экран ее телефона еще не полностью просох, отчего изображение на нем поплыло и разобрать имени звонившего не удавалось. Да и на сам звонок она ответила с трудом — сенсор почти не реагировал на прикосновения ее пальцев.

— Алло, — безжизненным голосом сказала Юля. — Кто это?

— Ты уже и не узнаешь меня?

— А, Таня... Узнаю, извини. У меня телефон промок вчера. Экран почти не работает, вот я и не увидела имени. Ты где?

— А ты где? — серьезным тоном переспросила Таня. — С тобой все в порядке? Где ты?

— Я... отхожу от вчерашнего. Вроде бы все в порядке.

— Приезжай ко мне, — сказала Таня без лишних эмоций. — Нам нужно поговорить, если помнишь.

— Эмм...

— Вот только не надо этого, ладно? Я жду тебя. Я не знаю, что все это значит, но уверена, что ты сможешь дать мне приличное объяснение. Я хочу тебе верить, но это очень сложно, понимаешь? Так дай мне возможность разобраться в причинах всего того, что вчера произошло.

На полминуты в трубке повисла тишина.

— Ты еще здесь? — уточнила Таня.

— Да, прости. Хорошо. Я приеду. Ты дома?

— Да. Дома. Жду тебя. — И она положила трубку.

Юля оделась в те же вещи, в которых была вчера. Они все еще пахли дождевой водой и потом. Топ растянулся и висел на ней, будто бы его стирали в горячей воде и нещадно выкручивали. Но ей на это было плевать. Спортивный бюстгальтер прикрывал грудь, а значит, все в порядке. «Нынче и не такое носят», — говорила она сама себе, убеждаясь в отсутствии необходимости привести себя в порядок.

Она оставила ключи от номера на ресепшене, также оставила хорошие чаевые менеджеру и вышла на улицу. День в самом разгаре. Солнце высоко в зените. На небе ни единого облачка — совсем не похоже, что вчера был такой сильный дождь. Если бы не мокрый местами асфальт, то было бы вообще сложно поверить в реальность вчерашнего дня. Он был перенасыщен фантастическими событиями и слишком бурными эмоциями, которых среднестатистический человек не переживает и за всю свою жизнь.

Поймав такси, Юля назвала адрес и поехала к подруге, чтобы попытаться реабилитироваться в ее глазах. Попытаться вернуть ее

доверие и объясниться за ряд столь глупых и совсем нелогичных поступков. Но она даже представить не могла, как Таня воспримет ее личную правду. Она лишь верила, что, поделившись с лучшей подругой всем тем бременем, лежащим на душе тяжелым камнем, теперь открыто и без утайки, ей станет легче; им обеим. И даже если Таня ей все же не поверит, то хотя бы будет знать, что наконец-то была честна и с подругой и, в конце концов, сама с собой. Что ей больше не придется лгать, выдумывая все новые и новые глупые отговорки и причины ее странного поведения.

Но всему этому не суждено было случиться.

Едва Юля ступила за порог квартиры своей подруги, в комнату ворвались несколько человек в белых халатах и связали ее по рукам и ногам, не позволив объясниться. Во главе всех этих людей был следователь Довлатов. Таня тихонько плакала, отойдя к стене, чтобы не мешать санитарам делать свое дело. И нашептывала слова извинения за предательство перед обездвиженной подругой.

Юля предполагала подобный исход событий, даже где-то в глубине души считала, что, возможно, ей самое место в психушке, только не ожидала, что упечет ее туда тот человек, с которым она провела всю свою жизнь, деля с ним горе и радость в каждом из их проявлений. Ей было досадно, что ее предала лучшая подруга, солгав о том, что хочет услышать объяснения. А вместо этого заманила ее в ловушку и отдала этим людям. Но сделанного не воротишь.

Следующие несколько месяцев Юля провела под строгим наблюдением врачей, в клинике по лечению психически неуравновешенных и особо опасных пациентов.

Глава 23. Консилиум

— Вы слышите мой голос?

— Да.

— Хорошо. Назовите, пожалуйста, свое полное имя.

— Юлия Игоревна Неводная.

— Осознаете ли вы, где находитесь?

Юля окинула взглядом большое овальное помещение.

Перед ней расположились ряды стульев и столов, за которыми в шахматном порядке сидит около дюжины мужчин в белых халатах и высоких шапочках поверх волос. У большинства из них на носу висят очки в толстой оправе с изогнутыми стеклами, искажающими реальный размер глаз. Множество ярких ламп направлены ей в лицо, чтобы каждый из этих врачей мог видеть ее эмоции и в достаточной мере оценивать ее реакции и правдивость ответов, которые должны в обязательном порядке следовать за каждым из поставленных вопросов.

Слева и справа от столов расставлены трибуны для зевак — так назвала бы их сама Юля, потому что ощущала себя не кем иным, как цирковой зверюшкой, обязующейся по команде укротителя выполнять заранее отработанные месяцами дрессировок трюки. Только зрители не голосили, а лишь внимательно слушали, так же, как и врачи, пытаясь заметить новую интересную выходку несчастно артиста.

Из-за ослепляющих прожекторов ей сложно рассмотреть лица присутствующих, но она уверена, что среди всех них есть и те, перед которыми ей ужасно стыдно показываться в таком свете. Их не много, но все они здесь. Четверо. Она слышит тихие всхлипывания подруги. Плач сына, что не видел матери уже больше трех месяцев. Или ей это только кажется? Присутствия в этом зале сестры и мужа она не ощутила, но знает, что они наверняка здесь. Только им нечего сказать, глядя эту жалкую картину.

В центре всего этого — она, но не в бархатном фартуке с рюшами, и не скачет с каната на канат, из кольца в кольцо, а на скамейке, в усмирительной рубашке, с завязанными за спиной рукавами, плотно фиксирующими руки вдоль туловища.

— Да, — сказала Юля. — Я нахожусь в психиатрической лечебнице на принудительном лечении.

— Понимаете ли причины, — продолжал один из врачей, занимавший центральную позицию среди коллег, — по которым вы вынуждены проходить лечение в этом учреждении?

— Да.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее об этих причинах.

Юля вновь попыталась найти знакомые лица среди наблюдавших за ней людей с трибун, но ничего не вышло. Прежде чем начать говорить, она подумала, что это и к лучшему. Ей было бы гораздо сложнее, если бы она видела глаза близких, наполненные жалостью и отвращением. Так и было бы, а ведь когда-то эти глаза излучали нежность и любовь к ней.

«Как все грустно сложилось в итоге, — прошептала она, едва шевеля губами. — Все плохо началось, а обернулось еще гнусавее, вопреки всем ожиданиям и надеждам».

— Потому что меня вам сдала моя лучшая подруга! — язвительно ответила она.

— Это следствие определенных действий, и вы знаете, что глупо винить близких за свои собственные проступки. А если они, в частности, действовали исключительно ради вашего же блага, то и подавно. Мы с вами это уже обсуждали, помните?

— Я убила себя.

— Вас плохо слышно, — грубовато сказал врач.

И Юля повторила громче:

— Я убила себя!

— Почему вы это сделали?

— Я должна была освободиться, — недолго думая, проговорила она стальным голосом. — Только так можно было избавиться от воздействия О'Шемиры.

— Это ваш воображаемый враг?

— Что? Ах, да называйте как хотите, черт. Воображаемый, пусть будет так.

— Попрошу не выражаться, если вас не затруднит.

— Извините, — проямлила Юля, опустив голову.

По залу пробежал едва заметный гомон перешептывающихся людей. Выкрашенные светло-голубым цветом стены рассеивали звуки, среди которых, если хорошо прислушаться, можно было выхватить обрывки некоторых слов, таких как «шизофрения», «помешалась», «травма головы», «выдумка» и «самоубийство». Множества других слов она не слышала — они сливались с прочими голосами.

— Прошу тишины, уважаемые, — прогремел по залу холодный голос одного из мужчин за столом спереди. Не того же, что прежде задавал вопросы. Кто-то другой. Но продолжить решил именно он.

— С вашего позволения, — обратился он к коллегии, а следом и к Юле: — А сейчас вы свободны?

— Ну это как посмотреть, знаете ли, уважаемые, — проговорила она сквозь зубы с явственной иронией в голосе. Она

бы еще указала руками на свое скованное положение, но увы, не может ими пошевелить, потому лишь поерзала на скамейке, движениями напомнив ползущую гусеницу.

— Мы понимаем, что вы имеете в виду, но также знаем, что и вы понимаете суть вопроса, не так ли?

Юля что-то фыркнула и попыталась отвернуться, не став отвечать на прямо поставленный вопрос.

— Послушайте, пожалуйста, мы не сможем помочь вам, если вы не хотите помочь нам разобраться во всем, что с вами происходит.

— А что со мной происходит? Разве со мной что-то происходит?

— Поступим иначе. Татьяна, будьте так добры рассказать нам, что произошло тем вечером, двадцать первого сентября прошлого года.

— Эм... Да. Юля позвонила мне...

— Простите, представьтесь, пожалуйста, для записи.

— Савонина Татьяна. В общем, она позвонила мне в... четверг это был, если не ошибаюсь. Я на следующий день еще должна была открывать магазин, но полиция меня попросила остаться и переговорить с ними по поводу Юли.

— Расскажите, что было в четверг.

— Когда я приехала к ней на стадион — это место она указала сама, — я нашла ее чрезвычайно подавленной и разбитой. Она была чем-то то ли напугана, то ли взволнована. Потом она попросила меня отвезти ее к развалинам бывшей лечебницы за Вирнаково.

— Так, и вы согласились? — спросил доктор.

— Не сразу, но она просила так, будто бы это вопрос жизни и смерти. Мне и самой стало интересно, зачем все это нужно. Ну и... согласилась.

— Что было потом, когда вы приехали?

— Шел дождь, — продолжала Таня. — Мы вышли из машины и вместе направились на те развалины. Она... завела меня в какой-то коридор, подвал, кажется. Подвал, да. Только ни крыши, ни стен там уже не было. Мокрая глина и пустота во тьме длинного коридора.

— Ближе к сути, пожалуйста, — попросил доктор.

— В общем, Юля пыталась мне показать что-то около стены, светила фонариком, но я ничего не видела. А потом... а потом... — Таню начали душить слезы, но она постаралась собраться силами и договорить. — Она себя как-то убила. Она упала и просто умерла. Я долго делала реанимацию, насколько позволяли мои навыки еще с институтского времени. Я даже не

знала, я просто пробовала. А потом увидела шприц в ее недвижимой руке.

— И с его помощью вы вернули Юлию к жизни, так?

— Да... Юльчик, — не сдержалась Таня и обратилась к подруге. Коллегия не стала ее останавливать, решив послушать, что из этого выйдет. — Я не хотела... Я не хотела, чтоб все вышло именно так. Но я боялась, понимаешь? Когда ко мне пришли и сказали, что ты засветилась на камерах в том комплексе, я не поверила. Я сказала им, что это не ты, что такого не может быть, чтоб ты украла что-нибудь. Но ничего им о тебе не рассказала. А потом, после той ночи, где ты себя...

— Ну достаточно, — все же попытался ее остановить один из психиатров, но девушка его грубо прервала:

— Дайте же мне высказаться! Я не могу больше все это носить в себе! Юлия, я боялась, что ты снова навредишь себе. Я не могла этого допустить, пойми меня, пожалуйста. Я не хотела, чтобы с тобой так... Не хотела!

По указанию одного из докторов, плач девушки, смешанный с почти неразборчивыми словами, прервали двое мужчин. Они вежливо попросили Таню покинуть помещение, чтобы успокоиться, сопроводив ее к выходу.

Процесс продолжился спустя минуту тишины.

— Вы говорите, — обратился доктор к Юле, — что единственным способом избавиться от вашего врага, является собственная смерть, это так?

— Я уже столько раз все этого говорила. Я не сумасшедшая. Я не выдумала все это, поймите же вы наконец!

— Ответьте, пожалуйста, на поставленный вопрос, — более тонким и дружелюбным голосом попросил ее мужчина с противоположного края столов. Голос, который еще не звучал на этом заседании, если можно так назвать.

— Да. Мне нужно было умереть, но не совсем. Я ж не дура, чтобы совсем себя убивать. Я потому и взяла с собой Таньку, дала ей шприц с атропином. Предварительно почитала, что его как раз таки применяют при асистолии сердца.

— Значит, вы подготовились и знали, на что идете?

— Ну конечно! — радостно проговорила Юлия.

— И вас заставил себя убить тот О'Шемира, верно?

— Нет... — Она глубоко вздохнула. — Я уже со счета сбилась, сколько раз все это рассказывала. Я была последней из зараженных. Убив последнего, можно было уничтожить ту тварь. И у меня все получилось.

— Тварь, как вы выразились, которой никто никогда не видел...

— Почитайте лучше книгу, — перебила его Юлия. — Там все достаточно подробно описано. Она ведь у вас?

— Выходит, вы утверждаете, что книга, написанная доктором Высоковым, говорит о правдивых событиях, происходивших на территории ныне сожженной психиатрической лечебницы имени Михаила Игнатовича Глухова?

— В точку! — сказала она и даже зачем-то подмигнула доктору.

— А вам не кажется, что это могла быть простая выдумка, результат художественного и творческого мышления доктора, который несколько лет проживал в той же лечебнице? Ему, возможно, просто было скучно вечерами, свободными от работы, потому он решил разнообразить свою самобытность написанием произведения в жанре фантастики. Вы не задумывались над этим?

— Доктор, не знаю, как вас там по имени, я задумывалась! Да, я сначала и думала так, но ведь нельзя отрицать увиденного. Да и тех кошмаров, что преследовали меня и во сне, и наяву! Я видела О'Шемиру, я боролась с ним. Я убила его в итоге. И он сдох. Да, он сдох, стекая по воде своей зеленой, мутной жижей. Такое выдумать невозможно. Я не сумасшедшая!

— Юлия, никто не говорит, что вы сумасшедшая. Успокойтесь, пожалуйста. Давайте лучше поговорим о том, почему вы устроили пожар в своем предыдущем месте заключения. Что вас сподвигло на это?

— Я вам такого не говорила. Я никому этого не говорила... Твою ж мать!

— Я не буду просить вас в третий раз! Держите себя в руках, иначе мы будем вынуждены применить соответствующие меры!

— Да что вы мне...

— Мам, пожалуйста, не надо...

Голос сына из глубин зала просто выбил у нее почву из-под ног. Голова закружилась, а мысли наполнились сожалением о прошлом и о несбывшемся будущем. Она эпизодично вспоминала его объятия, его смех, как он улыбался, когда просил добавки к ужину, его умиротворенное лицо, когда он засыпал. А она сидела рядом на его кровати и гладила кончиками пальцев по волосам. Она безумно скучала по сыну.

Из ее глаз хлынули слезы, но она все же пересилила себя и заговорила. А начала с обращения к мужу:

— Ну спасибо тебе, дорогой муженек! Одни предатели кругом... Неужели я была настолько плохой женой и непутевой матерью, что ты вот так со мной?

Но он ничего не ответил. Юлия сглотнула грубый комок слез, казалось, царапающий все ее внутренности, помолчала минуту, а

затем продолжила, рассказывая коллегии врачей о том, как в лечебнице над ней издевались, избивали и приковывали к постели. Рассказала, как познакомилась с Михаилом, и что о нем они сами могут почитать в книге. О том, как ей сам Высоков, через своего сына, конечно же, поручил сжечь больницу, освободив их всех от ужасной участи и мнимого бессмертия. И что именно таким образом стала последней. Если бы она погибла в том страшном пожаре, то ничего бы этого не случилось. Все бы закончилось еще тогда.

Также она поведала им историю о том, как проводила собственное расследование, как врала полиции, как украла медикаменты и о многом другом, изредка разбавляя повествование мелкими деталями, как она дошла к тому спасительному дню, ставшему роковым.

По завершении ее монолога доктор, сидевший в центре зала, спросил:

— И вы искренне убеждены, что все это было по-настоящему?

Юля в ответ лишь засмеялась. А помолчав несколько секунд, все же сказала:

— Все зависит от того, в какому результату приведет мой ответ.

— Все зависит только от вас.

— Да бросьте вы, док, я же прекрасно понимаю, что стоит мне согласиться, что все это была правда, то вы оставите меня гнить в психушке до конца жизни. А что произойдет, если я скажу обратное? Если же я отрекусь от всего сказанного? Если я скажу, что все это выдумала, неужели вы меня отпустите? Ой, слабо мне в это верится. Я же убила себя однажды. Вдруг я решу повторить этот трюк?

Юля больше и не рассчитывала покинуть лечебное учреждение, потому как осознавала всю тяжесть своего поведения. В глазах обычного человека она была психопатом, а в глазах психиатра — отличным экземпляром для исследований, потому и говорила уже абсолютно свободно и непринужденно. Ее утомило бесконечно подыгрывать снисходительным взглядам, пытаясь доказать всем и вся, что не будь именно такой ситуации, то ни за что не решилась бы на самоубийство, причем в такой изощренной форме. Пыталась опровергать глупые гипотезы по поводу ее диагноза. Не действовал даже аргумент в виде малолетнего сына, к которому она больше всего мечтает вернуться, ради чего и пошла на огромный риск, лишь бы избавить его от перспективы быть отравленным неким существом неизвестного происхождения. Все это не работало и со временем потеряло всякий смысл.

Какое-то время еще продолжались бесполезные вопросы и ответы, вынуждая девушку все больше и больше открывать завесу своего внутреннего мира перед всеми присутствующими в зале. Но ее уже не заботило мнение окружающих. Она уже поняла, что это мероприятие проводится не с целью решить, возможна ли ее реабилитация и целесообразно ли вновь выпускать ее в большой мир. Все это лишь для того, чтобы самый настоящий психопат выступил перед публикой и собственноручно предоставил доказательства своего сумасшествия.

И ее умозаключения оказались абсолютно верны — выпускать ее на волю, конечно же, никто не собирался.

Утром следующего дня было объявлено решение комиссии, единогласно пришедшей к выводу о невменяемости девушки, наряду со списком других психических расстройств, названий которых она не в силах запомнить. Артем не стал препятствовать и согласился с решением медколлегии, приняв условия заключения его жены как верный и единственный итоговый вариант.

Следующие восемь месяцев, проведенные ею в стенах областной психиатрической лечебницы, и правда поставили точку на ее здравомыслии. Вскоре, после множества встреченных аргументов насчет невозможности существования описанного ею существа, подкрепленных логическими, научными и даже библейскими доводами, она начала сомневаться в своей же истории. Начала думать, что и правда все это ей привиделось, а галлюцинации являлись не чем иным, как посттравматическим синдромом, появившемся вследствие потери отца и желанием избавиться от всепоглощающего чувства вины за то, что по глупости не смогла его уберечь.

Смирившись с положением вещей и понимая, что время вспять повернуть нельзя, Юле морально стало намного проще. Она, казалось бы, даже привыкла к жизни, окруженной людьми в белых халатах, к другим пациентам, а также к регулярному приему различных медикаментов. Даже начала участвовать в общественной деятельности при учреждении, потому как ее обширные знания в литературе стали очень полезными для публикации статей во внутреннем инфоблоке и даже за его пределами.

Радость в глазах Юли убедила всех в том, что она нашла свою опору в той жизни, которую имеет теперь, принося пользу обществу. Она заслужила доверие и со временем стала пользоваться бóльшим количеством привилегий, среди которых было практически свободное посещение читального зала — пускай и под наблюдением, — куда не было доступа у других

пациентов. Также имела возможность помогать в социальных вопросах и составлении внутренней политики заведения. Можно без преувеличения сказать, что практически никто больше не считал ее нездоровой, а присмотр требовался лишь по предписанию лечащего врача, потому многими зачастую игнорировался за ненадобностью.

Но это послабление контроля и излишняя вольность оказалась большой ошибкой со стороны персонала лечебницы — одним из вечеров Юлю нашли в читальном зале мертвой. Ее ноги были согнуты в коленях, а тело свисало в полуметре над полом. На шее была удавка, привязанная к решетке единственного окна в комнате. Она задушила себя тонкой шелковой нитью, которую на протяжении длительного времени старательно выплетала из корешка обложки одной из своих любимых книг.